

Давид Фонкинос Нежность

www.megabook.do.am

Давид Фонкинос Нежность

Я бы не смог примириться с миром, даже если б мгновения одно за другим отрывались от времени, чтобы меня поцеловать.

Чоран

1

Натали была скорее тихая (тип женщины вроде швейцарского). Отрочество она пересекла без аварий, по пешеходным переходам и на зеленый свет. В двадцать лет будущее виделось ей в радужных тонах надежды. Она любила смеяться, любила читать. Два этих занятия совмещались редко: она предпочитала грустные книжки. Поскольку литература, на ее взгляд, была делом недостаточно конкретным, она решила учиться на экономиста. Мечтательная с виду, она не терпела приблизительности. Могла часами созерцать кривые на графике эстонского ВВП со странной улыбкой на губах. Когда на горизонте забрезжила взрослая жизнь, она порой вспоминала детство. Мгновения счастья, рассыпанные по нескольким эпизодам, всегда одним и тем же. Она бежит по пляжу, она поднимается по трапу в самолет, она спит на руках у отца. Но никакой ностальгии она не ощущала, никогда. Довольно редкий случай для Натали.¹

2

Большинство семейных пар обожают рассказывать о себе всякие истории и полагают,

¹ Для большинства Натали характерна выраженная склонность к ностальгии. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, – прим. автора.)

будто их встреча – это нечто исключительное; у бесчисленных союзов, возникающих в обстановке полнейшей банальности, всегда найдется в запасе какая-нибудь умилительная мелочь, которая неизменно вызывает восторг. В конце концов, экзегезу можно построить на чем угодно.

Натали и Франсуа познакомились на улице. Как быть, если мужчина пристаёт к незнакомой женщине? Вопрос деликатный. Женщина, естественно, думает: «Может, он вообще ко всем пристаёт?» Большинство мужчин утверждают, что с ними такое в первый раз. Послушать их, можно подумать, что на них вдруг снизошла несказанная благодать и позволила преодолеть всегдашнюю робость. Женщины на автомате отвечают, что они торопятся и им некогда. Натали не стала исключением. Глупее некуда: никаких особых дел у нее не было, к тому же ей нравилось думать, что однажды на улице к ней подойдет незнакомец. До сих пор никто не решался. Она часто спрашивала себя: может, я выгляжу слишком надутый или слишком ленивой? Однажды кто-то из подруг ей сказал: никто тебя не останавливает, потому что у тебя походка женщины, за которой бегом гонится время.

Когда мужчина подходит к незнакомке, он всегда говорит что-нибудь приятное. Где тот камикадзе, который остановит на улице женщину и ляпнет: «Как вы можете носить эти туфли? Ведь ваши ноги как в концлагере! Позор, вы устроили ГУЛАГ для ног!» Кто такое скажет? Уж точно не Франсуа: он благоразумно предпочел комплименты. Попытался определить самую неопределенную вещь на свете – волнение. Почему он подошел именно к ней? В первую очередь из-за походки. Он почувствовал в ней что-то необычное, почти детское, этакую песенку коленок. Она излучала какую-то трогательную естественность, грациозность в движениях, и он подумал: вот как раз с такой женщиной я бы съездил на уикенд в Женеву. И собрал в кулак всю свою смелость – в ту минуту он бы предпочел иметь даже не два кулака, а все четыре. В основном потому, что с ним такое действительно было в первый раз. В общем, они встретились, здесь и сейчас, прямо на тротуаре. Вполне традиционная завязка, с которой часто начинаются отнюдь не самые обыкновенные истории.

Он пролепетал первые слова, и внезапно все стало просто и ясно. Им двигала несколько пафосная, но бесконечно трогательная энергия – энергия отчаяния. Такая вот магия парадоксов: он чувствовал себя настолько неудобно, что вышел из положения с немалым изяществом. Не прошло и тридцати секунд, как она уже улыбнулась. Первая брешь в броне безмянности. Она согласилась выпить чашечку кофе, и он понял, что никуда она не торопится. Удивительная вещь: он проводил время с женщиной, которая едва успела появиться в его поле зрения. Ему всегда нравилось разглядывать женщин на улице. Насколько он помнил, в подростковом возрасте он был таким романтиком, что мог даже идти за девушкой из хорошей семьи до самых дверей ее квартиры. В метро он, случалось, примечал вдалеке какую-нибудь пассажирку и пересаживался в другой вагон, чтобы оказаться поближе к ней. Покоряясь диктату чувственности, он тем не менее оставался романтиком, верящим, что весь женский мир может сосредоточиться в одной-единственной женщине.

Он спросил, что она будет пить. Выбор имел решающее значение. Он подумал: если закажет кофе без кофеина, я встану и уйду. На подобных свиданиях пить кофе без кофеина непозволительно. Этот напиток меньше всего располагает к общению. И чай не лучше. Не успели встретиться, а уже закутались в какой-то рыхлый кокон. Чувствуется, что воскресными вечерами они будут сидеть дома перед телевизором. Или еще того хуже: ходить в гости к теще. Да, без сомнения, чай – это что-то из сферы родителей жены. Тогда что? Алкоголь? Нет уж, рановато. Когда женщина вот так, с порога, начинает пить – это, наверно, страшно. Даже стакан красного не прокатит. Франсуа терпеливо ждал, пока она выберет, что будет пить, продолжая анализировать влияние выбора напитка на первое

впечатление от женщины. Что остается? Кока-кола и прочая газировка... нет, невозможно, уж очень неженственно. Еще и соломинку вздумает попросить. В конце концов он решил, что лучше всего сок. Да, сок – это симпатично. Располагает к общению и не слишком агрессивно. Чувствуется, что девушка ласковая и уравновешенная. А какой сок? Классики лучше избегать: яблочный или апельсиновый – слишком банально. Чуть-чуть оригинальности, но без эксцентрики. Папайя или гуайява... Ужас! Нет, лучше всего выбрать что-то среднее, вроде абрикоса. Вот именно! Абрикосовый сок – в самую точку. Если она его выберет, я на ней женюсь, подумал Франсуа. Ровно в эту секунду Натали подняла голову от карты напитков, словно очнувшись от долгих раздумий. Тех же самых, что и незнакомец, сидевший напротив.

– Я возьму сок...

– ?..

– Абрикосовый, наверно.

Он воззрился на нее так, словно увидел параллельный мир.

Почему она согласилась посидеть с ним в кафе? Потому что подпала под обаяние. Ей сразу понравилась эта смесь неловкости и убедительности, эта манера, плавно перетекающая из Пьера Ришара в Марлона Брандо. В его внешности было то, что она всегда ценила в мужчинах: легкое косоглазие. Очень легкое, и все же заметное. И вот она с удивлением обнаружила у него эту особенность. К тому же его звали Франсуа. Она всегда любила это имя. Изящное и спокойное, как пятидесятые годы в ее представлении. Теперь он говорил, и чем дальше, тем свободнее. Между ними не было никаких зазоров, никакого смущения, никакой натянутости. Не прошло и десяти минут, как сцена уличного знакомства была забыта. У обоих возникло такое чувство, что они уже встречались и сейчас у них просто свидание. Вообще все оказалось настолько просто, что они растерялись – и в этой простоте растеряли все прежние свидания, когда приходилось говорить, пытаться острить, стараться выставить себя в лучшем виде. Все становилось до смешного очевидным. Натали смотрела, как этот парень перестает быть незнакомцем, как чешуйки его безымянности отпадают прямо на глазах. Она пыталась вспомнить, куда направлялась, когда встретила его. Как-то неясно. Не в ее духе разгуливать без цели. Может, она шла по следам романа Кортасара, который только что прочла? Теперь пространство между ними заполняла литература. Да, точно, она прочла «Игру в классики», ей особенно понравились те сцены, где герои пытаются встретиться на улице, выбирая «дороги, рожденные фразой, оброненной каким-нибудь клошаром». По вечерам они заново проходили свой путь на карте, чтобы понять, в какой момент могли встретиться, в какие моменты точно прошли совсем рядом друг с другом. Так вот куда она шла: в роман.

3

Три любимые книги Натали

- «Прекрасная дама» Альбера Коэна
- «Любовник» Маргерит Дюрас
- «Расставание» Дана Франка.

4

Франсуа работал в банке. Достаточно было провести пять минут в его обществе, чтобы этот факт показался не меньшей нелепостью, чем профессия экономиста Натали. Наверно, конкретика – это диктатура, запрещающая людям следовать своему призванию. Впрочем, при всем при том трудно было себе представить, чем бы еще он мог заниматься. Хотя при встрече с Натали он, как мы видели, держался почти робко, это был человек невероятно

жизнелюбивый, бурлящий энергией и фонтанирующий идеями. Увлечшись, он мог бы делать что угодно, хоть торговать галстуками. Его легко было вообразить коммивояжером с чемоданчиком: крепко пожимает вам руку в надежде так же крепко взять за горло. Он обладал возбуждающим обаянием людей, способных впарить вам любую дребедень. С ним вы отправитесь купаться в исландских озерах или кататься на лыжах в летний зной. Он был из тех мужчин, что, первый раз в жизни познакомившись на улице с женщиной, попадут ровно на ту, что надо. Казалось, ему удастся все. Так почему бы и не финансы? Он принадлежал к породе начинающих трейдеров, которые ворочают миллионами, вспоминая, как совсем недавно играли в «Монополию». Но стоило ему выйти из банка, как он превращался в другого человека. САС-40² оставался в своем небоскребе. Профессия не мешала ему жить в свое удовольствие. Больше всего на свете он любил собирать пазлы. Как ни странно, это мирное занятие давало выход его кипучей энергии, и иногда по субботам он целый день собирал картинку из тысячи кусочков. Натали любила наблюдать, как ее жених ползает на корточках по гостиной. Целый безмолвный спектакль. Внезапно он вскакивал и кричал: «Так, все, мы идем гулять!» Да, вот это последнее, что нужно уточнить. Он не любил плавных переходов. Он любил перепады, любил перепрыгивать от тишины и покоя к бурной деятельности.

С Франсуа время несло с немыслимой скоростью. Можно подумать, он обладал способностью перемахивать через дни, создавать фантастические недели без четвергов. Едва успев встретиться, они уже отмечали два года. Два года без единого облачка: есть от чего прийти в отчаяние любителям бить посуду. На них смотрели с восхищением, как на чемпионов. Они были лидерами в велогонке любви. Натали училась блестяще и старалась по мере сил облегчать быт Франсуа. Поскольку ее избранник был немного старше ее и вполне обеспечен, она смогла переехать от родителей к нему. Но ей не хотелось сидеть у него на шее, и она решила несколько вечеров в неделю подрабатывать в театре билетершей. Атмосфера театра приводила ее в восторг, уравнивая несколько суровую обстановку университета. Когда зрители занимали свои места, она усаживалась в глубине зала и смотрела спектакль, который уже знала наизусть. Ее губы шевелились вместе с губами актрис, а когда публика аплодировала, она кланялась. А потом продавала программки.

Выучив весь репертуар, она шутки ради вставляла в разговор целые диалоги из пьес или расхаживала по гостиной, мяукая, что ее кошечка умерла. В последнее время она разыгрывала «Лоренцаччо» Мюссе, бросая ни с того ни с сего бессвязные реплики. «Пройдем здесь. Венгерец прав». Или: «Кто это барахтается там в грязи? Кто ползает у стен моего дворца с такими ужасными криками?»³ Вот что доносилось в тот день до Франсуа, который тщетно пытался сосредоточиться.

– Ты не могла бы производить чуть меньше шума? – попросил он.

– Ладно, конечно.

– Просто я собираю очень важный пазл.

И Натали притихла, чтобы не мешать трудолюбивому Франсуа. С виду этот пазл не походил на другие. Нигде не было видно никаких узоров, никаких замков, никаких персонажей. Только белый фон и красные завитки. Завитки постепенно превращались в буквы. Это было сообщение в форме пазла. Натали отложила открытую было книгу и стала следить, как продвигается пазл. Франсуа время от времени поглядывал на нее. Зрелище приближалось к развязке, картинка почти проявилась. Оставалось уложить всего несколько кусочков, и Натали уже угадывала послание, которое он старательно сложил из сотен частей. Да, теперь она могла прочесть надпись на картинке: «Ты выйдешь за меня замуж?»

² САС-40 – важнейший фондовый индекс Франции. (Прим. перев.)

³ Перевод А. В. Федорова. (Прим. перев.)

5

Победители чемпионата мира по пазл-спорту, проходившего в Минске 27 октября – 1 ноября 2008 г.

1. Ульрих Фойгт (Германия): 1464 очка
2. Мехмет Мурат Севим (Турция): 1266 очков
3. Роджер Баркан (США): 1241 очко.

6

Свадьба не стала помехой в работе этого отменного механизма и удалась на славу. Простой и теплый праздник, без особых изысков и без лишней скромности. По бутылке шампанского на гостя: весьма практично. Веселились искренне, без натуги. На свадьбе всем положено иметь праздничное настроение. Это совсем не то, что день рождения. Существует иерархия обязательной радости, и свадьба стоит на вершине пирамиды. Все должны улыбаться, все должны танцевать, а позже – загонять стариков спать. Не забудем отдельно упомянуть красоту Натали: она тщательно, по нарастающей готовила свой выход, несколько месяцев работала над весом и лицом. Результат оправдал все ожидания – ее красота достигла апогея. Эту неповторимую минуту кто-то должен был увековечить, подобно Армстронгу, когда он водрузил на Луне американский флаг. Взволнованный Франсуа смотрел на нее, и именно он увековечил этот момент в своей памяти лучше всех. Перед ним стояла его жена, и он знал, что эта картина и никакая иная пронесется перед его глазами перед смертью. Так всегда бывает с минутами наивысшего счастья. И тут она встала, взяла микрофон и спела песню *Beatles*.⁴ Франсуа был помешан на Джоне Ленноне. И кстати, в его честь облачился в белый костюм. Так что когда новобрачные танцевали, белизна одного растворялась в белизне другого.

К несчастью, пошел дождь. Наверно, это помешало гостям дышать свежим воздухом и любоваться на взятые напрокат звезды. В таких случаях люди обожают изрекать всякие нелепые поговорки, вроде: «Дождь на свадьбу – к счастью!» Почему мы вечно оказываемся во власти подобных абсурдных фраз? Конечно, это было не важно. Просто шел дождь, и было немножко грустно, вот и все. Вечеринка, отрезанная от передышек на свежем воздухе, имела уже не тот размах. Глядеть на ливень за окном – занятие довольно кислое. Кто-то из гостей уйдет раньше, чем собирался. Другие будут танцевать по-прежнему хоть в дождь, хоть в снегопад. Третьи останутся в нерешительности. И какое до этого дело новобрачным? В счастье настает такой час, когда вы одни среди толпы. Да, в вихре музыки и вальса они были одни. Надо кружиться как можно дольше, говорил он, кружиться, пока голова не пойдет кругом. Она не думала ни о чем. Мысли исчезли. В первый раз она жила в неповторимой, всепоглощающей плотности жизни – в плотности настоящего.

Франсуа подхватил Натали за талию и потащил на улицу. Они побежали в другой конец сада. Она сказала: «Ты с ума сошел!», но это сумасшествие переполняло ее сумасшедшей радостью. Теперь их, вымокших до нитки, скрывали деревья. В темноте, под дождем, они растянулись прямо на грязной земле. От белизны их одежд осталось одно воспоминание. Франсуа задрал платье жены, признавшись, что ему хотелось это сделать с самого начала празднества. Он мог бы это сделать прямо в церкви. Восславить, не сходя с места, их обоюдное «да». Но он сдерживал желание – вплоть до этой минуты. Натали поразило, насколько оно было сильным. Но с этого момента она уже ни о чем не думала.

⁴ *Here, There and Everywhere* (1966).

Подчинялась мужу, старалась правильно дышать, старалась уцелеть среди этой бури. Ее желание вторило желанию Франсуа. Ей так хотелось, чтобы он взял ее сейчас, в их первую брачную ночь. Она ждала, она ждала, а Франсуа суетился, Франсуа хлопотал в безумном возбуждении, одержимый безмерной жаждой наслаждения. Вот только в тот момент, когда он собирался в нее войти, на него напал паралич. Какая-то тревога, что-то похожее на страх перед слишком острым счастьем, но нет, дело было в чем-то другом, и это другое ему мешало. «В чем дело?» – спросила она. И он ответил: «Ни в чем... Ничего... просто я в первый раз занимаюсь любовью с замужней женщиной».

7

Примеры нелепых поговорок, которые люди обожают изрекать

- Где потеряешь, там и найдешь.
- С милым рай и в шалаше.
- Если женщина смеется – она сдается.

8

Они уехали в свадебное путешествие, нащелкали фотографий и вернулись обратно. Теперь предстояло вступить в реальную часть жизни. Натали закончила учебу уже больше полугода назад. До сих пор у нее было оправдание: она не искала работу, потому что готовилась к свадьбе. Организовать свадьбу – это как сформировать правительство после войны. А куда девать коллаборационистов? Столько всяких сложностей, конечно, ничем другим заниматься невозможно. Вообще говоря, это была не совсем правда. В первую очередь ей хотелось иметь какое-то время для себя, время почитать, побродить по городу: она как будто знала, что дальше этого времени у нее не будет. Что ее с головой поглотит работа и, безусловно, супружеская жизнь.

Пора было проходить собеседования. После нескольких попыток она поняла, что все не так просто. Значит, вот это и есть нормальная жизнь? В конце концов, она считала, что у нее диплом известного университета, что она набралась опыта во время нескольких серьезных стажировок, где тоже занималась делом, а не сидела на ксероксе, в промежутках подавая кофе. Ей назначили встречу в шведской фирме, где была вакансия. Как ни странно, ее принял сам шеф, а не начальник отдела кадров. По официальной версии, он якобы хотел держать кадровые вопросы под личным контролем. Истина была куда прозаичнее: он заходил в отдел кадров и увидел фото на резюме Натали. Весьма странное фото – по нему невозможно было толком оценить ее внешность. Возникло, конечно, подозрение, что она отнюдь не дурнушка, но не это привлекло внимание шефа. Что-то другое. Что-то такое, что он толком не мог сформулировать, что-то вроде ощущения: благоразумие. Да, вот именно это он и почувствовал. Ему показалось, что эта женщина выглядит благоразумной.

Шарль Деламен не был шведом. Но стоило войти к нему в кабинет, как сам собой напрашивался вопрос, а не собирается ли он им стать – чтобы угодить акционерам, конечно. На столике из ИКЕА стояла тарелка с горкой хлебцев, от которых бывает очень много крошек.

- Я с большим интересом изучил ваше резюме... и...
- Да?
- У вас на пальце обручальное кольцо. Вы замужем?
- Ну... Да.

Повисла пауза. Шарль несколько раз просматривал ее автобиографию и не заметил, что она замужем. Когда она ответила «да», он снова заглянул в автобиографию. Действительно

замужем. Фото словно заслонило в его голове семейное положение этой женщины. Но, в конце концов, какая разница? Надо было продолжать собеседование, не дать возникнуть неловкости.

– И собираетесь заводить детей?

– Не сейчас, – ответила Натали без тени колебания.

Вопрос этот мог показаться совершенно естественным при приеме на работу молодой женщины, которая недавно вышла замуж. Но она почувствовала что-то иное, только не могла понять, что именно. Шарль больше не задавал вопросов и молча разглядывал ее. Наконец он встал и взял хлебец.

– Хотите криспролл?

– Нет, спасибо.

– Попробуйте!

– Вы очень любезны, но я не голодна.

– Попробуйте, придется привыкать. У нас только их и едят.

– Вы хотите сказать... что?..

– Да.

9

Иногда Натали казалось, что люди завидуют ее счастью. Это было какое-то расплывчатое, мимолетное ощущение, ничего конкретного. Но она это чувствовала. По каким-то мелочам – едва заметным, но многозначительным улыбкам, по тому, как на нее смотрели. Никому и в голову не приходило, что временами она боялась этого счастья, боялась, что в нем таится угроза несчастья. Случалось, она говорила «Я счастлива» – и тут же осекалась, из какого-то суеверия, воспоминания обо всех тех моментах, когда жизнь в итоге подносила неприятный сюрприз.

Родные и друзья, присутствовавшие на свадьбе, составляли, так сказать, *первый круг общественного давления*. Родные и друзья ждали, чтобы они непременно родили ребенка. Неужели их собственная жизнь настолько скучна, что приходится волноваться из-за чужой? Так всегда и бывает. Мы живем, подчиняясь диктату чужих желаний. Натали с Франсуа не желали превращаться в семейный сериал для окружающих. На данный момент им нравилась мысль, что они вдвоем, одни в целом мире и что им просто-напросто, самым банальным образом, хорошо. С первой встречи их не покидало чувство абсолютной свободы. Оба обожали путешествовать и в своем невинном романтизме, едва выдавался солнечный выходной, колесили по всей Европе. Очевидцев их любви можно было встретить в Риме, в Лиссабоне и даже в Берлине. В этом вольном полете они ощущали себя близкими, как никогда. И еще в этих путешествиях выражалась их неподдельная страсть к невероятным приключениям. По вечерам они безумно любили вновь и вновь рассказывать друг другу про свою встречу, с удовольствием вспоминать все подробности, гордые тем, что им так невероятно повезло. Во всем, что касалось мифологии их любви, они были как дети: им никогда не надоело слушать одну и ту же историю.

В общем, да, от такого счастья могло стать страшно.

Их не засосал быт. Оба работали все больше, но выкраивали время, чтобы повидаться в течение дня. Пообедать вместе, пусть и на скорую руку. «На одной ноге», как говорил Франсуа. Натали нравилось это словечко. Она воображала себе современную картину, где нарисована пара, обедающая на ступне огромной ноги, – что-то вроде завтрака на траве. Такую картину мог бы написать Дали, как-то сказала она. Бывают такие фразы: их обожают, считают бесподобными, хотя тот, кто их произнес, ничего такого не имел в виду. Франсуа нравилась эта возможность новой картины Дали, нравилось, что жена может придумывать и

даже менять по-своему историю живописи. Это была какая-то предельная форма простодушия. Он шепнул, что хочет ее прямо сейчас, все равно где. Это было невозможно, она уже убегала. Значит, он подождет до вечера, набросится на нее со всей силой желания, скопившегося в нем за часы фрустрации. Их сексуальная жизнь со временем отнюдь не оскудела. Большая редкость: каждый их день до сих пор нес на себе отпечаток самого первого дня.

Еще они старались не выпадать из общественной жизни, по-прежнему виделись с друзьями, ходили в театр, без предупреждения заваливались в гости к бабушкам и дедушкам. Старались не сидеть взаперти. Не попасться в ловушку усталости и скуки. Так прошли годы, и все казалось очень просто. Тогда как другие прилагали усилия. Натали не понимала выражения: «Жизнь вдвоем – это труд». Она считала, что либо все просто, либо вообще никак. Легко так думать, когда все гладко и безоблачно. Нет, вообще-то иногда тучки бывали. Но невольно возникал вопрос, а не ссорятся ли они только ради удовольствия помириться. Ну что еще сказать? Все шло настолько удачно, что впору забеспокоиться. Время было бессильно перед этой легкостью, перед этим редким талантом живых.

10

Куда еще собирались отправиться Натали и Франсуа

- Барселона
- Майами
- Ла-Боль.

11

Не успеешь вздохнуть, а время пролетело. Натали работала в своей шведской фирме уже пять лет. Пять лет всяческих проектов, беготни взад-вперед по коридорам и поездок вверх-вниз на лифте. Почти что расстояние от Парижа до Москвы. Пять лет – и тысяча двести двенадцать стаканчиков кофе из автомата. Из них триста восемьдесят – во время четырехсот двадцати встреч с клиентами. Шарль был просто счастлив иметь такую сотрудницу в своем ближайшем окружении. И нередко приглашал ее к себе в кабинет, просто чтобы похвалить. Как правило, конечно, в конце рабочего дня. Когда все расходились по домам. Но ничего такого себе не позволял. Он испытывал к ней нежность и ценил моменты, когда они оставались наедине. Конечно, он пытался создать почву для более двусмысленных отношений. Любая другая женщина сразу бы раскусила его маневры, но Натали жила в странном тумане моногамии. Прошу прощения – любви. Той любви, для которой все прочие мужчины не существуют и которая одновременно лишает способности воспринимать попытки обольщения сколько-нибудь объективно. Шарля это забавляло, а Франсуа представлялся ему просто мифом. К тому же, наверно, в ее манере всегда оставаться в стороне от соблазна он усматривал своего рода вызов. Ему непременно надо было рано или поздно создать между ними какую-то зыбкость, пусть минимальную. Иногда его поведение вдруг резко менялось, и он жалел, что взял ее на работу. Созерцать каждый день эту недоступную женственность было утомительно.

Особые, как все считали, отношения Натали с шефом создавали некоторую нервозность. Она пыталась разрядить напряжение, не обращать внимания на мелкие офисные дразги. Еще и по этой причине она держала Шарля на расстоянии. Чтобы не войти в старомодную роль фаворитки. Из-за своей элегантности и ореола близости к начальству она, наверно, казалась еще более требовательной. Такое у нее было ощущение, может быть, и неоправданное, она не знала. Все единодушно предсказывали этой незаурядной, энергичной

и трудолюбивой женщине большое будущее в их фирме. Шведские акционеры успели уже не раз вкусить от плодов ее блестящих инициатив. Она возбуждала зависть и получала удары ниже пояса. Ее пытались вывести из равновесия. Она не жаловалась, никогда не плакалась в жилетку Франсуа по вечерам. Это тоже был способ показать, что ярмарка тщеславия и арена честолюбия ей совершенно безразличны. Эту способность не увязать в проблемах, пускать их по касательной все считали признаком силы. Быть может, это было самое прекрасное ее умение: умение не обнаруживать свои слабости.

12

Расстояние от Парижа до Москвы

2478 километров.

13

На выходных Натали часто чувствовала себя вымотанной. Она любила по воскресеньям полежать на тахте с книжкой, пытаясь чередовать прозу и грезы, когда дремота брала верх над литературным вымыслом. Укрывала ноги пледом и – что еще сказать: ах да, любила заварить себе чаю и пить по несколько чашек, маленькими глоточками, словно из неиссякаемого чайного источника. В то воскресенье, когда все случилось, она читала толстый русский роман: писателя этого читают куда меньше, чем Толстого и Достоевского, что наводит на размышления о несправедливости потомков. Ей нравилась вялость главного героя, его бездеятельность, неспособность оставить на повседневной жизни отпечаток своей энергии. В этой его слабости было что-то грустное. Она любила длинные романы, которые можно смаковать долго, как чай.

Рядом вырос Франсуа: «Чего читаешь?» Она ответила, что одного русского писателя, не уточняя какого: ей показалось, что он спросил просто так, из вежливости, механически. Было воскресенье. Она любила книжки, он любил пробежки. На нем были эти его смешные шорты. Откуда ей было знать, что она видит его в последний раз. Он скакал по всей комнате. Такая у него была манера: он всегда первым делом разогревался в гостиной и делал шумный вдох перед тем, как выйти за дверь, словно хотел оставить по себе зияющую пустоту. На этот раз у него получится, это точно. Уходя, он наклонился к жене и что-то ей сказал. Как ни странно, она так и не сможет вспомнить, что именно. Их последний разговор испарится как дым. А потом она уснула.

Когда она проснулась, то не сразу поняла, долго спала или нет. Десять минут? Час? Она подлила себе чаю. Еще горячего. Это был знак. Вроде бы ничего не изменилось. Все осталось прежним, таким, как когда она уснула. Да, все было точно таким же. Телефон зазвонил в этот самый момент – в момент возвращения в исходную точку. Звонок смешался с паром от чая: ощущение было до странности одинаковым. Натали сняла трубку. В следующую секунду ее жизнь перестала быть прежней. Она инстинктивно заложила страницу закладкой и бросилась на улицу.

14

Примчавшись в приемный покой больницы, она не знала, что говорить, что делать. Довольно долго стояла столбом. Наконец в регистратуре ей сказали, в какой палате ее муж, и она увидела его. Он лежал на кровати. Неподвижно. Она подумала: как будто спит. Он никогда не ворочается по ночам. А сейчас просто ночь, самая обычная ночь.

– Какие у него шансы? – спросила Натали у врача.

– Минимальные.

– Что значит минимальные? Минимальные – то есть никаких? Если да, то так и скажите.

– Я ничего не могу вам сказать, мадам. Шансы бесконечно малы. Никогда нельзя знать...

– Нет, можно, вы должны знать! Это ваша работа – знать!

Она выкрикнула эту фразу изо всех сил. И еще раз, и еще. А потом замолчала и впиалась взглядом во врача. Он тоже стоял неподвижно, как парализованный. Он видел много драматических сцен. Но сейчас, сам не зная почему, ощущал, что перед ним что-то вроде вершинной точки в иерархии драмы. Он смотрел в лицо этой женщины, скорчившейся от боли. Неспособной плакать, мгновенно иссушенной страданием. Она шагнула к нему, потерянная, отрешенная. И рухнула на пол.

Когда она пришла в себя, то увидела своих родителей. И родителей Франсуа. Минуту назад она читала книгу, а теперь вдруг оказалась не дома. Распавшаяся реальность наконец сложилась. Ей захотелось дать задний ход, вернуться обратно в сон, обратно в воскресенье. Это было невозможно. Это невозможно, повторяла и повторяла она, как замороженная, как в бреду. Ей объяснили, что он в коме. Что еще не все потеряно. Но она прекрасно знала, что все кончено. Она чувствовала. У нее не было мужества бороться. Ради чего? Неделю поддерживать в нем жизнь. А потом? Она видела его. Она видела его неподвижность. Из такой неподвижности не возвращаются. Такими остаются навсегда.

Ей дали успокоительное. Все рухнуло, вокруг нее ничего не осталось. Но нужно было что-то говорить. Собраться с духом. Это было выше ее сил.

– Я останусь с ним. Буду за ним ухаживать.

– Нет, это бесполезно. Тебе лучше вернуться домой и отдохнуть, – сказала ей мать.

– Я не хочу отдыхать. Я должна оставаться здесь, я должна оставаться здесь.

Она выговорила это на грани обморока. Врач уговаривал ее поехать с родителями. Она спросила: «Но если он очнется, а меня нет?» Все смущенно замолчали. Никто не верил, что он очнется. Ее пытались успокоить – иллюзией: «Тогда вам немедленно сообщат, но сейчас вам, безусловно, лучше немного отдохнуть». Натали ничего не ответила. Все вокруг старались ее уложить, перевести и ее в горизонтальное положение. Тогда она поехала с родителями. Мать приготовила ей бульон, она не смогла его проглотить. Приняла еще две таблетки и повалилась на кровать. На свою кровать, в своей комнате, комнате ее детства. Еще утром она была женщиной. А теперь засыпала как маленькая девочка.

15

Слова, которые мог сказать Франсуа, прежде чем уйти на пробежку

- Я тебя люблю.
- Обожаю.
- Бегу – время, потехе – час.
- Что у нас сегодня на ужин?
- Хорошая книжка у моей малышки.
- Скоро вернусь.
- Я не собираюсь попадать под машину.
- Надо бы позвать в гости Бернара с Николь.
- Самому, что ли, как-нибудь книжку почитать...
- Сегодня буду разрабатывать икроножные мышцы.
- Сегодня вечером сделаем ребенка.

16

Через несколько дней он умер. Натали, одуревшая от транквилизаторов, была не в себе. Она все время думала об этом их последнем мгновении вдвоем. Это было слишком нелепо. Как, каким образом такое огромное счастье могло вдруг взять и разлететься вдребезги? Оставить по себе лишь смешную картинку: мужчина скачет по гостиной? И еще эти слова, что он сказал ей на ухо. Она никогда их не вспомнит. Может, он вообще просто подул ей на макушку. Уходя, он наверняка был уже призраком. Конечно, призраком в человеческом облике, но он не мог производить звуки, только тишину, ведь в нем уже поселилась смерть.

На похороны пришли все без исключения. Все съехались на родину Франсуа. Он был бы счастлив, увидев такую толпу, подумала она. А потом: да нет же, что за абсурд – думать такие вещи. Как может мертвец быть счастлив от чего бы то ни было? Он сейчас гниет в четырех досках: какое тут счастье? Пока Натали в окружении близких шагала за гробом, ее вдруг пронзила еще одна мысль: гости те же, что на нашей свадьбе. Да, все здесь. Все одинаково. Встретились несколько лет спустя, а кое-кто и одет точно так же. Вытащил на свет единственный темный костюм, который сгодится и в горе и в радости. Единственное отличие – погода. День был безоблачный, почти жаркий. Для февраля месяца – просто счастье. Да, сегодня солнце светило изо всех сил. И Натали, обжигая глаза, смотрела прямо на солнце, пока оно не превратилось в ослепительно-холодный мутный ореол.

Его закопали – и всё.

После похорон у Натали было единственное желание: остаться одной. К родителям возвращаться не хотелось. Ей не хотелось больше ощущать на себе участливые взгляды. Ей хотелось зарыться в землю, запереться на все засовы, жить в могиле. Друзья отвезли ее домой. В машине все молчали, никто не знал, что сказать. Шофер предложил включить музыку. Но Натали почти сразу попросила ее выключить. Это было невыносимо. Каждая мелодия напоминала ей Франсуа. Каждая нота звучала эхом какого-нибудь воспоминания, какой-нибудь истории, их общего смеха. Она поняла, что это будет ужасно. За семь лет совместной жизни он успел распространиться повсюду, оставить свой след на каждом ее вздохе. Ей стало ясно, что она не найдет в жизни ничего, что заставило бы забыть его смерть.

Друзья помогли ей поднять вещи в квартиру. Но внутрь она их не пустила.

– Не предлагаю вам остаться, я очень устала.

– Обещаешь позвонить, если тебе что-нибудь понадобится?

– Да.

– Точно обещаешь?

– Точно.

Она со всеми расцеловалась и всех поблагодарила. И с облегчением осталась одна. Другой не вынес бы одиночества в этот момент. Натали же о нем мечтала. Но обстановка становилась все более невыносимой. Она вошла в гостиную, и все было на месте. Точно так же. Ничего не изменилось. Плед по-прежнему лежал на тахте. На журнальном столике по-прежнему стоял чайник и лежала книга, которую она читала. Больше всего ее поразила закладка. Она рассекала книгу пополам; первую часть она прочла, когда Франсуа был еще жив. А на 321-й странице он умер. И что теперь делать? Можно ли дочитать книгу, если, пока вы читали, у вас умер муж?

Когда человек говорит, что хочет остаться один, его никто не слушает. Тяга к одиночеству – влечение непременно пагубное. Напрасно Натали пыталась всех успокоить – все рвались к ней зайти. А значит, она была обязана разговаривать. Но она не знала, что

сказать. Ей казалось, что придется все начинать с нуля, в том числе и учиться говорить. Быть может, по сути, все они были правы, вынуждая ее хоть немного общаться, умыться, одеваться, принимать гостей. Знакомые передавали ее друг другу, как эстафетную палочку, это было до ужаса очевидно. Ей представлялось нечто вроде антикризисного комитета, управляющего ее драмой; она так и видела, как секретарь – конечно же ее мать – чертит гигантский график, искусно чередуя визиты родственников с визитами друзей. В ушах у нее звучали голоса членов этой секты поддержки, они комментировали каждый ее жест. «Ну как она?», «Что она делает?», «Что она ест?». У нее складывалось впечатление, что, когда ее собственный мир рухнул, она внезапно превратилась в центр мироздания.

Едва ли не чаще всех появлялся Шарль. Он заходил каждые два-три дня. Помимо прочего, якобы для того, чтобы *держат* ее в контакте с профессиональной средой. Он рассказывал ей, как продвигаются текущие дела, и она смотрела на него как на полоумного. Какое ей на фиг было дело до того, что китайская внешняя торговля на данный момент переживает кризис? Что, китайцы вернут ей мужа? Нет. Ну вот. Значит, и говорить тут нечего. Шарль прекрасно понимал, что она его не слушает, но знал, что постепенно, мало-помалу, его слова должны возыметь эффект. Что он, словно через капельницу, вливает в нее какие-то элементы реальности. Что и Китай, и даже Швеция должны снова занять свое место в кругозоре Натали. Шарль подсаживался совсем близко:

– Ты можешь приступить к работе, когда захочешь. И знай, что вся наша фирма тебя поддерживает.

– Спасибо, это очень любезно.

– И ты знаешь, что можешь рассчитывать на меня.

– Спасибо.

– Рассчитывать на меня во всем.

Она не понимала, почему после смерти мужа он вдруг перешел с ней на «ты». Что бы это значило? Но, собственно, зачем искать в этой перемене какой-то смысл? У нее не было на это сил. Может, он чувствовал какую-то ответственность за нее; считал нужным показать, что целый пласт ее жизни остался незыблемым. И все-таки это «ты» звучало странно. А впрочем, нет, есть слова, которые невозможно сказать на «вы». Слова утешения. Чтобы их произнести, нужно максимально сократить дистанцию, нужно стать очень близким. Она находила, что он приходит несколько чаще, чем надо. Пыталась дать ему это понять. Но разве кто-нибудь слушает тех, кто плачет? Он был рядом, он становился назойлив. Однажды вечером он разговаривал с ней и положил ей руку на колено. Она ничего не сказала, но сочла, что он на редкость неделикатен. Он что, хочет воспользоваться ее горем и занять место Франсуа? Ему ли кататься на «месте смертника»? Может, он просто хотел дать ей понять, что он тут, рядом – на случай, если ей вдруг захочется ласки. Если ей захочется заняться любовью. Близость смерти иногда толкает нас в сексуальную сферу, не такая уж это редкость. Но здесь был иной случай. Она не могла представить себе другого мужчину. Она оттолкнула руку Шарля, и тот почувствовал, что, похоже, зашел слишком далеко.

«Я скоро выйду на работу», – сказала она.

Не вполне ясно представляя себе, что значит это «скоро».

18

Почему Роман Полански экранизировал роман «Тэсс из рода д'Эрбервиллей» Томаса Харди

Здесь все было не совсем так, смерть не прерывала чтения. Но Шэрон Тейт, жена Романа Полански, зверски убитая Чарльзом Мэнсоном, незадолго до смерти предложила мужу снять фильм по этой книге: она считала ее идеальной для экранизации. Поэтому, когда

лет десять спустя выйдет фильм «Гэсс» с Настасьей Кински в заглавной роли, он будет посвящен ей.

19

Натали и Франсуа не захотели сразу заводить ребенка. Это входило в их планы на будущее. На будущее, которого отныне не существовало. Их ребенок так и останется виртуальным. Иногда думаешь обо всех этих музыкантах, которые постоянно умирают, и спрашиваешь себя – что они могли бы написать, если бы остались живы? Какой альбом выпустил бы Джон Леннон в 1992 году, если бы не умер в 1980-м? А какую жизнь мог бы прожить этот ребенок, так и не родившийся на свет? Надо бы иногда задумываться обо всех этих судьбах, выброшенных на берег морем возможного.

Несколько недель она вела себя почти как помешанная: не признавала смерти. Воображала себе повседневную жизнь так, как будто муж по-прежнему был с ней. Утром, уходя на прогулку, могла оставить ему записку на столе в гостиной. Часами бродила по улицам с одним-единственным желанием: затеряться в толпе. Случалось, заходила в церковь, хоть и была неверующей. И не сомневалась, что не уверует никогда. Ей трудно было понять тех, кто находит убежище в религии, трудно понять, как можно верить после того, как переживешь такое. И все-таки, сидя под вечер среди пустых стульев, она испытывала пусть ничтожное, но облегчение – от самого места. Да, на какой-то миг, мельком, но ощущала тепло Христа. Тогда она преклоняла колени – и стояла так, словно святая с дьяволом в сердце.

Иногда она возвращалась туда, где они встретились в первый раз. Шла по тому же тротуару, по которому, еще безымянная для него, шагала семь лет назад. И спрашивала себя: «А что со мной будет, если кто-то подойдет ко мне сейчас?» Но никто не нарушал ее внутреннего уединения.

Еще она приходила туда, где муж попал под машину. Где он так неудачно побежал через улицу, в шортах, с наушниками от плеера в ушах. Последняя его неудача. Она вставала на кромку тротуара и смотрела, как едут машины. Почему бы ей не покончить с собой на этом самом месте? Почему бы следам их крови не смешаться в последнем зловещем союзе? Она стояла подолгу, не зная, что делать, и по лицу ее ползли слезы. Особенно часто она возвращалась сюда в первое время, сразу после похорон. Сама не знала, зачем ей нужно причинять себе такую боль. Ведь это абсурд! Абсурд – стоять здесь и представлять, какой силы был удар, абсурд – пытаться сделать смерть мужа настолько конкретной. Но может, в сущности, это был единственный выход? Кто знает, как пережить такую драму? Методик для этого не разработано. Каждый читает те письма, что пишет его тело. Натали утоляла свою потребность быть здесь, плакать на обочине дороги, медленно умирать от слез.

20

Дискография Джона Леннона, если бы он не умер в 1980-м

- Still Yoko (1982)
- Yesterday and Tomorrow (1987)
- Berlin (1990)
- Titanic Soundtrack (1994)
- Revival – The Beatles (1999).

21

Жизнь Шарлотты Барон с того дня, когда она задавила Франсуа

Если бы не теракт 11 сентября 2001 года, Шарлотта бы точно никогда не стала флористкой. 11 сентября был ее день рождения. Ее отец в тот момент находился в Китае и заказал для нее цветы. Жан-Мишель, поднимаясь по лестнице, еще не знал, что здание нашей эпохи только что пошатнулось. Он позвонил в дверь и увидел смертельно бледное лицо Шарлотты. Она не могла произнести ни слова. Взяла букет и спросила:

– Вы в курсе?

– Чего?

– Идите сюда...

Жан-Мишель и Шарлотта весь день просидели на тахте, глядя, как самолеты на экране снова и снова таранят башни. Пережить вдвоем подобный момент – это сближает. Они стали неразлучны, у них даже был роман, но через несколько месяцев оба пришли к выводу, что они скорее друзья, чем любовники.

Чуть позже Жан-Мишель открыл собственную фирму по доставке цветов и предложил Шарлотте работать у него. С тех пор вся их жизнь состояла из бесконечных букетов. В то воскресенье, когда произошел несчастный случай, у Жан-Мишеля все было готово. Клиент хотел сделать девушке предложение. Она получит цветы и поймет, что он хотел сказать: у них это что-то вроде условного сигнала. Цветы непременно нужно было доставить в это воскресенье, в годовщину их встречи. Жан-Мишель уже собирался выезжать, когда ему позвонила мать: его дед попал в больницу. Шарлотта сказала, что все сделает. Ей очень нравилось водить их фургончик. Особенно когда заказ только один и не нужно спешить. Она думала об этой паре, о своей роли в их романе – незнакомка, от которой зависит их судьба. Думала обо всем этом, и много еще о чем, а потом какой-то мужчина выскочил прямо под колеса. И она не успела затормозить.

Шарлотту эта авария подкосила. Психолог пытался ее разговорить, заставить как можно быстрее выплеснуть из себя шок, чтобы травма не отложилась в ее подсознании разъедающей язвой. Довольно скоро у нее возник вопрос: быть может, она должна связаться с вдовой? В конце концов она решила, что это бесполезно. Да и что она может сказать? «Извините, пожалуйста»? Разве в подобных случаях извиняются? А еще она, наверно, могла бы добавить: «Придурок ваш муж, бегал где попало, он ведь и мне жизнь поломал, это вы понимаете? Думаете, легко жить дальше, зная, что убил человека?» Иногда в ней вскипала настоящая ненависть к этому беспечному, безголовому бегуну. Но большую часть времени она молчала. Сидела с отсутствующим видом. Эти долгие часы молчания объединяли ее с Натали. У обеих не осталось никаких желаний, обе апатично плыли по течению. В те недели, пока Шарлотта выздоравливала, у нее почему-то не выходили из головы цветы, которые она должна была доставить в день аварии. Этот бесхозный букет был образом неродившегося времени. Картина аварии вновь и вновь проходила перед ее глазами, словно в замедленной съемке, вновь и вновь она слышала звук удара, а на переднем плане всегда были цветы и мешали смотреть. Их лепестки, словно саваном накрывшие тот день, стали для нее наваждением.

Жан-Мишеля очень тревожило ее состояние, и он раздраженно потребовал, чтобы она вышла на работу. Просто, как мог, попытался ее встряхнуть, пробудить от летаргии. Попытка удалась: она подняла голову и кивнула, как девочка, которая сделала глупость и обещает быть умницей. В сущности, она прекрасно знала, что у нее нет выбора. Что надо жить дальше. И отнюдь не потому, что на нее вдруг накричал коллега. Все пойдет, как прежде, думала Шарлотта, все успокоится. Но нет, все шло совсем не как прежде. Что-то резко сломалось в правильном течении дней. То воскресенье никуда не делось: оно давало о

себе знать в понедельник и в четверг, обитало в пятнице и вторнике. То воскресенье никак не кончалось, превращалось в гнусную вечность, рассыпалось порошей по всему будущему. Шарлотта улыбалась, Шарлотта ела, но с лица Шарлотты не сходила тень. Одна-две буквы ее имени ушли в сумрак. Ее, казалось, преследовала неотвязная мысль. Внезапно она спросила:

– А те цветы, что я должна была тогда доставить... Ты их все-таки отвез?

– Не до того было. Я сразу к тебе помчался.

– А мужчина не перезвонил?

– Конечно перезвонил. Я с ним говорил на следующий день. Он был весьма сердит. Его невеста никаких цветов не получала.

– А ты что?

– Я что... я ему все объяснил... сказал, что ты попала в аварию... что тот мужчина в коме...

– А он что сказал?

– Да уже и не помню... извинился... а потом что-то пробормотал... насколько я понял, он увидел в этом знак. Что-то очень негативное.

– Ты хочешь сказать... ты думаешь, он не сделал предложение своей девушке?

– Не знаю.

Шарлотту эта история потрясла. Она решила сама позвонить тому человеку. Он подтвердил, что решил повременить с предложением. Эта новость произвела на нее глубокое впечатление. Нельзя было оставлять это так. Она задумалась о том, как переплелись обстоятельства. Свадьба теперь откладывается. А может, и множество других событий изменят свой ход? Ее угнетало сознание того, что все жизни пойдут теперь иначе. Она мечтала: если я все исправлю, то станет так, как будто ничего и не было. Если исправлю, то смогу снова жить нормально.

Она пошла в подсобку магазина и сделала точно такой же букет. Потом поймала такси. Шофер спросил:

– Это на свадьбу?

– Нет.

– На день рождения?

– Нет.

– На... защиту диплома?

– Нет. Это просто чтобы сделать то, что я должна была сделать в день, когда задавила человека.

За всю поездку шофер не сказал больше ни слова. Шарлотта вышла из машины. Положила цветы на коврик перед дверью той женщины, невесты. Секунду постояла, глядя на них. Потом решила вынуть из букета несколько роз. Взяла их и села в другое такси. С того самого дня у нее остался в кармане адрес Франсуа. Она предпочла не встречаться с Натали, и это, безусловно, было верное решение. Ей было бы еще труднее прийти в себя, если бы чужая разбитая жизнь обрела лицо. Но здесь она действовала по наитию. Не раздумывая. Такси сначала ехало, потом остановилось. Второй раз за несколько минут Шарлотта стояла на лестнице перед дверью женщины. Она положила белые розы у порога Натали.

22

Натали толкнула дверь и спросила себя: пора или нет? Франсуа погиб три месяца назад. Три месяца – это так мало. Ей нисколько не стало лучше. Ее тело по-прежнему неусыпно сторожили часовые смерти. Друзья советовали ей вернуться на работу, не распускаться, занять время, чтобы оно стало хоть немного терпимым. Она отлично знала, что это ничего не изменит, а быть может, станет только хуже – особенно вечером, когда она вернется с работы, а его не будет, его никогда не будет. Какое странное выражение: *не распускаться*. А что еще делать? Мы всю жизнь распускаемся, иначе давно бы уже засохли. Ей-то хотелось

именно распусться: разжаться, дать себе волю, сбросить бремя. Не чувствовать его каждую секунду. Ей хотелось снова обрести легкость бытия, пусть даже невыносимую.

Она решила не звонить заранее. Хотела прийти просто так, без предупреждения, еще и затем, чтобы не превращать свой приход в целое событие. По дороге, в холле, в лифте, в коридорах ей встретилось немало коллег, и каждый, как мог, попытался выразить ей сочувствие. Словом, жестом, улыбкой, а иногда и молчанием. Способов было столько же, сколько людей, но ее глубоко тронула эта единодушная скромная поддержка. Как ни парадоксально, именно из-за этих знаков внимания она и колебалась сейчас. А ей это надо? Жить среди сплошного сострадания и неловкости? Если она вернется, надо будет разыгрывать комедию, делать вид, что она ожила и все в порядке. Она не вынесет, если станет замечать на себе взгляды, полные участия – участия, за которым в конечном счете кроется жалость.

Она стояла перед дверью шефа, полная сомнений. Чувствуя, что если войдет, значит, действительно придется возвращаться. В конце концов решила и вошла без стука. Шарль сидел, уткнувшись в словарь Ларусса. Такая у него была причуда: каждое утро он читал определение какого-нибудь слова.

– Как дела? Я не помешала? – спросила Натали.

Он поднял голову. Он не ожидал ее увидеть. Это было как сон. В горле у него встал комок. Он боялся, что не сможет пошевелиться, волнение парализовало его. Она подошла ближе:

– Читал свое определение?

– Да.

– И какое сегодня слово?

– «Деликатность». Неудивительно, что в этот-то момент ты и появилась.

– Красивое слово.

– Рад тебя видеть здесь. Наконец-то. Я надеялся, что ты придешь.

Повисло молчание. Как ни странно, всегда наступал момент, когда они не знали, что друг другу сказать. В таких случаях Шарль всегда предлагал ей чаю. Чай у них служил каким-то горючим для слов. Потом он продолжал, в сильном возбуждении:

– Я встречался с акционерами в Швеции. Да, знаешь, я ведь теперь немного говорю по-шведски...

– Не знала.

– Да... они потребовали, чтобы я выучил шведский... повезло, нечего сказать. На редкость поганый язык.

– ...

– Но что делать, надо же их уважить. Они все-таки вполне сговорчивы... в общем... да, вот что я хотел сказать... ведь я им про тебя говорил... и все согласились, что надо делать так, как ты хочешь. Если решишь вернуться, то можешь начинать работать в своем ритме, как тебе удобно.

– Очень любезно.

– Это не просто любезность. Нам тебя здесь не хватает, правда.

– ...

– Мне тебя не хватает.

Он произнес эти слова, глядя на нее в упор. Бывают такие настойчивые взгляды, от которых неловко. Время в глазах превращается в вечность: одна секунда – это целая речь. Собственно говоря, он не мог отрицать двух вещей: во-первых, его всегда тянуло к ней. Во-вторых, после смерти ее мужа тянуло еще сильнее. Нелегко признаваться себе в такого рода влечении. Может, это патологическое сродство? Нет, не обязательно. Дело было в ее лице. После пережитой драмы в нем появилось что-то возвышенное. Грусть Натали существенно усиливала ее эротический потенциал.

23

Определение слова «деликатность» в словаре Ларусса

Деликатность, сущ., ж. р.

1. Свойство по знач. прил. *деликатный*.
2. *Разг.* Деликатничать: проявлять излишнюю скромность, церемониться.

24

Натали сидела у себя в кабинете. В первое же утро, выйдя на работу, она столкнулась с ужасной вещью – перекидным календарем. Из уважения к ней никто не прикасался к ее вещам. И никому не пришло в голову, каким ударом станет для нее обнаружить на столе застывшую дату: последний рабочий день перед драмой. Через два дня ее муж попадет под машину, но на этом листочке он был еще жив. Она взяла в руки календарь, стала перелистывать. С тех пор, как умер Франсуа, каждый день казался ей невероятно тяжелым грузом. И вот за несколько секунд, листая дни, она могла наглядно увидеть, какой путь прошла. На всех этих страничках она еще была там, в прошлом. А теперь настало сегодня.

А потом наступил момент, когда на столе появился новый календарь.

Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как Натали вернулась на работу. Она отдавалась ей изо всех сил, некоторые считали, что даже слишком. Казалось, время пошло по-прежнему. Все начиналось сначала: и рутина совещаний, и абсурдные номера на папках с делами, превращавшие их в последовательность ничего не значащих единиц. И предел абсурда: эти дела переживут нас самих. Да, переживут, говорила она себе, подшивая документы. Вся эта бумажная мусть гораздо выше нас, хотя бы тем, что не боится болезней, старости, автокатастроф. Ни одно дело никогда не попадет под машину, отправившись в воскресенье на пробежку.

25

Определение слова «деликатный» в словаре Ларусса, поскольку, чтобы понять деликатность, одного слова «деликатность» мало

Деликатный, – ая, – ое (от лат. *delicatus*)

1. Вежливый, тактичный, мягкий в обращении. *Деликатный человек. Деликатное отношение.*
2. Хрупкий, слабый, нежный. *Деликатное сложение.*
3. Тонкий, изящный, утонченный. *Деликатный вкус, запах.*
4. Затруднительный, требующий чуткости и осторожности. *Деликатный вопрос.*

Уничижит.: Слишком разборчивый, привередливый.

26

С тех пор как Натали вышла на работу, Шарль пребывал в отличном настроении. Даже иногда получал удовольствие от своих уроков шведского языка. Между ними обозначилось что-то новое, какое-то уважительное доверие. Натали сознавала, как ей повезло оказаться под началом человека, настолько к ней расположенного. Но отнюдь не заблуждалась: она прекрасно чувствовала, что нравится ему. Она не пресекала его более или менее тонких

намеков, но и он никогда не заходил слишком далеко, потому что она держала его на расстоянии, которое казалось ему непреодолимым. Она не принимала его игру просто потому, что не могла играть. Это было выше ее сил. Всю свою энергию она отдавала работе. Сколько он ни пытался пригласить ее на ужин, все его попытки оставались тщетными, наталкивались на вежливое молчание. Она попросту не могла куда-то ходить. Тем более с мужчиной. Ей это самой казалось абсурдным: в конце концов, если ей хватало мужества целый день держаться, сосредоточиваться на никому не нужных бумагах, так почему бы не позволить себе расслабиться? Это, безусловно, было как-то связано с понятием удовольствия. Она чувствовала себя не вправе заниматься чем-то легкомысленным. Да, вот так. У нее не получалось. Она даже не была уверена, что когда-нибудь у нее опять получится.

В этот вечер все могло быть иначе. Она наконец согласилась, они поужинают вместе. Шарль вынул из рукава козырь, против которого не поспоришь: надо отметить ее повышение. Ну да, она ведь получила новую, весьма привлекательную должность и отныне будет возглавлять группу из шести человек. С точки зрения деловых качеств, ее продвижение по службе было совершенно оправданно, и все же она спрашивала себя, не повысили ли ее из жалости. В первую минуту она хотела отказаться, но вообще-то, когда тебе предлагают повышение, спорить довольно трудно. Потом, увидев, как Шарлю не терпится устроить этот вечер, она подумала, уж не ускорил ли он ее карьерный рост исключительно для того, чтобы она наконец с ним поужинала. Все может быть, и бесполезно пытаться что-нибудь понять. Она говорила себе, что он прав, что это и в самом деле прекрасный повод заставить себя куда-то пойти. Быть может, она снова вспомнит, что такое беззаботный вечер.

27

Шарль поставил на этот ужин все. Он знал, что наступил решительный момент. Он готовился к этому вечеру так же трепетно, как подростком – к первому свиданию. В конце концов, не такое уж невероятное ощущение. Думая о Натали, он почти мог вообразить, что в первый раз в жизни будет ужинать с женщиной. Она как будто обладала странной способностью стирать все его воспоминания о личной жизни.

Шарль предусмотрительно не стал приглашать ее в ресторан со свечами, не стал торопиться с романтической обстановкой, которая могла показаться ей неуместной. В первые минуты все шло прекрасно. Они пили, перекидываясь короткими фразами, а короткие паузы, которые иногда случались, не вызывали никакой неловкости. Ей нравилось здесь сидеть, нравилось пить. Она подумала, что давно уже пора выходить по вечерам, что надо действовать, а удовольствие придет; больше того: ей хотелось напиться. И все же что-то не позволяло ей оторваться от земли. Действительно отключиться от своего состояния. Она могла пить сколько угодно, это бы ничего не изменило. Она все равно была здесь, абсолютно трезвая, и глядела на саму себя – как на актрису, играющую роль на сцене. Раздвоившись, ошеломленно наблюдала за этой женщиной, которая была не ею, для которой существовала жизнь, существовало обольщение. Ее собственная невозможность быть высвечивалась в этот момент еще ярче, во всех деталях. Но Шарль ничего не замечал. Он купался в первом слое бытия, старался ее подпойть, чтобы между ними затеплилась хоть какая-то жизнь. Он был покорен, поработан. Вот уже несколько месяцев она казалась ему русской. Он сам не вполне понимал, что бы это значило, но это было так: ему виделась в ней какая-то русская сила, виделась какая-то русская печаль. Так что ее женственность переехала из Швейцарии в Россию.

– Ну... так почему меня повысили? – спросила она.

– Потому что ты великолепный работник... и еще, по-моему, ты потрясающая, вот и все.

– И все?

– Почему ты спрашиваешь? Чувствуешь, что это не все?

– Я? Я ничего не чувствую.

– А если я положу тебе руку вот сюда, ты тоже ничего не почувствуешь?

Он сам не знал, как решился. Он говорил себе, что в этот вечер возможно все. Как он мог быть настолько далек от реальности? Накрыв ее руку своей, он сразу вспомнил момент, когда положил руку ей на колено. Она тогда посмотрела на него точно так же. И ему ничего не оставалось, как отступить. Ему надоело биться об стену, постоянно жить среди каких-то недосказанностей. Он хотел прояснить ситуацию.

– Я тебе не нравлюсь, ведь так?

– Но... почему ты спрашиваешь?

– А почему ты только и делаешь, что задаешь вопросы? Почему ты никогда не отвечаешь?

– Потому что я не знаю...

– Тебе не кажется, что пора сдвинуться с мертвой точки? Я не прошу тебя забыть Франсуа... но нельзя же всю жизнь сидеть взаперти... ты же знаешь, я на все готов для тебя, ты же знаешь, насколько...

– Но ведь ты женат...

Шарль удивился: с чего это она вдруг упомянула его жену? Это могло показаться ненормальным, но он про нее забыл. Он не был женатым мужчиной, который ужинает с другой женщиной. Он был просто мужчиной, здесь и сейчас. Да, он был женат. И именовал это «судружеской» жизнью. Между ним и женой больше ничего не происходило. Потому он и удивился: в своем влечении к Натали он был совершенно искренен.

– При чем тут моя жена? Почему ты о ней заговорила? Это же тень! Мы вообще не соприкасаемся.

– Я бы не сказала.

– Да потому что ей одна видимость и нужна! Она приходит в офис, только чтобы покрасоваться. Если бы ты знала, какие мы пафосные, если бы ты знала...

– Ну так уйди от нее.

– Ради тебя я уйду от нее немедленно.

– Не ради меня... ради себя.

Повисла пауза, долгая, на несколько вдохов, на несколько глотков вина. Натали была потрясена – тем, что он упомянул Франсуа, что попытался так быстро, так бестактно вырваться к изначальной и примитивной цели этого вечера. Наконец она сказала, что ей пора домой. Шарль прекрасно чувствовал, что зашел слишком далеко, что испортил вечер своими излияниями. Как он мог не заметить, что еще не время? Что она пока не готова. Надо было продвигаться вперед потихоньку, постепенно. А он попер как полоумный, очертя голову, пытаясь за пару минут наверстать долгие годы неутоленного желания. Все потому, что вечер так хорошо начинался. Вступление было такое красивое, такое многообещающее, что он ударился в обычные признания мужчин, которым некогда.

Потом он спохватился: в конце концов, почему он не имеет права сказать, что чувствует? Открыть свое сердце – не преступление. Да, конечно, с ней все шло очень тяжело, ее вдовство многое усложняло. Ему пришло в голову, что у него было бы больше шансов когда-нибудь ее обольстить, если бы Франсуа не умер. Он погиб, и их любовь окаменела. Он затащил их обоих в неподвижную вечность. Как можно чего бы то ни было добиться от женщины в такой ситуации? От женщины, которая живет в застывшем мире? Честное слово, можно подумать, он убил ее нарочно, чтобы их любовь никогда не кончалась. Считают же некоторые, что у страсти всегда трагический конец.

Они вышли из ресторана. Неловкость становилась все ощутимее. Шарль никак не мог придумать какую-нибудь фразу, что-нибудь умное или даже остроумное, чтобы немного реабилитироваться. Слегка разрядить атмосферу. Ничего не поделаешь, они влипли. Долгие месяцы Шарль был деликатным и предупредительным, внимательным и верным, и вот все его усилия быть приличным человеком пошли прахом, потому что он не сумел обуздать желание. Теперь все его тело было каким-то нелепо расчлененным, и в каждом кусочке билось собственное сердце. Он попытался поцеловать Натали в щеку, так, чтобы это вышло по-дружески и непринужденно, но шея у него не гнулась. Они еще постояли в этом безвоздушном времени, в медленном потоке неестественных, наигранных секунд.

А потом Натали вдруг широко улыбнулась ему. Хотела дать понять, что это все не важно. Что лучше просто забыть этот вечер, и все. Она сказала, что хочет немного пройтись, и удалилась на этой приветливой ноте. Шарль, не отрываясь, смотрел ей в спину, не в силах пошевелиться, скованный по рукам и ногам своим провалом. Натали удалялась, ее фигура, центр его поля зрения, становилась все меньше и меньше, но не она, а он съеживался, уменьшался, не сходя с места.

И тут Натали остановилась.

И повернула обратно.

Она снова шла к нему. Еще секунду назад эта женщина почти исчезла из его поля зрения, а теперь она возвращалась, становилась все больше. Что ей надо? Спокойно, не нервничать. Наверняка забыла ключи, или шарфик, или еще что-нибудь, есть масса предметов, которые женщины обожают забывать. Но нет, здесь другое. Это было видно по походке. Чувствовалось, что дело не в вещах. Она возвращалась, чтобы поговорить с ним, что-то ему сказать. Шла словно по воздуху, как героиня какого-нибудь итальянского фильма 1967 года. Ему тоже захотелось пойти ей навстречу. Его уносил романтический вихрь, он подумал, что сейчас должен начаться дождь. Что все это молчание под конец ужина – сплошное недоразумение. Что она возвращается не затем, чтобы что-то сказать, а чтобы поцеловать его. Удивительное дело: когда она ушла, он интуитивно понял, что не надо двигаться с места, что она вернется. Ведь очевидно, что между ними что-то было, было с самого начала, что-то инстинктивное и простое, сильное и хрупкое. Конечно, ее можно понять. Ей нелегко. Нелегко признаться самой себе в новом чувстве, когда недавно умер муж. И даже как-то противно. Но разве устоишь? Любовные истории часто бывают аморальными.

Теперь она была совсем рядом, божественная, трепещущая, воплощенная женственность, сладострастная и трагическая. Она была здесь, его любовь Натали.

– Прости, что не ответила тебе сразу... я растерялась...

– Да, я понимаю.

– Так тяжело подобрать слова для того, что я чувствую.

– Знаю, Натали.

– Но, по-моему, я могу тебе ответить: ты мне не нравишься. По-моему, мне даже не по себе от того, как ты пытаешься меня соблазнить. Я уверена, что между нами никогда ничего не будет. Может, я просто вообще не смогу больше никого любить, но даже если когда-нибудь мне покажется, что это возможно, это будешь не ты, я знаю точно.

– ...

– Я не могла уйти просто так. Лучше все сказать сразу.

– Все сказано. Ты все сказала. Да, сказала. Я слышал, значит, ты все сказала. Сказала, да.

Шарль все лепетал, а Натали смотрела на него. Рваные слова, слова-всхлипы постепенно заволакивала тишина. Слова – как глаза умирающего. Она положила руку ему на

плечо – мимолетный намек на ласку. И пошла обратно. Снова пошла к той, совсем крошечной Натали. Шарлю хотелось одного – устоять на ногах, это оказалось непросто. Он не мог опомниться. Особенно от того, каким тоном она говорила. Очень просто, без всякой злости. Приходилось признать очевидное: он ей не нравится и не понравится никогда. В нем не было гнева. Просто словно вдруг кончилось что-то, чем он жил много лет. Кончилась какая-то возможность. Вечер прошел путь «Титаника». В начале праздник, в конце – кораблекрушение и смерть. Правда часто похожа на айсберг. Натали по-прежнему находилась в его поле зрения, и он хотел, чтобы она как можно скорее исчезла. Даже маленькая точка, в которую она превратилась, казалась ему безмерно, бесконечно невыносимой.

29

Шарль сделал шаг, другой, дошел до парковки. Сел в машину, выкурил сигарету. Его ощущения прекрасно сочетались с агрессивно-желтым светом неоновых ламп. Он нажал на газ и включил радио. Диктор говорил о странной серии ничьих в сегодняшних матчах: турнирная таблица Лиги 1 осталась без изменений. Все одно к одному. Он сам был словно футбольный клуб, затерявшийся в дряблом брюхе чемпионата. Он был женат, имел дочь, руководил крупной фирмой, но чувствовал внутри лишь безграничную пустоту. Только мечта о Натали была способна вдохнуть в него жизнь. А теперь все кончено, разрушено, уничтожено, разорено. Он мог продолжать цепочку синонимов, сколько душе угодно, это уже ничего не изменит. И тут ему пришло в голову, что быть отвергнутым любимой женщиной – еще не самое худшее; хуже, что с ней каждый день придется встречаться. В любую минуту можно столкнуться с ней в коридоре. Про коридор он подумал не случайно. Она была красива и в кабинетах тоже, но он всегда считал, что ее эротичность сильнее всего проявляется в коридорах. Да, для него она была женщина-коридор. А теперь он вдруг понял, что в конце коридора придется развернуться.

Зато, чтобы попасть домой, никаких разворотов не надо. Машина Шарля ехала по накатанной дороге. Прямо как метро: каждый день одно и то же. Он поставил машину в подземный гараж и выкурил еще сигарету. Открывая дверь квартиры, он увидел жену перед телевизором. Никому бы и в голову не пришло, что Лоранс когда-то была одержима бешеной чувственностью. Сейчас она медленно, но верно вращалась в образ депрессивной мешанки. Как ни странно, эта картина не произвела на Шарля никакого впечатления. Он медленно подошел к телевизору и выключил его. Жена издала какой-то протестующий звук, правда, без особой уверенности. Он приблизился к ней вплотную и крепко взял за руку повыше локтя. Она хотела возразить, но не произнесла ни слова. В глубине души она мечтала об этой минуте, мечтала, чтобы муж прикоснулся к ней, мечтала, чтобы он перестал проходить мимо, как будто ее вообще не существует. Их совместная жизнь была ежедневной тренировкой в самоустранении. Не говоря ни слова, они направились в спальню. Застланная кровать мигом оказалась разобранной. Шарль повернул Лоранс спиной и спустил с нее трусы. После отказа Натали у него возникло желание заняться любовью с женой, трахнуть ее, и притом довольно грубо.

30

Результаты матчей Лиги 1 в день, когда Шарль понял, что никогда не понравится Натали

- Осер – Марсель 2: 2
- Ланс – Лилль 1: 1
- Тулуза – Сошо 1: 0

- ПСЖ – Нант 1: 1
- Гренобль – Ле-Ман 3: 3
- Сент-Этьен – Лион 0: 0
- Монако – Ницца 0: 0
- Ренн – Бордо 0: 1
- Нанси – Кан 1: 1
- Лорьян – Гавр 2: 2

31

После того ужина их отношения изменились. Шарль отдалился, и Натали это прекрасно поняла. Они общались редко и только по работе. Дела, которые они вели, почти не пересекались. После своего повышения Натали руководила группой из шести человек.⁵ Она перебралась в другой кабинет и почувствовала себя гораздо лучше. Как она раньше об этом не подумала? Неужели, чтобы изменилось настроение, достаточно сменить обстановку? Наверно, ей стоило переехать на новую квартиру. Но, представив себе такую возможность, она сразу поняла, что у нее не хватит мужества. Траур имеет над нами абсолютную власть, власть противоречивую, он несет в себе и необходимость перемен, и искушение хранить патологическую верность прошлому. Так что задачу развернуть ее в будущее она возложила на профессиональную деятельность. Новый кабинет на последнем этаже, казалось, упирался прямо в небо, и она радовалась, что не боится высоты. Такая вот маленькая и простая, на ее взгляд, радость.

В следующие месяцы ею по-прежнему двигала ненасытная жажда работы. Она даже подумывала брать уроки шведского, на случай, если придется выполнять какие-то новые обязанности. Нет, ее нельзя было назвать честолюбивой. Просто она пыталась забытья, закопавшись в папки с делами. Окружающие по-прежнему беспокоились и считали ее чрезмерное рвение очередной формой депрессии. Эта теория приводила ее в бешенство. Для нее самой все было просто: она хотела как можно больше работать, чтобы не думать, быть в пустоте. Каждый борется как может; лучше бы ее близкие, вместо того чтобы выдумывать туманные теории, поддержали ее в борьбе. Она гордилась тем, сколько всего успевала сделать. Сидела в кабинете даже на выходных, брала работу домой, забывала о перерывах на обед. Конечно, в один прекрасный момент она бы неизбежно рухнула от истощения, но пока только этот шведский адреналин и помогал ей жить дальше.

Ее энергия поражала всех. Она не выказывала ни малейшей слабости, и коллеги мало-помалу стали забывать о том, что ей довелось пережить. Франсуа превращался для них в воспоминание, и, быть может, только так он мог превратиться в воспоминание и для нее. Она всегда была на месте, поэтому к ней всегда можно было зайти поговорить, особенно членам ее группы. Самую молодую, новенькую, звали Хлоя. Она очень любила делиться с Натали своими печальями и тревогами, главным образом по поводу жениха – она была ужасно ревнива. Знала, что это нелепо, но ничего не могла с собой поделать, не могла вести себя разумно. И произошло нечто странное: полудетские рассказы Хлои позволили Натали восстановить связь с утерянным миром. С миром ее юности, миром ее страхов, когда она боялась не найти мужчину, с которым ей было бы хорошо. В словах Хлои словно проступали, складываясь заново, ее собственные воспоминания.

32

Фрагмент сценария фильма «Нежность»

⁵ С тех пор как Натали вступила в новую должность, она купила три пары туфель.

ЭПИЗОД 32: СЦЕНА В БАРЕ

Натали и Хлоя входят в бар. Они здесь не первый раз. Хлоя идет впереди, Натали следом. Садятся в углу, у окна. За окном намечается дождь.

Хлоя (*очень непосредственно*) . Как дела? У вас все хорошо?

Натали. Да, все прекрасно.

Хлоя изучающе смотрит на Натали.

Натали. Почему вы на меня так смотрите?

Хлоя. Мне бы хотелось, чтобы наши отношения были взаимными. Чтобы вы больше рассказывали о себе. Ну правда, мы ведь всегда говорим только обо мне.

Натали. И что вы хотите знать?

Хлоя. Ну, ваш муж умер уже давно... и... и... вам неловко об этом говорить?

На лице Натали изумление. Никто не заводит разговор на эту тему вот так, в лоб. Пауза, потом Хлоя продолжает:

Хлоя. Нет, правда... вы молодая, вы красивая... посмотрите, вон там мужчина с вас глаз не сводит с той минуты, как мы вошли.

Натали поворачивает голову и встречается взглядом с мужчиной, который смотрит на нее.

Хлоя. По-моему, так он вовсе даже не плох. Я так думаю, он Скорпион. А вы как раз Рыбы, идеальное сочетание.

Натали. Я его и не видела толком, а вы уже строите прогнозы?

Хлоя. Ах, астрология – очень важная вещь! Из-за нее как раз все мои проблемы с парнем.

Натали. Значит, ничего не поделаешь? Он же не может поменять знак.

Хлоя. Нет, этот придурок так и останется Тельцом.

Крупный план: безучастное лицо Натали.

Конец эпизода.

Это же смешно, думала Натали, смешно сидеть тут и вести подобные беседы с этой девочкой. А главное, у нее по-прежнему не получалось жить настоящим. Может, это и есть боль: когда ты все время вырван из сиюминутной реальности. На взрослых с их уловками она смотрела отстраненно. И вполне могла сказать себе: «Меня здесь нет». Хлоя обращалась к ней из настоящего, легко и энергично, пытаясь ее удержать, подтолкнуть к мысли: «Я здесь». Она без устали говорила о том мужчине. И действительно: он допивал свое пиво и явно колебался – подойти к ним или нет. Но перейти от взгляда к разговору, от созерцания к слову, не так-то просто. После долгого рабочего дня он чувствовал в себе ту расслабленность, которая иногда побуждает к решительным действиям. Дерзость вообще нередко проистекает из усталости. Он по-прежнему смотрел на Натали. А что, собственно, он теряет? Ничего, разве что легкое обаяние незнакомца.

Он заплатил за пиво и покинул наблюдательный пост. Он шел к ним, и его походка почти могла сойти за решительный шаг. Натали сидела в нескольких метрах от него – трех-четырех, не больше. Она поняла, что мужчина направляется к ней. И ей в голову тут же пришла странная мысль: быть может, этот мужчина, который идет ко мне, через семь лет попадет под машину. Эта мысль неизбежно приводила ее в смятение, делала ее еще слабее. Любой мужчина, который захочет подойти к ней познакомиться, всегда будет напоминать ей о встрече с Франсуа. Этот, впрочем, не имел с ее мужем ничего общего. Он шел, и на его лице была вечерняя улыбка, улыбка из мира легкости. Но, поравнявшись с их столиком, он вдруг онемел. На секунду завис. Он решился подойти, но не заготовил подходящей фразы. А может, просто разволновался? Девушки удивленно уставились на мужчину, застывшего перед ними как восклицательный знак.

– Добрый вечер... вы позволите предложить вам бокал вина? – наконец произнес он без особого вдохновения.

Хлоя кивнула, и он присел за их столик с ощущением, что полдела сделано. Едва он опустился на стул, как Натали подумала: он глуп. Предлагает мне бокал вина, когда мой почти полон. Потом вдруг передумала и сказала себе, что в его смущении, когда он подошел, было что-то трогательное. Но враждебность опять перевесила. Ее настроение поминутно бросалось из одной крайности в другую. Она попросту не знала, что думать. Каждым своим жестом, каждым побуждением она противоречила сама себе.

Хлоя взяла разговор на себя, рассказывала все новые истории про достоинства Натали, выставляла ее в положительном свете. Послушать ее, выходило, что Натали – женщина современная, блестящая, интересная, образованная, энергичная, четкая, щедрая и вообще идеальная. Все это вывалилось на мужчину меньше чем за пять минут, так что у него в голове остался только один вопрос: а есть у нее какой-нибудь изъян? Пока Хлоя пускалась в лирические излияния, Натали старалась сооружать на лице убедительные улыбки, смягчать жесткие углы скул, и изредка, вспышками, казалась естественной. Но от этого усилия она совсем выдохлась. Какой смысл бороться за пустую видимость? Какой смысл из всех сил стараться выглядеть общительной и приятной? Да и что дальше? Еще одно свидание? И надо будет сблизиться, откровенничать? Внезапно все то, что казалось простым и легким, предстало перед ней в черном свете. Под покровом невинной болтовни ей приоткрылись чудовищные шестерни – механизм жизни вдвоем.

Она извинилась, встала и спустилась в туалет. Долго рассматривала в зеркало свое лицо. Каждую его черточку. Смочила водой щеки. Интересно, она красивая? И вообще, есть ли у нее какое-то мнение о себе? О себе как о женщине? Пора было возвращаться. Она уже несколько минут стояла здесь, в неподвижном созерцании и лихорадочном потоке мыслей. Вернувшись к столику, она взяла пальто. Придумала какой-то предлог, не слишком убедительный, но какая разница. Хлоя что-то сказала – она не слышала. Она была уже на улице. Чуть позже мужчина, ложась спать, спрашивал себя, что он сделал не так.

34

Знаки зодиака подчиненных Натали

- Хлоя: Весы
- Жан-Пьер: Рыбы
- Альбер: Телец
- Маркус: Скорпион
- Мария: Дева
- Бенуа: Козерог.

На следующее утро она наскоро, не вдаваясь в детали, извинилась перед Хлоей. На службе она была ее начальница. Сильная женщина. Просто уточнила, что пока не в состоянии куда-то ходить. «Жалко», – вздохнула юная коллега. И все. Надо было заниматься другими вещами. После этого разговора Натали секунду постояла в коридоре. Потом вернулась к себе в кабинет. Папки с делами наконец представились ей в своем истинном свете: абсолютно неинтересными.

Она никогда не выключалась полностью из мира чувств. Никогда, в сущности, не переставала быть женственной, даже когда хотела умереть. Может, в память о Франсуа, а может, просто считала, что иногда, чтобы казаться живой, достаточно накраситься. Он умер уже три года назад. Три года ее жизнь по каплям утекала в пустоту. Ей часто намекали, что надо избавиться от воспоминаний. Наверно, это был лучший способ перестать жить прошлым. Она часто думала об этом выражении: «избавиться от воспоминаний». Как прогоняют воспоминания? В отношении вещей она согласилась с этой мыслью. Ей стало невыносимо все, к чему он прикасался. Она почти ничего не оставила, кроме фотографии, лежавшей в большом ящике письменного стола. Такое одинокое, словно бы затерявшееся фото. Она часто смотрела на него, как будто хотела убедиться, что эта история действительно была. Еще в ящике лежало зеркальце. Она взяла его и стала рассматривать себя – глазами мужчины, который видит ее в первый раз. А потом прошлась по кабинету, взад-вперед, и еще, и еще. Руки в боки. Стук ее высоких каблуков заглушал палас. Палас – это убийца чувственности. И кто только додумался изобрести палас?

В дверь постучали. Тихо, скромно, двумя пальцами, не больше. Натали вздрогнула: за последние секунды ей почти представилось, что она одна в целом мире. «Войдите», – сказала она, и вошел Маркус. Это был ее сотрудник родом из Упсалы, никому не интересного шведского городка. Сами жители Упсалы⁶ и те стесняются: название их города звучит почти как извинение. Швеция занимает первое место в мире по количеству самоубийц на душу населения. Единственная альтернатива самоубийству – эмиграция во Францию, должно быть, подумал Маркус. Внешне он был скорее непривлекателен, но и не то чтобы урод. Одевался всегда несколько необычно: не поймешь, разжился он вещами у своего дедушки, в магазине для нищих или в модном бутике. Ансамбль получался довольно разношерстный.

– Мне надо с вами посоветоваться о деле номер 114, – сказал он.

Мало ему, что он нелепо выглядит, он еще и произносит такие глупости? Сегодня Натали совершенно не хотелось работать. Впервые за долгие месяцы. Ею овладела какая-то безнадежность: еще немного, и она бы отправилась в отпуск в Упсалу, а это что-нибудь да значит. Она рассматривала Маркуса. Тот стоял столбом и глядел на нее с восхищением. В его глазах Натали была воплощением высшей, недоступной женственности и в придачу тем фантазмом, в какой у некоторых людей превращаются все вышестоящие, все, кто имеет над ними власть. Она вдруг решила пойти к нему, пойти медленно, медленно-медленно. За то время, пока она шла, можно было прочесть небольшой роман. Похоже, она не собиралась останавливаться, она уже приблизилась к Маркусу вплотную, к самому его лицу, так что их носы соприкоснулись. Швед перестал дышать. Что ей от него надо? Он не успел как следует задуматься над этим вопросом, потому что она поцеловала его в губы. Крепким, долгим,

⁶ Конечно, можно родиться в Упсале и стать Ингмаром Бергманом. Притом что по его фильмам нетрудно себе представить общее настроение этого города.

напряженным поцелуем подростка. Потом резко отступила назад:

– О деле номер 114 мы поговорим в другой раз.

И распахнула перед ним дверь. Маркус вышел, с трудом переставляя ноги. Он был Армстронг, он высадился на Луне. Этот поцелуй был грандиозным событием для всего его человечества. На секунду он застыл перед дверью ее кабинета. А Натали уже успела выбросить все случившееся из головы. Ее поступок никак не был связан с цепью остальных поступков ее жизни. В этом поцелуе выразился внезапный всплеск анархии в царстве ее нейронов, это был, что называется, бесцельный поступок.

37

Изобретение паласа

Узнать, кто изобрел палас, весьма затруднительно. Согласно словарю Ларусса, палас – это всего лишь «ковер, который продают на метры».

Прекрасное определение его жалкой, ничтожной судьбы.

38

Маркус был человек пунктуальный и любил возвращаться домой ровно в четверть восьмого. Он знал расписание скоростного метро, как другие знают любимые женины духи. Каждый его день шел как по маслу, и он был вполне доволен. Иногда ему казалось, что незнакомые попутчики, с которыми он встречается по утрам и вечерам, – его друзья. В тот вечер ему хотелось кричать, рассказывать о себе всем встречным и поперечным. О себе, человеке, у которого на губах вкус губ Натали. Ему хотелось вскочить и сойти на первой попавшейся станции, просто так, ради непривычного ощущения. Ему хотелось сойти с ума: лучшее доказательство того, что он был в своем уме.

По пути домой ему вспомнилось его шведское детство. Правда, ненадолго. Детство в Швеции похоже на старость в Швейцарии. И все-таки ему представились те времена, когда он садился за последнюю парту только затем, чтобы разглядывать спины девчонок. Он годами любовался затылками Кристины, Перниллы, Иоаны и всех прочих девочек с фамилией на букву «А», потому что девочек с фамилией на другую букву просто не было. Он не помнил их лиц. Он мечтал повидать их снова, только затем, чтобы сказать: его поцеловала Натали. Сказать, что они так и не поняли, насколько он обаятельный. Ах, какая славная штука жизнь!

Дойдя до дома, он вдруг растерялся. Нас со всех сторон обступают цифры, и все надо помнить. Номера телефонов, код доступа в интернет, банковские карты... рано или поздно обязательно наступает момент, когда все путается в голове. Когда мы пытаемся войти в подъезд, набирая свой номер телефона. В мозгу у Маркуса все было разложено по полочкам, он считал, что не подвержен такого рода заскокам, но в тот вечер с ним случилась именно такая неприятность. Он не мог вспомнить код. Перепробовал множество комбинаций: все напрасно. Как можно вечером забыть то, что прекрасно знал утром? Неужели обилие информации неизбежно приведет нас всех к амнезии? В итоге подошел сосед и встал у двери. Он мог бы открыть сразу, но предпочел насладиться этой минутой явного превосходства. Всем своим видом он говорил, что *помнить код* есть признак настоящего мужчины. Наконец сосед произвел необходимые действия и высокопарно произнес: «Только после вас». Маркус подумал: «Дуралей, если б ты знал, что у меня в голове. Это так прекрасно, что для всяких глупостей не остается места...» На лестнице он сразу забыл об этой досадной задержке. Он ощущал невероятную легкость, перед глазами раз за разом проходила сцена поцелуя. Она уже стала культовым фильмом его воспоминаний. Наконец он

открыл дверь квартиры, и ему показалось, что гостиная слишком мала для его жажды жизни.

39

Код подъезда Маркуса

A9624.

40

На следующее утро он проснулся очень рано. Так рано, что не был уверен, спал ли вообще. Он ждал восхода солнца с нетерпением, как важного свидания. Что произойдет сегодня? Как будет держаться Натали? И что теперь делать ему? Кто знает, как себя вести, когда красивая женщина целует вас без всяких объяснений? В голове теснился целый рой вопросов, а это всегда дурной признак. Он должен успокоить дыхание (...) и (...), ну вот, так (...), отлично (...). И сказать себе, что сегодня самый обычный день.

Маркус любил читать. Это у них с Натали была общая прекрасная черта. Свою страсть он утолял во время ежедневных поездок в метро. Недавно он купил целую кучу книг, и теперь надо было выбрать ту, что станет его спутницей в этот великий день. Был этот русский писатель, его любимый, писатель, которого неизвестно почему читают явно меньше, чем Толстого и Достоевского, но уж больно толстый роман. Ему хотелось книжку, которую можно клевать по зернышку когда и как угодно: он знал, что сосредоточиться не сможет. И потому остановился на «Горьких силлогизмах» Чорана.

Приехав на работу, он постарался провести как можно больше времени возле кофейного автомата. Чтобы все выглядело естественно, выпил несколько стаканчиков кофе. Через час он почувствовал, что перевозбужден. Черный кофе и бессонная ночь – неважное сочетание. Он отправился в туалет, посмотрелся в зеркало: вид был бледный. Вернулся к себе в кабинет. Никаких совещаний с Натали сегодня не предвиделось. Может, просто взять и сходить к ней? Якобы по поводу дела номер 114. Но про дело номер 114 сказать было нечего. Это будет глупо. Сколько можно колебаться и распадаться на части! В конце концов, это она должна к нему прийти! Она же сама его поцеловала. Нельзя же так себя вести без всяких объяснений. Это как украсть что-нибудь и убежать. Да, именно так: она убежала от его губ. Но ведь он знал, что сама она не зайдет. Может, она вообще все забыла, может, для нее это был просто бесцельный поступок? У него была неплохая интуиция. Но этот вариант казался ему чудовищно несправедливым: как это поцелуй может быть для нее бесцельным, когда для него он был бесценным? Да, для него он не имел цены. Этот поцелуй поселился в нем, гулял по всему его телу.

41

Фрагмент описания картины «Поцелуй» Густава Климта

Большинству произведений Климта нельзя дать однозначное истолкование, однако использование мотива обнявшейся пары в более ранних произведениях – в «Бетховенском фризе» и на фризе дворца Стокле – позволяет считать «Поцелуй» высшей точкой в человеческом поиске счастья.

42

Маркус не мог сосредоточиться. Он хотел объяснений. Получить их можно было только одним способом: подстроить случайную встречу. Ходить взад-вперед у кабинета Натали, хоть целый день, если надо. Когда-нибудь она же должна выйти – и оп! Он будет идти мимо ее кабинета, простое совпадение. К обеду он весь вспотел. Внезапно ему пришло в голову: «Случалось мне выглядеть и получше!» Если она сейчас выйдет, то столкнется с мокрым как мышь мужчиной, который теряет время, слоняясь без толку по коридору. Она подумает, что он – человек, который ходит без цели.

После обеда утренние мысли атаковали его с новой силой. Его стратегия была правильной, надо опять походить взад-вперед. Это единственный способ. Так тяжело шагать, делая вид, будто куда-то направляешься. Надо сделать сосредоточенное, осмысленное лицо; труднее всего двигаться якобы быстрым шагом. Под вечер, совсем выбившись из сил, он столкнулся с Хлоей. Она спросила:

- С тобой все в порядке? Ты какой-то странный...
 - Да, да, все в порядке. Я решил немного размять ноги. На ходу лучше думается.
 - Ты все возишься с номером 114?
 - Да.
 - И как движется?
 - Да ничего. Более или менее.
 - Слушай, а у меня со 108-м ничего не получается. Я хотела поговорить с Натали, а ее сегодня нет.
 - А-а, правда? Ее... сегодня не будет?
 - Нет... По-моему, она куда-то в провинцию поехала. Ладно, мне пора, пойду попробую сама разобраться.
- Маркус не ответил.
Он ходил так долго, что сам уже мог очутиться в провинции.

43

Три афоризма Чорана, которые Маркус прочел в метро

- Искусство любви? Это умение сочетать темперамент вампира со скромностью анемоны.
- Каждое наше желание – это драка монаха с мясником.
- Сперматозоид – это бандит в чистом виде.

44

Назавтра Маркус приехал на работу в совершенно другом настроении. Он сам не понимал, почему вел себя настолько несуразно. Что за дурацкая мысль – ходить взад-вперед. Этот поцелуй его, конечно, потряс; к тому же, надо признать, его личная жизнь в последнее время была особенно безбурной, но это же не причина для подобного ребячества. Надо сохранять хладнокровие. Ему по-прежнему хотелось объясниться с Натали, но больше он не станет искать с ней случайной встречи. Он просто пойдет к ней.

Он решительно постучал в дверь ее кабинета. Она сказала «войдите», и он, не дрогнув, вошел. И тут перед ним встала громадная проблема: она сходила в парикмахерскую. Маркус всегда был равнодушен к волосам. И тут его глазам предстало ошеломительное зрелище. Волосы у Натали были совершенно гладкие. И поразительно красивые. Если бы она их собрала, как иногда делала, все было бы гораздо проще. Но перед этим волосным явлением он онемел.

- Да, Маркус, что у вас?

Он вынырнул из прострации. И в конце концов произнес первое, что пришло в голову:

– Мне очень нравятся ваши волосы.

– Спасибо, вы очень любезны.

– Нет, правда, я их обожаю.

Подобное заявление с утра пораньше удивило Натали. Она не знала, что делать – то ли улыбнуться, то ли смутиться.

– Да, так что?

– ...

– Вы же, наверно, пришли не только для того, чтобы поговорить о моих волосах?

– Нет... нет...

– Ну так? Я вас слушаю.

– ...

– Маркус, вы здесь?

– Да...

– Ну так?

– Я бы хотел знать, почему вы меня поцеловали.

Картина поцелуя внезапно всплыла из глубин ее памяти. Как она могла забыть? Мгновения отчетливо проступали одно за другим, и она не смогла удержаться от брезгливой гримасы. Она что, спятила? Вот уже три года близко не подходила ни к одному мужчине, даже в мыслях не держала кем-то заинтересоваться, и вот на тебе – поцеловала коллегу, полное ничтожество. Он ждал ответа, и его можно было понять. Время шло. Надо было что-то сказать.

– Не знаю, – выдохнула Натали.

Маркус хотел услышать ответ, какой угодно, даже отказ, но никак не это. Вообще ничего.

– Не знаете?

– Нет, не знаю.

– Вы не можете вот так меня бросить. Вы должны мне объяснить.

Но сказать было нечего.

Их поцелуй был как современное искусство.

45

Название картины Казимира Малевича

Белое на белом (1918).

46

Уже потом она задумалась: откуда взялся этот поцелуй? Да ниоткуда, просто так. Наши внутренние биологические часы не поддаются контролю. В данном случае – часы, отсчитывающие время траура. Сначала она хотела умереть, потом попыталась вздохнуть, потом смогла дышать, потом есть, она смогла даже вернуться на работу, улыбаться, быть сильной, быть общительной и женственной, а потом время пошло рывками, поскакало по ухабам восстановительных работ, и вот настал день, когда она отправилась в этот бар, но сбежала, не выдержав ухаживаний, в полной уверенности, что никогда ни один мужчина не сможет больше ее заинтересовать, и тем не менее назавтра принялась вышагивать по паласу, просто так, в каком-то порыве, пробившемся сквозь пелену сомнений, и вдруг ощутила свое тело как объект желания, ощутила свои формы, свои бедра, даже пожалела, что не слышно цоканья ее высоких каблуков, все вышло неожиданно, ничто не предвещало этой внезапной вспышки чувственности, какой-то сияющей силы.

И в этот самый момент в комнату вошел Маркус.

Ничего другого тут не скажешь. Наши плотские часы разуму не подчиняются. Это как с любовной раной: никогда не знаешь, когда от нее оправишься. На пике страдания нам кажется, что она не затянется никогда. А потом, в одно прекрасное утро мы с удивлением замечаем, что страшная тяжесть исчезла. Какой сюрприз: оказывается, горе ушло. Почему именно сегодня? Почему не завтра и не вчера? Так самовластно решило наше тело. Не стоило Маркусу искать внятных объяснений этому импульсивному поцелую. Просто он вовремя вошел. Впрочем, большинство любовных историй нередко сводятся к единственной проблеме – вовремя или нет. В Маркусе, столько раз упускавшем в жизни свой шанс, вдруг обнаружилась способность появляться в поле зрения женщины в идеальный момент.

Натали увидела в глазах Маркуса уныние. После их последнего разговора он ушел очень медленно. И бесшумно. Он был тих и скромен, как точка с запятой в романе на восьмьсот страниц. Она не могла вот так его бросить. Ей было страшно неудобно за свой поступок. К тому же, подумала она, он очаровательный сотрудник, со всеми внимателен и вежлив, и потому ей было вдвойне неприятно, что она могла его задеть. Она вызвала его к себе. Он взял под мышку дело номер 114. На случай, если она захочет поговорить с ним о работе. Но до дела номер 114 ему не было ни малейшего дела. Направляясь к ней, он зашел по дороге в туалет, ополоснул лицо. И открыл дверь, полный любопытства: что она ему скажет?

– Спасибо, что пришли.

– Пожалуйста.

– Я хотела извиниться. Я не знала, что вам ответить. И, честно говоря, до сих пор не знаю...

– ...

– Не знаю, что на меня нашло. Какой-то физический импульс, это точно... но мы с вами вместе работаем, и, должна признать, это было совершенно неуместно.

– Вы говорите как американка. Это скверный признак.

Она рассмеялась. Какой странный ответ. В первый раз они говорили не о работе, а о чем-то постороннем. Ей вдруг приоткрылась его настоящая личность. Но надо было взять себя в руки.

– Я говорю как руководитель группы из шести человек, в которую входите и вы. Вы появились в минуту, когда я замечталась и не успела вернуться к реальности.

– Но эта минута была самой реальной в моей жизни, – возразил Маркус, не раздумывая. Эти слова вырвались из его сердца.

Все не так просто, подумала Натали. Лучше прекратить этот разговор. Что она и сделала. Быстро и сухо. Маркус, казалось, не понял. Он застыл посреди ее кабинета, тщетно пытаясь найти в себе силы уйти. Честно говоря, десять минут назад, когда она его вызвала, он вообразил, что ей, быть может, хочется еще раз его поцеловать. Он с головой погрузился в эту мечту, а теперь вдруг понял, понял окончательно, что между ними никогда ничего не будет. Что верить в это было безумием. Она действительно поцеловала его просто так. Как трудно это признать. Как будто вам подарили счастье – и тут же забрали назад. Лучше бы он никогда не узнал вкус губ Натали. Лучше бы той минуты никогда не было, потому что он ясно чувствовал – ему понадобятся долгие месяцы, чтобы оправиться от этих секунд.

Он шагнул к двери. Натали с удивлением заметила, что у него в углу глаза набухает слеза. Слезка еще не потекла, ждала, пока он выйдет в коридор, чтобы уже там скользнуть по щеке. Он хотел ее сдержать. Главное – не расплакаться перед Натали. Это, конечно, идиотизм, но слеза, которую он собирался выплакать, была непредвиденной.

Третий раз в жизни он плакал перед женщиной.

47

Изречение одного польского философа

Есть замечательные люди, которых мы встречаем в неподходящий момент.
И есть люди, замечательные потому, что мы их встретили в подходящий момент.

48

Краткая любовная история Маркуса, увиденная сквозь слезы,

Для начала надо вынести за скобки детские слезы, когда он плакал перед матерью или учительницей. Речь у нас пойдет только о слезах, пролитых им из-за любви. Так вот, до той слезы, которую он пытался сдержать при Натали, ему случалось плакать дважды.

Первая слеза относилась к далекому прошлому, когда он еще жил в Швеции, и к девушке, отзывавшейся на нежное имя Бригитта. Не самое шведское имя, но что делать – Брижит Бардо не знает границ. Отец Бригитты, всю жизнь поклонявшийся этой женщине-мифу, не нашел ничего лучшего, как назвать дочь в ее честь. Не станем останавливаться на том, как опасно с точки зрения психологии давать дочери имя собственного эротического фантазма. Какое нам дело до семейной истории Бригитты, верно?

Бригитта относилась к занятой категории точных женщин. По любому поводу она была способна высказать ясное и однозначное суждение. Это касалось и ее красоты: по утрам она вставала с выражением триумфа на лице. Неизменно уверенная в себе, она всегда садилась за первую парту и иногда пыталась выбить из равновесия преподавателей-мужчин, пускала в ход свое бесспорное обаяние, дабы изменить расстановку сил в геополитике. Стоило ей войти в комнату, как все мужчины начинали мечтать о ней, а женщины – инстинктивно ее ненавидеть. Она была предметом всех эротических грез, и в конце концов это ей осточертело. И тогда она придумала гениальный способ утихомирить страсти: встречаться с самым невзрачным парнем. Все мужчины придут в ужас, а девицы – в восторг. Роль счастливого избранника выпала Маркусу, не понимавшему, с чего это центр мироздания вдруг проявил к нему интерес. Это было похоже на то, как если бы США пригласили на ужин Лихтенштейн. Она одарила его парой комплиментов и заявила, что часто на него смотрит.

– Но как ты меня видишь? Я всегда сижу за последней партой, а ты всегда за первой.

– Мой затылок мне все рассказал. У меня глаза на затылке, – ответила Бригитта.

Из этого диалога и родился их союз.

Союз этот вызвал множество пересудов. Когда по вечерам они вместе выходили из лица, все провожали их ошарашенным взглядом. В то время у Маркуса еще не было обостренного самосознания. Он знал, что внешне не слишком привлекателен, но не считал чем-то сверхъестественным, что встречается с красивой женщиной. Ведь он всегда только и слышал: «Женщины не такие поверхностные, как мужчины; внешность для них не самое важное. Главное – быть образованным, воспитанным и интересным». Он многому научился и старался блистать остротой ума. Надо признать, не без успеха. Изъяны его лица становились почти незаметны под флером, так сказать, некоторого обаяния.

Однако все это обаяние разлетелось вдребезги под натиском полового вопроса. Бригитта, безусловно, очень старалась, но в тот день, когда он попытался коснуться ее дивной груди, она не сумела совладать с рукой и пять ее пальцев впечатались в щеку

изумленного Маркуса. Он обернулся к зеркалу и в недоумении смотрел, как на его белой коже проступает красное пятно. Он на всю жизнь запомнит это пятно, и красный цвет для него навсегда свяжется с идеей отказа. Бригитта пыталась извиниться, говорила, что она не нарочно, но Маркус понял, что стояло за ее словами. Что-то животное, нутряное: он был ей отвратителен. Он посмотрел на нее и заплакал. Каждое тело изъясняется по-своему.

Так он плакал перед женщиной в первый раз.

Он получил диплом бакалавра в шведском варианте и решил уехать во Францию. В страну, где женщины не были Бригиттами. Первый эпизод любовной жизни оставил в нем глубокую рану, и он нарастил защитную броню. Вполне возможно, его жизненный путь вообще будет пролегать параллельно миру чувств. Он боялся страдания, боялся – по вполне веским причинам – быть отвергнутым. Он был уязвим и слаб и не знал, насколько слабость может быть притягательной для женщины. Прожив три года один в городе и отчаявшись найти любовь, он решил поучаствовать в *speed dating*. То есть ему предстояло встретиться с семью женщинами, с которыми он мог говорить в течение семи минут. Для такого, как он, семи минут бесконечно мало: он был убежден, что ему понадобится минимум столетие, чтобы убедить группу представительниц противоположного пола последовать за ним по узкой тропе его жизни. Но случилось нечто странное: с первой же встречи у него возникло ощущение взаимности. Девушку звали Алиса,⁷ она работала в аптеке⁸ и иногда вела там школу красоты.⁹ Честно говоря, все было довольно просто: оба чувствовали себя настолько неловко, что позволили себе расслабиться. Так что их встреча прошла на редкость естественно, и, завершив серию свиданий, они встретились снова, чтобы растянуть подольше положенные семь минут. Которые превратились в дни, а затем и в месяцы.

Но их история длилась меньше года. Маркус обожал Алису, но не любил ее. А главное, она не вызывала в нем особого желания. Жестокая математика: раз в жизни ему попался кто-то хороший, а он абсолютно не был влюблен. Нет в жизни совершенства. За те недели, что длилась их связь, он набрался опыта жизни вдвоем. Открыл в себе сильные стороны, способность заставить себя полюбить. Да, Алиса влюбилась в него без памяти. Для человека, знавшего до сих пор лишь материнскую любовь (да и то еще неизвестно), это было почти потрясением. В Маркусе была какая-то очень мягкая, трогательная простота, смесь спокойной, надежной силы и обезоруживающей слабости. Именно из-за этой слабости он оттягивал неизбежное, то есть расставание с Алисой. Но в одно прекрасное утро все-таки ушел. Особенно больно его ранило страдание девушки. Быть может, больнее, чем собственные страдания. Он не сдержал слез, но знал, что это правильное решение. Лучше жить одному, чем еще больше углублять пропасть между их сердцами.

Так он плакал перед женщиной во второй раз.

Уже почти два года в его жизни не происходило ровно ничего. Случалось, он жалел, что ушел от Алисы. Особенно во время новых сеансов *speed dating*, весьма неприятных, чтобы не сказать унижительных: некоторые девушки даже не давали себе труда с ним поговорить. Так что он решил больше на подобные свидания не ходить. Может, он просто отказался от мысли найти спутницу? Временами ему казалось, что это и не нужно. В конце

⁷ Довольно странно носить имя Алиса и оказаться на подобном вечере, чтобы найти мужчину. Как правило, Алисы без труда находят мужчин.

⁸ Довольно странно носить имя Алиса и работать в аптеке. Как правило, Алисы работают в книжных магазинах или турфирмах.

⁹ На данном этапе позволительно задаться вопросом: а действительно ли ее звали Алиса?

концов, вокруг миллионы холостяков. Неужто он не обойдется без женщины? Но все это говорилось себе в утешение, чтобы не думать о том, насколько ему плохо. Он так мечтал о женском теле! Иногда его просто добивала мысль, что отныне все это ему конечно же недоступно. Что он никогда не получит визу в мир красоты.

И тут Натали вдруг взяла и поцеловала его. Натали, его начальница, естественный источник его фантазмов. А потом объяснила, что ничего и не было. Что ж, он должен смириться. В конце концов, не так уж это важно. Тем не менее он заплакал. Да, из его глаз потекли слезы, и это его несказанно удивило. *Непредсказуемые* слезы. Неужели он настолько слаб? Нет, дело в чем-то другом. Ему нередко случалось справляться с куда более сложными ситуациями. Но этот поцелуй его особенно потряс; потому что Натали была, конечно, красива, но еще и из-за общего безумия ее поступка. Никто и никогда не целовал его просто так, не назначив свидания его губам. И это волшебство взволновало его до слез. А теперь и до горьких слез разочарования.

49

Уходя вечером с работы, он был рад, что сегодня пятница и можно спрятаться в уикенде. Он накроется субботой и воскресеньем как двумя толстыми одеялами. Ему ничего не хотелось делать; у него даже не хватало мужества читать. Поэтому он уселся перед телевизором. Вот так он и стал свидетелем на редкость сильного зрелища – выборов первого секретаря Социалистической партии Франции. Во второй тур вышли две женщины: Мартин Обри и Сеголен Руаяль. До сих пор он, в сущности, никогда не интересовался французской политикой. Но на сей раз сюжет оказался захватывающим. Больше того: этот сюжет наведет его на размышления.

Результаты были подсчитаны в ночь с пятницы на субботу. Но по-прежнему оставалось неясным, кто же победил. В конце концов объявили, что с перевесом всего в сорок два голоса победила Мартин Обри. Маркус был потрясен столь ничтожным отрывом. Сторонники Сеголен Руаяль подняли скандал: «Мы не позволим украсть у нас победу!» Фантастическая фраза, подумал Маркус. Проигравшая кандидатка продолжала бороться, опротестовывала результаты. Надо сказать, что субботние сведения вроде бы подтверждали ее правоту: в подсчетах были выявлены нарушения и ошибки. Разрыв становился все меньше и меньше. Маркус, совершенно поглощенный этой интригой, прослушал выступление Мартин Обри. Она называла себя новым первым секретарем партии, но все было не так просто. В тот же вечер Сеголен Руаяль в прямом эфире теленовостей заявила, что новым секретарем будет она. Обе считали себя победительницами! Маркуса покорила решимость этих женщин, особенно второй: несмотря на поражение, она не сдавалась и продолжала бороться, проявляя необычайную силу воли. Чтобы не сказать – сверхъестественную. В этих могучих политических хищницах он увидел то, чего не хватало ему самому. Именно в тот субботний вечер, с головой погрузившись в трагикомическую баталию социалистов, он тоже решил бороться. Не сдаваться, не отступать перед Натали. Хоть она и сказала ему, что все потеряно, что между ними ничего не может быть, он все равно будет верить. Он станет первым секретарем ее жизни, чего бы это ни стоило.

Для начала он принял простое решение: сквитаться. Раз она поцеловала его без разрешения, то почему бы, собственно, ему не поступить точно так же. В понедельник, прямо с утра, он пойдет к ней и оплатит ее губам той же монетой. Для этого он направится к ней решительным шагом (это была самая сложная часть программы: у него никогда особо не получалось ходить решительным шагом) и крепко, по-мужски вопьется ей в губы (это была вторая сложная часть программы: у него никогда особо не получалось делать что бы то ни было по-мужски). Иными словами, атака обещала быть нелегкой. Но у него было целое

воскресенье на подготовку. Долгое социалистическое воскресенье.

50

Что сказала Сеголен Руаяль, уступив сопернице 42 голоса

Ты ненасытна, Мартин, ты не хочешь признать, что я победила.

51

Маркус стоял перед дверью Натали. Пора было действовать, и это повергало его в полнейший ступор. Мимо прошел Бенуа, сотрудник из их группы:

– Ты чего тут делаешь?

– М-м... у меня назначена встреча с Натали.

– Ты собрался с ней разговаривать, стоя столбом под дверью?

– Нет... просто встреча назначена на 10... а сейчас 9.59... ты же меня знаешь, я не люблю приходить раньше времени...

Коллега удалился примерно в том же состоянии, в каком пребывал апрельским днем 1992 года, посмотрев в театре где-то на окраине пьесу Сэмюэля Беккета.

Теперь у Маркуса не оставалось выхода: пора было действовать. Он вошел в кабинет Натали. Она сидела, уткнувшись в какое-то дело (быть может, дело номер 114?), но сразу подняла голову. Он направлялся к ней решительным шагом. Но просто никогда ничего не бывает. Приблизившись к Натали, он вынужден был сбавить скорость. Сердце у него стучало все громче, прямо какая-то синдикалистская симфония. Натали спрашивала себя: что сейчас будет? И, если уж честно, слегка побаивалась. При том, что прекрасно знала: Маркус – сама любезность. Чего он хочет? Почему не двигается? Ее тело превратилось в компьютер, захлебывающийся от избытка данных. Ее данные были из области эмоций. Она встала, спросила:

– Маркус, что происходит?

– ...

– С вами все в порядке?

Он наконец сосредоточился на том, зачем пришел. Резко схватил ее за талию и поцеловал с такой силой, какой сам от себя не ожидал. Она не успела опомниться, как он уже вышел из кабинета.

52

Но оставил по себе странную сцену похищенного поцелуя. Натали хотела было снова погрузиться в бумаги, но в конце концов решила пойти за ним. То, что она ощутила, с трудом поддавалось определению. По правде говоря, за последние три года на нее первый раз налетали с поцелуем. Первый раз не считали ее хрупкой вещицей. Да, как ни странно, ее взволновала эта мгновенная, чуть ли не грубая вспышка мужественности. Она походила по коридорам фирмы, поспрашивала у всех встречных и поперечных, где он. Никто не знал. В кабинет он не возвращался. И тогда она вспомнила про крышу здания. В это время года туда никто не поднимался – слишком холодно. Она сказала себе, что он наверняка там. Интуиция ее не подвела. Он стоял там, у бортика, в очень спокойной позе. И слегка шевелил губами, как будто дышал ртом. Можно даже сказать: как будто курил, но без сигареты. Натали неслышно подошла к нему.

– Я тоже иногда здесь прячусь. Чтобы передохнуть, – сказала она.

Маркуса ее появление удивило. Он никак не думал, что после всего, что случилось, она пойдет его искать.

- Вы простудитесь, – ответил он. – А я даже не могу предложить вам пальто.
- Что ж, простудимся оба. По крайней мере, хоть в этом между нами не будет разницы.
- А вы вредная.
- Да ничего не вредная. И никакой не было вредности в том, что я сделала... Ну в конце-то концов, что за преступление я совершила!
- Значит, вы ничего не понимаете в чувствах. Поцелуй от вас, а потом вообще ничего – это, безусловно, преступление. В царстве черствых сердец вы пошли бы под суд.
- В царстве черствых сердец?.. Не привыкла слышать от вас такие речи.
- Естественно. Не говорить же мне стихами о деле номер 114.

Холод менял их лица. И усиливал некоторую несправедливость. Маркус приобретал синеватый, чтобы не сказать синюшный оттенок, тогда как Натали покрывалась бледностью, словно невзрачная принцесса.

- Наверно, нам лучше вернуться, – сказала она.
- Да... и что теперь будет?
- Но... теперь-то уж хватит. Чего еще? Я извинилась. Не роман же нам из-за этого заводить, в конце концов.
- А почему нет? Получилось бы интересно, я был бы не против почитать такой роман.
- Ладно, хватит. Я вообще не понимаю, зачем я тут с вами разговариваю.
- Согласен, хватит. Но сначала мы поужинаем.
- Что?
- Мы вместе поужинаем. А потом больше не будем об этом говорить, обещаю.
- Я не могу.
- Ну это-то вы мне должны... всего один ужин.

Некоторые люди обладают поразительной способностью произносить подобные фразы. Способностью, не позволяющей собеседнику ответить отказом. В голосе Маркуса звучала такая убежденность. Натали знала, что согласиться будет ошибкой. Знала, что отступить надо сейчас, пока еще не слишком поздно. Но отказать ему было невозможно. И потом, она так замерзла...

53

Конкретные сведения относительно дела номер 114

Речь идет о сравнительном анализе регулирования внешнеторгового баланса в области сельского хозяйства во Франции и в Швеции за период с ноября 1967-го по октябрь 1974 г.

54

Маркус заехал домой и теперь ходил кругами возле платяного шкафа. Что можно на себя надеть, когда идешь ужинать с Натали? Он хотел разодеться в пух и прах. Но пух и тем более прах с ней как-то не вязались. Ему бы хотелось разодеться в бархат и атлас. Или, по крайней мере, во фрак. Он до одури вертел в голове всякие слова, чтобы не думать о главном. Надо ли повязывать галстук? Помочь ему было некому. Он был один во всем мире, а весь мир был Натали. Обычно он редко сомневался в выборе одежды, а сейчас почва уходила у него из-под ног, и он не понимал, какие достать ботинки. В сущности, он не привык ходить куда-то по вечерам и соответственно одеваться. К тому же дело было деликатное: она его начальница, и это давило еще сильнее. В конце концов ему удалось расслабиться, и он сказал себе, что внешность не обязательно самое главное. Что главное – держаться непринужденно и легко поддерживать беседу на любые темы. Ни в коем случае не говорить о работе. Категорически запрещается упоминать дело номер 114. Нельзя, чтобы их

вечер стал продолжением рабочего дня. Ну и о чем тогда говорить? Нельзя же просто так взять и сменить среду обитания. Они будут чувствовать себя как два мясника на съезде вегетарианцев. Нет, это бред. Наверно, лучше всего отменить ужин. Пока еще не поздно. Непредвиденные обстоятельства. Да, Натали, мне очень жаль. Мне так хотелось, вы же знаете, но, увы, как раз сегодня у меня умерла мама. Нет, не пойдет, это уже чересчур. И слишком отдает Камю, а Камю для отмены ужина не годится. Вот Сартр гораздо лучше. Сегодня вечером я не могу, понимаете, ад – это другие.¹⁰ Легкий налет экзистенциальной тоски в голосе, как раз то, что надо. За всеми этими разглагольствованиями он сказал себе, что она наверняка тоже ищет предлог, чтобы в последний момент все отменить. Но пока ничего такого не происходило. Они должны были встретиться через час, а от нее ни слуху ни духу. Должно быть, еще не нашла, ищет, это точно. А может, у нее села батарейка в телефоне и теперь она лишена возможности предупредить, что не сумеет прийти. Он рассуждал так еще с минуту, но от нее ничего не было, и он вышел из дому с таким чувством, будто выходит в открытый космос.

55

Он выбрал итальянский ресторан неподалеку от ее дома. Она и так оказала ему любезность, согласившись с ним поужинать, и ему не хотелось заставлять ее тащиться через весь город. Он пришел раньше времени и выпил две рюмки водки в бистро напротив. Надеялся, что почерпнет в них храбрости, ну и чуть-чуть опьянеет тоже. Алкоголь не оказал на него ни малейшего действия, и он перебрался в ресторан. Так что Натали, явившуюся минута в минуту, он встретил совершенно трезвым. И тут же подумал: как хорошо, что он не пьян. Он бы не хотел, чтобы опьянение изгадило ему удовольствие от ее появления. Она шла к нему... она была такая красивая... той красотой, когда хочется всюду понаставить многоточий... Потом ему пришло в голову, что он никогда не видел ее вечером. И почти удивился, что она может существовать на свете в подобный час. Наверно, он считал, что по ночам красоту убирают в ящик или что-то вроде того. Приходилось признать, что не убирают, потому что она была здесь. Сидела напротив.

Он встал, чтобы поздороваться. Она никогда раньше не замечала, что он такой высокий. Надо сказать, что на офисном паласе служащие как-то съеживаются. На улице все кажутся выше. Она еще долго будет вспоминать это первое впечатление высоты.

– Спасибо, что пришли, – вырвалось у Маркуса.

– Пожалуйста...

– Нет, правда... вы много работаете, я знаю... особенно сейчас... с делом номер 114...

Она смерила его взглядом.

Он смущенно рассмеялся:

– Я обещал себе не говорить о работе... Господи, я смешон...

Натали тоже улыбнулась. Первый раз после смерти Франсуа ей самой приходилось кого-то утешать. Это пойдет ей на пользу. В его смущении было что-то трогательное. Ей вспомнился ужин с Шарлем, у которого из всех пор сочилась самоуверенность: сейчас она чувствовала себя куда свободнее. Ужиная с человеком, смотревшим на нее словно политик, обнаруживший, что победил на выборах, в которых не принимал участия.

– Лучше нам не говорить о работе, – сказала она.

– Тогда о чем мы будем говорить? О наших вкусах? Вкусы – прекрасная тема, чтобы завязать беседу.

– Да... вообще-то довольно странно вот так размышлять, что мы можем сказать друг

¹⁰ Намек на знаменитую фразу Сартра из пьесы «При закрытых дверях», где действие происходит в аду. (Прим. перев.)

другу.

– По-моему, поиски темы для разговора – хорошая тема для разговора.

Ей понравилась эта фраза и то, как он ее произнес.

– А вы на самом деле забавный.

– Спасибо. У меня настолько занудный вид?

– Да... немножко, – с улыбкой ответила она.

– Вернемся к вкусам. Так лучше.

– Знаете, я вам скажу одну вещь. На самом деле я больше не думаю о том, что мне нравится, а что нет.

– Можно задать вам вопрос?

– Задавайте.

– Вы склонны к ностальгии?

– Нет, не думаю.

– Это довольно редкий случай для Натали.

– Неужели?

– Да, для большинства Натали характерна склонность к ностальгии.

Она снова улыбнулась. Она отвыкла улыбаться. Но этот человек сбивал ее с толку. Никогда не угадаешь, что он скажет. Она подумала, что слова в его голове – как шары в барабане лотереи: никогда нельзя знать, какой выпадет. Какие у него еще есть теории по ее поводу? Ностальгия. Она вполне искренне задумалась, какое отношение к ней имеет ностальгия. Маркус неожиданно подтолкнул ее к образам прошлого. Она инстинктивно вспомнила то лето, когда ей было восемь лет. Когда она ездила с родителями в Америку и два сказочных месяца они бороздили просторы Дикого Запада. В те каникулы она пристрастилась к ПЕЦ. К таким фигуркам с маленькими конфетками внутри. Нажмешь на голову игрушки, и она даст тебе конфетку. Благодаря этой штучке лето стало неповторимым. Больше она ни разу ей не попадалась. Пока Натали рассказывала об этом, у столика вырос официант:

– Что будете заказывать?

– Нам, пожалуйста, два ризотто со спаржей, – ответил Маркус. – А на десерт... мы возьмем ПЕЦ.

– Что?

– ПЕЦ.

– У нас нет... пецев, сударь.

– Очень жаль, – попытожил Маркус.

Официант удалился в некотором раздражении. Профессионализм и чувство юмора располагались в его теле по двум параллельным прямым. Он не понимал, что общего у такой женщины с таким мужчиной. Наверняка он продюсер, а она актриса. Чтобы ужинать с настолько странным экземпляром мужского пола, непременно нужна причина профессионального свойства. И что это еще за «печи»? Песо? Ему очень не понравился этот намек на деньги. Он прекрасно знал клиентов подобного сорта: хлебом не корми, дай опустить официанта. Это ему с рук не сойдет.

Натали находила, что вечер складывается чудесно. Маркус забавлял ее.

– Знаете, за последние три года я всего второй раз куда-то выбралась.

– Вы хотите, чтобы я еще больше напрягся?

– Да нет, все замечательно.

– Тем лучше. Я сделаю так, чтобы вы провели приятный вечер, иначе снова впадете в спячку.

Им было очень просто вдвоем. Натали чувствовала себя хорошо. Маркус не был ни другом, ни человеком, как-то связанным для нее с идеей оболыщения. Он был удобным, уютным миром, не имевшим никакого отношения к ее прошлому. Все предпосылки для безболезненного вечера наконец-то сошлись вместе.

*Ризотто со спаржей.**Ингредиенты*

200 г риса арборио (или круглого риса)
 500 г спаржи
 100 г кедровых орешков
 1 луковица
 200 мл белого сухого вина
 100 мл сливок
 80 г тертого пармезана
 ореховое масло
 соль
 перец.

Печенье-черепица с пармезаном

80 г тертого пармезана
 50 г кедровых орешков
 2 столовых ложки муки
 немного воды.

Маркус часто наблюдал за Натали. Он любил смотреть, как она идет по коридору, всегда в каком-нибудь сногшибательном костюме. Образ, обитавший в его фантазмах, плохо вязался с ее реальным образом. Как и все, он знал, что ей пришлось пережить. Но до сих пор всегда видел ее такой, какой она хотела выглядеть: женщиной, полной уверенности и внушающей ее другим. Теперь, когда она предстала перед ним в другой обстановке, где ей не нужно было все время притворяться, он вдруг почувствовал ее уязвимость и слабость. Временами – конечно, совсем чуть-чуть, отдельными проблесками, – но она теряла бдительность. Чем меньше она себя сдерживала, тем сильнее проявлялась ее подлинная натура. Ее слабость, ее боль парадоксальным образом проступали в ее улыбках. В полном соответствии с эффектом качелей, Маркус стал примерять на себя роль человека более сильного, чуть ли не покровителя. С ней он чувствовал себя интересным, живым, почти мужественным. Ему хотелось бы всю жизнь жить энергией этих минут.

Хоть он и облачился в костюм мужчины-у-которого-все-под-контролем, это все-таки была не желтая майка лидера: пройти без промахов всю дистанцию он не мог. Заказывая вторую бутылку, он запутался в карте вин. Он так старался выглядеть знатоком, что официант не преминул подпустить шпильку и выставить его невеждой. Маленькая личная месть. Маркуса это сильно задело, и, когда официант принес бутылку, он нанес ответный удар:

– О, спасибо, сударь. Нам так хотелось пить. И мы выпьем за ваше здоровье.

– Спасибо. Вы очень любезны.

– Нет, это не любезность. В Швеции существует одна традиция, она гласит, что в любой момент все могут поменяться местами. Что нет ничего окончательного. И что если вы сейчас стоите, то в один прекрасный день будете сидеть. Впрочем, если хотите, я уже сейчас встану и уступлю вам свое место.

Маркус вдруг встал, и официант растерялся. Неловко улыбнулся и выпустил из рук бутылку. Натали расхохоталась, хоть и не совсем поняла состояние Маркуса. Ей понравилась

эта гротескная выходка. Наверно, уступить свое место официанту было лучшим способом поставить его на место. Она оценила этот момент, сочла его поэтичным. Ей виделось в Маркусе какое-то редкое, «восточноевропейское» обаяние. В его Швеции словно было что-то от Румынии или от Польши.

– Вы уверены, что вы швед? – спросила она.

– Как я счастлив, что вы задали этот вопрос. Вы не можете себе представить. Вы первая усомнились в моем происхождении... вы все-таки фантастическая женщина.

– Что, так тяжело быть шведом?

– Вы себе не представляете. Когда я туда езжу, мне все говорят, что я – душа компании. Представляете? Я – душа компании?

– И впрямь...

– В Швеции быть нудным – это призвание.

Вечер продолжался; временами они изучали друг друга, а временами им было хорошо и казалось, что они давно друг друга знают. Она рассчитывала вернуться рано, а время уже близилось к полуночи. Люди вокруг них расходились по домам. Официант довольно грубо дал им понять, что пора бы собираться на выход. Маркус встал, чтобы сходить в туалет, и оплатил счет. Все это было проделано с большим изяществом. На улице он предложил отвезти ее домой на такси. Он был так предупредителен. У дверей ее квартиры он положил ей руку на плечо и поцеловал в щеку. В эту минуту он понял то, что знал и так: он без памяти в нее влюблен. Натали сочла, что каждый знак внимания этого мужчины деликатен. Она была просто счастлива, что провела время в его обществе. Она не могла думать ни о чем другом. Уже в кровати она послала ему смс, чтобы поблагодарить. И выключила свет.

58

Смс, которое Натали послала Маркусу после их первого ужина вдвоем

Спасибо за этот прекрасный вечер.

59

Он ответил просто: «Спасибо за то, что сделали его прекрасным». Он предпочел бы ответить что-то более оригинальное, более забавное, более волнующее, более романтическое, более литературное, более русское, более лиловое. Но в конце концов, это прекрасно сочеталось с общей интонацией момента. Он улегся в кровать, но знал, что вряд ли сумеет уснуть: как провалиться в сон, когда только что из него выпал?

Ему удалось немного поспать, но он проснулся от беспокойства. Когда свидание проходит удачно, вы сходите с ума от восторга. А потом, мало-помалу, здравый смысл заставляет задуматься, что же будет дальше. Если дело плохо, то, по крайней мере, все ясно как день: вы больше не встретитесь. Но как быть в обратном случае? Вся уверенность, все бесспорные достижения этого ужина растворились в ночи: лучше бы нам вообще никогда не смыкать глаз. Это чувство материализовалось в простой вещи. В самом начале рабочего дня Натали и Маркус повстречались в коридоре. Он шел к кофейному автомату, она от него возвращалась. Они обменялись смущенными улыбками и поздоровались – несколько натянуто. Оба были не способны сказать еще хоть слово, найти какую-нибудь мелочь, способную стать темой для разговора. Хоть бы какой-нибудь самый пустячный пустяк. Ничего, ни самонадеянного намека на погоду, на какое-нибудь облачко или солнышко – ничего, и никаких надежд на улучшение. Так и разошлись на этой неловкой ноте. Им нечего было сказать друг другу. Некоторые называют это состояние *космической пустотой постфактум*.

Оказавшись в своем кабинете, Маркус попытался успокоиться. Не может все всегда получаться, это вполне нормально. Жизнь – это в основном всякая неразбериха, неудачи, пробелы и паузы. Шекспир описывает лишь главные моменты в жизни персонажей. Если бы Ромео и Джульетта повстречались в коридоре наутро после прекрасного вечера, им бы точно нечего было друг другу сказать. Это все ерунда. Ему не об этом нужно думать, а о будущем. Вот что действительно важно. И пока он, можно сказать, справлялся весьма недурно. Вскоре у него уже был целый ворох идей, как провести вечер, предложений, куда пойти ночью. Он записал все на большом листе бумаги: это был его план атаки. Дела номер 114 в его кабинетике больше не существовало, дело номер 114 было вытеснено делом Натали. Он не знал, с кем поделиться, у кого спросить совета. Было, конечно, несколько коллег, с которыми он поддерживал хорошие отношения. Например, с Бертье: время от времени им случалось вести душевные беседы с уклоном в личную жизнь. Но говорить с кем-то из сослуживцев о Натали – об этом не могло быть и речи. Придется скрывать свои сомнения за глухой стеной молчания. Да, молчания и тишины; он только боялся, что стук его сердца наделает слишком много шума.

Он изучил все интернет-сайты, где предлагались романтические вечера, прогулки на лодках (но для них было слишком холодно) или театральные спектакли (но в зрительном зале часто бывает жарко (и к тому же он ненавидел театр)). Ничего особо вдохновляющего. Он боялся, что выйдет чересчур торжественно – или чересчур скромно. Иначе говоря, он не имел ни малейшего представления ни о том, чего ей хочется, ни о том, что она думает. Вовсе не исключено, что она вообще больше не хочет его видеть. Она всего лишь согласилась один раз с ним поужинать. Может, на том все и кончится. Она постаралась, чтобы все прошло хорошо. И все, и точка. Обещание выполнено, все свободны. Но ведь она все-таки поблагодарила его за прекрасный вечер. Да, так она и написала: «прекрасный». Маркус прямо-таки упивался этим словом. Это вам не шутки. Прекрасный вечер. Она могла бы написать «приятный вечер», но нет, она предпочла слово «прекрасный». «Прекрасный» – это было прекрасно. Честное слово, какой прекрасный вечер. Прямо как будто из великой эпохи длинных платьев и карет... «Что мне такое в голову лезет?» – вдруг всполошился он. Довольно витать в облаках, надо действовать. Да, «прекрасный» очень даже прекрасно, но теперь-то надо двигаться дальше, а он прекраснейшим образом застрял. О, какое отчаяние. В голове ни единой мысли. Всей его вчерашней непринужденности хватило на один-единственный вечер. Одна иллюзия. Он вернулся к своему жалкому уделу, уделу человека без свойств, человека без малейшего представления о том, как устроить второе свидание с Натали.

В дверь постучали.

– Войдите, – сказал Маркус.

И вошла та, что написала ему смс про «прекрасный вечер». Да, перед ним стояла самая настоящая, живая Натали.

– Как дела? Я не помешала? У вас такой сосредоточенный вид.

– Э-э... нет... нет, все в порядке.

– Я хотела вам предложить сходить со мной завтра в театр... у меня два билета... в общем, если вы не...

– Обожаю театр. С удовольствием.

– Тогда отлично. До завтра.

Он выдохнул в ответ «до завтра», но было уже поздно. Слова неловко покружили в воздухе, не найдя уха, куда приземлиться. Каждая клеточка Маркуса вопила от счастья. А сердце его в этом царстве восторга скакало от радости по всему телу.

Странное дело: от счастья он стал серьезным и важным. В метро он рассматривал попутчиков, всех этих закосневших в повседневности людей, и уже не чувствовал себя среди

них безликим анонимом. Он всю дорогу стоял и как никогда ясно сознавал, что любит женщин. Дома он произвел все дежурные бытовые телодвижения, но ужинать почти не хотелось. Он растянулся на кровати, попытался прочесть пару страниц. Потом погасил свет. Вот только он опять не сможет уснуть, ведь с того первого поцелуя Натали он почти не спал. Она ампутировала ему сон.

60

*Из инструкции по применению гуронсана. ¹¹
Показания*

Временные состояния утомления у взрослых.

61

День прошел просто и обычно. Было даже совещание группы, вполне нормальное, никому и в голову прийти не могло, что вечером Натали пойдет в театр с Маркусом. Это было скорее приятное чувство. Офисные служащие обожают заводить секреты и тайные связи, жить никому не ведомой жизнью. Это придает пикантность их семейным отношениям с фирмой. Натали обладала способностью отделять одно от другого. Пережитая драма сделала ее в каком-то отношении бесчувственной. Так что совещание она вела как робот, почти забыв, что в конце рабочего дня настанет вечер. Маркусу бы очень хотелось заметить в глазах Натали особое внимание, что-нибудь заговорщицкое, но это не было предусмотрено в ее механизме.

То же самое относилось и к Хлое: ей очень хотелось, чтобы остальные иногда замечали ее особые отношения с начальницей. Только у нее бывали минуты, которые можно было отнести к категории «Перейдем на ты?». После бегства Натали Хлоя не пыталась устроить еще один выход в свет. Она знала, что подобные моменты таят в себе опасность: на ее глазах начальница проявила слабость, и это могло ей аукнуться. Поэтому она изо всех сил старалась не смешивать жанры и неукоснительно соблюдать иерархию. Под конец дня она зашла к Натали:

- У вас все хорошо? Мы с вами почти не говорили с прошлого раза.
- Да, Хлоя, это я виновата. Но мы с вами приятно провели время, правда.
- Правда? Вы вылетели пулей и говорите, что приятно провели время?
- Да, уверяю вас.
- Что ж, тогда тем лучше... хотите, вечером сходим туда еще раз?
- Ах нет, мне очень жаль, но я не могу. Я иду в театр, – ответила Натали таким тоном, словно сообщала, что родила зеленого человечка.

Хлоя никак не показала своего удивления, но тут было чему удивляться. Не стоило лишний раз подчеркивать, каким событием было подобное заявление. Лучше сделать вид, что ничего особенного не случилось. Вернувшись к себе в кабинет, она ненадолго задержалась, сложила последние бумаги в папку, проверила электронную почту, потом надела пальто и собралась уходить. Когда она направлялась к лифту, ее взору предстало нечто невероятное: Маркус и Натали уходили вместе. Она незаметно подошла поближе. Ей показалось, что она услышала слово «театр». И ее сразу охватило какое-то непонятное чувство. Какая-то неловкость, даже отвращение.

62

¹¹ Гуронсан – тонизирующее средство. (Прим. перев.)

В театре такие тесные сиденья. Маркус чувствовал себя решительно не в своей тарелке. Он жалел, что у него такие большие ноги, но это было совершенно бесплодное сожаление.¹² Не говоря уж о другом обстоятельстве, усиливающем его пытку: ничего нет хуже, чем сидеть рядом с женщиной, на которую до смерти хочется смотреть. Для него спектакль шел слева, а не впереди, на сцене. Да и на что там смотреть? Его это нисколько не интересовало. Тем более пьеса была шведская! Она что, нарочно его потащила? В придачу автор учился в Упсале. Все равно что отправиться на ужин к родителям. Он был слишком рассеян, чтобы разбираться в сюжете. После театра наверняка пойдет разговор о пьесе, и он будет выглядеть дурак дураком. Как он мог упустить такое важное обстоятельство? Надо любой ценой сосредоточиться и заготовить несколько метких суждений.

Тем не менее под конец спектакля он, к своему удивлению, почувствовал сильное волнение. Может быть, даже что-то вроде зова шведской крови. Натали, казалось, тоже была счастлива. Но в театре никогда не поймешь: бывает, люди выглядят счастливыми по той простой причине, что крестная мука наконец кончилась. Когда они вышли, Маркус было пустился излагать теорию, которую соорудил за время третьего акта, но Натали немедленно пресекла его попытки:

– По-моему, теперь нам надо попытаться расслабиться.

Маркус подумал про свои ноги, но Натали уточнила:

– Пойдемте чего-нибудь выпьем.

Значит, вот что значит расслабиться.

63

Отрывок из «Фрекен Жюли» Августа Стриндберга (французский перевод Бориса Виана), пьесы, которую смотрели Натали и Маркус во время их второго свидания

Фрекен Жюли. Я обязана вам повиноваться?

Жан. Всего один раз; ради вашего же блага! Прошу вас! Ночь в разгаре, сон пьянит, голова пылает!

64

И тут случился какой-то перелом. Совершенный пустяк, который вдруг разрастется до масштабов решающего события. Все шло точно так же, как в первый вечер. Обаяние действовало и даже усиливалось. Маркус выходил из положения весьма изящно. Он улыбался самой не шведской улыбкой, на какую был способен; почти испанской улыбкой, вроде того. Сыпал вкусными анекдотами, умело сочетал культурные аллюзии со ссылками на личный опыт, ловко переходил от субъективного к всеобщему. Весьма мило приводил в действие механизм светского общения. Но в самой сердцевине его непринужденности вдруг проклюнулось смятение, уже готовое пустить под откос всю машину: он ощутил присутствие меланхолии.

Вначале это было крохотное пятнышко, что-то похожее на ностальгию. Но нет: при ближайшем рассмотрении уже были различимы лиловые очертания меланхолии. А если еще приблизить, становилась видна истинная природа чего-то очень грустного. В единый миг, словно в порыве какого-то болезненного пафоса, перед ним вдруг предстала вся бессмысленность этого вечера. Он спросил себя: а зачем я пытаюсь выставить себя с самой лучшей стороны? Зачем стараюсь смешить эту женщину, зачем лезу из кожи вон, чтобы ее

¹² Прокат маленьких ног пока не организован.

обаять, ведь она для меня решительно недоступна? Его прошлое, прошлое не уверенного в себе человека, вдруг резко и грубо заявило о себе. И мало того. Этот регресс получил трагическое ускорение после еще одного критического события: он пролил на скатерть бокал красного вина. Он мог увидеть в этом простую неловкость. И даже, быть может, неловкость очаровательную: Натали всегда была чувствительна к неловкости. Но в тот миг он уже о ней не думал. Он усмотрел в этом невинном пустяке куда более важный знак: красный цвет. Вечное вторжение красного цвета в его жизнь.

– Это не важно, – сказала Натали, заметив опрокинутое лицо Маркуса.

Конечно нет – это было не важно. Это было трагично. Красный цвет отбрасывал его назад, к Бригитте. К образу всех женщин мира, отвергающих его. В его ушах гудели насмешки. В памяти всплывали картины всех его неприятностей: он был мальчишкой, над которым издевались в школьном дворе, он был новобранцем, которого чморили, он был туристом, которого кидали. Вот что означало расплывающееся на белой скатерти красное пятно. Ему казалось, что все на него смотрят, все шепчутся у него за спиной. Костюм обольстителя был ему не по росту. Ничто не могло остановить эту паранойю. Паранойю, предвестницей которой стала меланхолия и ощущение, что он думает о прошлом как об убежище. Настоящего больше не существовало. Натали была тенью, призраком из мира женщин.

Маркус встал и на секунду завис в молчании. Натали смотрела на него и не знала, что он скажет. Что-нибудь забавное? Что-нибудь нудное? В конце концов он произнес ровным тоном:

– Мне лучше уйти.

– Почему? Из-за вина? Но... это с каждым может случиться.

– Нет... не потому... просто...

– Просто что? Я вам надоела?

– Нет... конечно же нет... вы мне даже мертвая не можете надоесть...

– Тогда что?

– Тогда ничего. Просто вы мне нравитесь. Вы мне действительно нравитесь.

– ...

– Мне хочется только одного: опять вас поцеловать... но я даже на миг не могу вообразить, что нравлюсь вам... так что, по-моему, нам лучше больше не видеться... я точно буду страдать, но такое страдание приятнее, если можно так выразиться...

– Вы все время вот так сидите и думаете?

– А как я могу не думать? Как я могу просто так сидеть напротив вас? Вот вы бы могли?

– Сидеть напротив меня?

– Вот видите, я несу какую-то ерунду. Мне лучше уйти.

– Я бы предпочла, чтобы вы остались.

– Зачем?

– Не знаю.

– Вы-то зачем тут со мной сидите?

– Не знаю. Я только знаю, что мне с вами хорошо, что вы естественный... предупредительный... деликатный. И знаю, что мне это нужно, вот.

– И это все?

– Это уже много, разве нет?

Маркус по-прежнему стоял. Натали тоже встала. С минуту оба так и стояли, застыв в неуверенности. На них стали оборачиваться. Не двигаться, когда стоишь, – довольно-таки редкий случай. Тут можно, наверно, вспомнить картину Магритта, где мужчины свисают с неба, как сталактиты. В общем, в их позе было что-то от бельгийской живописи: ничего не скажешь, не самая утешительная картина.

Маркус ушел, бросил Натали одну в кафе. Мгновение, став совершенным, обратило его в бегство. Она не понимала, что на него нашло. Такой был приятный вечер, а теперь она на него злилась. Сам того не зная, Маркус повел себя блестяще. Он пробудил Натали. И побудил ее разобраться в себе, задать самой себе вопросы. Он сказал, что хочет ее поцеловать. Значит, только в этом дело? А хотелось ли ей, чтобы он ее поцеловал? Нет, вряд ли, она так не думала. Она не считала его особо... но вообще-то это не так уж важно... почему бы и нет... она находила, что в нем есть что-то... и потом, он забавный... тогда почему он ушел? Какой идиот! Взял и все испортил. Она была очень сердита... какой идиот, нет, ну какой идиот, твердила она, пока посетители кафе разглядывали ее. Ее, очень красивую женщину, брошенную каким-то невзрачным мужчиной. Натали даже не сознавала, что на нее смотрят. Она стояла неподвижно, застыв в гневной неудовлетворенности: она не совладала с ситуацией, не сумела ни удержать его, ни понять. Она зря сердилась на себя, она бы ничего не смогла поделать. В его глазах она была слишком желанной, чтобы он мог оставаться с ней дальше.

Вернувшись домой, она набрала номер его телефона, но нажала на отбой, не дожидаясь звонка. Ей хотелось, чтобы он ей позвонил. В конце концов, она взяла на себя инициативу, устроила этот второй вечер. Мог бы по крайней мере сказать спасибо. Послать смс. Она сидела с телефоном в руках, она ждала. Впервые за долгое-долгое время она вспомнила, что такое ждать. Ей не спалось, она налила себе немного вина. И включила музыку. Алена Сушона. Песню, которую любила слушать с Франсуа. Она не могла опомниться – оказывается, она способна ее слушать, просто слушать и не терять сознание. Она кружила по гостиной, даже чуть-чуть танцевала, позволяя хмелю завладеть ею, наполнить ее энергией надежды.

Начало «Сбежавшей любви»,

песни Алена Сушона, которую Натали слушала после второго свидания с Маркусом

Овалы твоих губ на пленке моей кожи.
Мы растеряли те мгновенья – ну так что же.
Всегда есть фоторамка под рукой,
Чтобы наши муки вставить под стекло.

Красивая картинка – да плевать, не надо,
Счастливая семья, но мы уже не рады,
Летят тарелки на пол, кровь течет,
Осколки ранят, эта боль пройдет.

Мы, мы проиграли игру.
Ты, ты утираешь слезу.
Мы расстаемся, мы всё понимаем.
Любовь убегает,
Любовь убегает.

Маркус шел над пропастью, чувствуя, как под ногами свистит ветер. Вернувшись в тот вечер домой, он по-прежнему не мог избавиться от тягостных образов, они осаждали его со всех сторон. Может, это все из-за Стриндберга? Честное слово, надо держаться подальше от соотечественников с их тоскливыми страхами. Красота момента, красота Натали – все это предстало перед ним как последний край, бесповоротный крах. Красота была здесь, перед ним, смотрела ему прямо в глаза, предвещая трагедию. Именно об этом снята «Смерть в Венеции» с ее главной фразой: «Кто увидел красоту воочию, тот уже отмечен знаком смерти».¹³ Да, могло показаться, что Маркус красноречив. И даже что, сбежав, он поступил глупо. Но нужно прожить долгие годы в пустоте ничтожества, чтобы понять, как может напугать вдруг открывшаяся возможность.

Он ей не позвонил. Ей понравился в нем восточноевропейский налет; пускай удивляется, обнаружив, что он опять величественно застыл в своей Швеции. Больше в нем не будет ничего польского, ни капельки. Маркус решил замкнуться, *больше не играть с женским огнем*. Да, именно эти слова вертелись у него в голове. И первый вывод, который он из них сделал, гласил: он больше не будет смотреть ей в глаза.

На следующее утро, войдя в офис, Натали столкнулась с Хлоей. Надо сразу сказать: Хлоя тоже любила подстраивать случайные встречи. Она тоже, бывало, ходила взад-вперед по коридорам, только чтобы встретить свою начальницу.¹⁴ И теперь, как самая настоящая консьержка, без всякой элегантности ежика,¹⁵ она попыталась разжиться парочкой признаний:

- А, доброе утро, Натали! У вас все хорошо?
- Да, все нормально. Просто я немного устала.
- Из-за вашего вчерашнего спектакля? Поздно кончился?
- Да нет, не особо...

Хлоя почувствовала, что выпытать что-то еще будет сложно, но, на ее счастье, случилась вещь, сильно упростившая ситуацию. К ним приближался Маркус, и тоже явно в каком-то странном состоянии. Хлоя приостановила его:

- А, доброе утро, Маркус, у тебя все хорошо?
- Все нормально... а у тебя?
- Жить можно.

Он ответил, стараясь не смотреть на собеседниц. Впечатление было весьма странное: словно говоришь с человеком, который очень спешит. Странное, потому что Маркус, судя по всему, никуда не спешил.

- С тобой что? У тебя шея болит?
- Нет... нет... все в порядке... Ладно, мне надо идти.

Он удалился, оставив обеих женщин в полном недоумении. Хлоя тут же подумала: «Ему жутко неловко... они наверняка переспали... другого объяснения не вижу... иначе с чего бы ему ее игнорировать?» И широко улыбнулась Натали:

- Можно вас спросить? Вы ведь вчера ходили в театр с Маркусом, да?
- Это вас не касается.
- Прекрасно... Просто я думала, мы друг с другом делимся. Я вам все говорю.
- А мне нечего вам сказать. Ладно, пора приниматься за работу.

¹³ Перевод Н. Ман. (Прим. перев.)

¹⁴ В конце концов начинаешь задаваться вопросом: а существует ли случайность вообще? Быть может, все люди, которые попадают на пути, шагают вокруг по периметру в неусыпной надежде встретить нас? Если подумать, они ведь и вправду нередко выглядят запыхавшимися.

¹⁵ «Элегантность ежика» – известный роман Мюриэль Барбери (2006). (Прим. перев.)

Натали ответила сухо и резко. Ей совсем не понравилось, что Хлоя позволяет себе вмешиваться в ее личную жизнь. В глазах коллеги ясно читалось возбуждение сплетницы. Хлоя смущенно пробормотала, что завтра собирается отмечать свой день рождения. Натали сделала неопределенный жест, означающий неопределенное «да». Но уже не была уверена, что пойдет.

Позже, у себя в кабинете, она снова думала о бестактности Хлои. Долгие месяцы Натали жила, постоянно слыша перешептывания за спиной. Тихие комментарии – как она держится, что делает, как отдает всю себя работе. Этот негласный, пусть и безусловно доброжелательный надзор она всегда ощущала как бремя. В то время ей хотелось, чтобы никто ее не замечал. Как ни парадоксально, постоянные изъявления участия усложняли ей задачу. Она с горечью вспоминала период, когда привлекала к себе всеобщее внимание. И теперь, думая о том, какое лицо было у Хлои, поняла, что должна быть скрытной, никогда, ни единым словом не упоминать роман с Маркусом. Но роман ли это? Со смертью Франсуа она утратила все ориентиры. У нее было чувство, что она снова девочка-подросток. Что все, что она знала о любви, уничтожено до основания. Ее сердце билось на руинах. Она не понимала, почему Маркус так себя ведет, что это еще за манера – на нее не смотреть. Просто цирк какой-то. Она думала: он что, спятил? Тихое помешательство, вполне вероятно. Она не думала: надо по-настоящему любить женщину, чтобы не хотеть ее больше видеть. Нет, этого она не думала. Она просто пришла в замешательство и там осталась.

68

Три сплетни о Бьорне Андресене, сыгравшем роль Тадзио в «Смерти в Венеции» Лукино Висконти

- Он якобы убил актера-гея в Нью-Йорке.
- Он якобы погиб в авиакатастрофе в Мексике.
- Он якобы ел только зеленый салат.

69

У Маркуса не было ни малейшего желания работать. Он стоял у окна и глядел в пустоту. Ностальгия по-прежнему жила в нем, причем, уточним, ностальгия нелепая. Иллюзия, что в нашем нудном прошлом все же есть известное обаяние. В ту минуту его детство, при всем своем убожестве, казалось ему каким-то источником жизни. Он думал о всяких мелочах и находил их трогательными, хотя они всегда были пафосными. Ему хотелось найти убежище, не важно где, лишь бы сбежать из настоящего. И однако за последние дни он прямо-таки осуществил романтическую мечту: сходил в театр с красивой женщиной. Тогда откуда в нем взялась настолько сильная потребность дать задний ход? В этом наверняка было что-то очень простое, то, что можно назвать *боязнью счастья*. Говорят, когда мы умираем, перед нашими глазами проходят самые прекрасные моменты жизни. Так почему бы не допустить, что в момент, когда счастье оказывается рядом и улыбается нам почти тревожной улыбкой, перед нашими глазами могут проходить все незадачи и неудачи прошлого?

Натали попросила его зайти к ней в кабинет, он отказался.

– Я очень хочу вас видеть, – сказал он. – Но по телефону.

– Видеть меня по телефону? Вы уверены, что с вами все в порядке?

– Со мной все в полном порядке, спасибо. Я просто прошу вас несколько дней не попадать в поле моего зрения. Это все, о чем я вас прошу.

Она чем дальше, тем больше чувствовала себя озадаченной. Но при этом иногда

ощущала, что подобное чудачество ее подкупает. Перед ней расстилалось необъятное пространство для вопросов. Она спрашивала себя: может, поведение Маркуса – это такая форма стратегии? А может, какая-то новомодная форма юмора в любви? Конечно, она ошибалась. Просто Маркуса нужно было понимать буквально, и это действительно озадачивало.

Под конец рабочего дня она решила не следовать его пожеланиям и вошла к нему в кабинет. Он тут же отвернулся:

– Это не дело! К тому же вы входите без стука.

– Потому что я хочу, чтобы вы на меня смотрели.

– А я не хочу.

– Вы всегда такой? Надеюсь, это все-таки не из-за пролитого вина?

– В некотором смысле из-за него.

– Вы что, нарочно это делаете? Чтобы меня заинтриговать, да? Должна сказать, вам это удается.

– Натали, клянусь вам, тут нечего понимать, кроме того, что я вам сказал. Я защищаюсь, вот и все. Ничего сложного.

– Но вы себе шею свернете, если будете сидеть в таком положении!

– Чем сердце будет болеть, уж лучше шея!

Натали слегка зависла от этой фразы: она звучала как какой-то деепричастный оборот, как одно слово: «ушлушешешя». Потом заговорила снова:

– А если мне хочется вас видеть? Если мне хочется проводить с вами время? Если мне с вами хорошо? Тогда что мне делать?

– Это невозможно. Это никогда не будет возможно. Лучше вам выйти.

Натали не знала, что ей делать. Поцеловать его, ударить, послать к черту, перестать замечать, унижить, умолять? В конце концов она повернула ручку двери и вышла.

70

Назавтра под конец рабочего дня Хлоя отмечала свой день рождения. Она не могла допустить, чтобы кто-то о нем забыл. Пройдет несколько лет, и наверняка все будет с точностью до наоборот. Все могли оценить ее энергию, то, как она воспламенила их нудный мирок, как заставила служащих напустить на себя хорошее настроение. Пришли практически все сотрудники с их этажа, и Хлоя в их окружении пила шампанское. И ждала подарков. Было что-то трогательное, почти прелестное в этой комически преувеличенной демонстрации нарциссизма.

Комната была небольшая; тем не менее Маркус и Натали изо всех сил старались держаться как можно дальше друг от друга. Она в конце концов вняла его просьбе и кое-как пыталась не попадать в его поле зрения. Хлоя следила за их уловками, и ей все было ясно. «Как они мило не разговаривают, никаких слов не надо», – подумала она. Какая пронизательность! Ну и ладно, ей не хотелось отвлекаться на эту историю: главное, конечно, – это удачно отметить день рождения. Главное – все эти служащие, все Бенуа и Бенедикты, что расслабленно стоят вокруг с бокалом в руке, в костюмах и пиджаках, с натренированной общительностью на лице. Маркус созерцал фонтанчики возбуждения, бьющие из гостей, и находил все это гротескным. Но в этом гротеске ему виделось что-то глубоко человеческое. Он тоже хотел быть причастным к этому коллективному порыву. Он вдруг ощутил потребность делать все как следует. Под конец дня он заказал по телефону букет белых роз. Необъятный букет, совершенно несообразный его отношениям с Хлоей. Как будто хотел непременно уцепиться за белое. За необъятную белизну. Белизну, стирающую красный цвет. Когда девушка, доставлявшая цветы, прибыла на ресепшн, Маркус спустился вниз. Поразительная картина: Маркус с необъятным букетом в этом чисто

деловом, бездушном холле.

Так он и направился к Хлое – следом за великолепной белой массой. Она увидела, как он подходит, и спросила:

– Это мне?

– Да. С днем рождения, Хлоя.

Она смутилась. И инстинктивно обернулась к Натали. Хлоя не знала, что сказать Маркусу. Между ними был пробел: их белое на белом. Все смотрели на них. То есть на крошечные частички их лиц, не стертые белизной. Хлоя чувствовала, что надо что-то сказать, но что? В конце концов она проговорила:

– Зачем же так! Это чересчур.

– Да, конечно. Но мне хотелось белизны.

К Хлое двинулся еще один коллега с подарком, и Маркус, воспользовавшись этим, отошел.

Натали издали наблюдала за этой сценой. Она хотела соблюдать правила Маркуса, но зрелище привело ее в такое смущение, что она решила подойти поговорить:

– Почему вы подарили ей такой букет?

– Не знаю.

– Слушайте... меня уже достал этот ваш аутизм... Вы не хотите на меня смотреть... не хотите ничего мне объяснить.

– Честное слово, я не знаю. Мне самому неловко. Я прекрасно понимаю, что это ни с чем не сообразно. Но так получилось. Когда я заказывал цветы, то попросил огромный букет белых роз.

– Вы в нее влюблены, что ли?

– А вы, что ли, ревнуете?

– Я не ревную. Но начинаю подозревать, что вы при всех ваших повадках депрессивного шведского лунатика – великий соблазнитель.

– А вы... знаток мужской души, это уж точно.

– Ну это же смешно.

– Смешно, что у меня есть подарок и для вас... и что я вам его не отдал.

Они посмотрели друг на друга. И Маркус сказал себе: как я мог думать, что могу ее больше не видеть? Он улыбнулся ей, и она ответила улыбкой на его улыбку. Новый тур вальса улыбок. Поразительно, как иногда бывает: мы принимаем решения, мы говорим себе – отныне все будет так, а не иначе, но достаточно ничтожного движения губ, и от твердой, казавшейся вечной уверенности остаются одни обломки. Все волевые усилия Маркуса рухнули перед очевидностью: очевидностью лица Натали. Усталого, подернутого пеленой непонимания, но все равно лица Натали. Не говоря ни слова, они потихоньку ушли с праздника и оказались в кабинете Маркуса.

71

Там было тесно. Наступившего для них облегчения хватало, чтобы заполнить всю комнату. Оба были счастливы, что остались одни. Маркус смотрел на Натали и, глубоко взволнованный, читал в ее глазах неуверенность.

– Так что за подарок? – спросила она.

– Я вам его вручу, только обещайте, что откроете его не раньше, чем придете домой.

– Договорились.

Маркус протянул ей маленький пакетик, и Натали положила его в сумку. Они посидели так еще минуту – *минуту, что длится и теперь*. Маркус чувствовал, что не обязан говорить, заполнять пустоту. Оба были расслаблены и счастливы, что снова вместе. Чуть погодя Натали сказала:

– Надо, наверно, вернуться. Если мы не вернемся, это будет выглядеть странно.

– Вы правы.

Они вышли из кабинета и двинулись по коридору. Вернувшись туда, где проходил праздник, они, к своему удивлению, никого не нашли. Было пусто и чисто, все кончилось. Оба недоумевали: сколько же времени они просидели в кабинете?

Вернувшись домой, Натали уселась на тахту и открыла пакетик. Там лежала фигурка, дозатор ПЕЦ. Она не могла опомниться: ведь во Франции их нигде нет. Ее глубоко тронул этот жест. Она снова надела пальто и вышла на улицу. Махнула рукой, остановила такси – и этот жест вдруг показался ей совсем простым.

72

Статья из Википедии, посвященная ПЕЦ

PEZ (по-русски ПЕЦ) – конфеты, состоящие из механического дозатора-игрушки и собственно конфет-пастилок, пользующиеся популярностью во всем мире. Впервые были произведены в Австрии в 1927 году. Бренд принадлежит компании *Ed. Haas International*. Пастилки имеют форму скругленного прямоугольника, однородны по массе, имеют различный вкус. Красители в классических конфетах ПЕЦ не используются. Классическая игрушка содержит 12 пастилок.

73

Перед дверью она с минуту постояла, колеблясь. Сейчас так поздно. Но раз уж она доехала сюда, нелепо было бы развернуться и уйти. Она позвонила, раз, потом второй. Никакого ответа. Она стала стучать. Вскоре за дверью послышались шаги.

– Кто там? – раздался встревоженный голос.

– Это я.

Дверь открылась, и Натали предстала странная картина. Было от чего смутиться: волосы у отца стояли дыбом, глаза блуждали. Он выглядел пришибленным, как будто у него что-то украли. В конечном счете, наверно, так и было: у него только что украли сон.

– Что ты тут делаешь? Что-то случилось?

– Нет... все в порядке... мне хотелось тебя видеть.

– В такой-то час?

– Да, это срочно.

Натали вошла в квартиру родителей.

– Мать спит, ты же ее знаешь. Пусть хоть мир перевернется, она все равно будет спать.

– Я знала, что проснешься ты.

– Хочешь чего-нибудь выпить? Травяного чаю?

Натали кивнула, и отец удалился на кухню. В их отношениях было что-то умиротворяющее. Удивление прошло, и отец был спокоен, как всегда. Чувствовалось, что он сейчас все устроит. И все же сейчас, ночью, у Натали мелькнула мысль, что он постарел. Она поняла это просто по тому, что он ходил в тапочках. Она сказала себе: человека подняли среди ночи, но он находит время надеть тапочки, прежде чем пойти взглянуть, в чем дело. Такая трогательная забота о своих ногах. Он вернулся в гостиную.

– Ну так что стряслось? Что такое срочное и неотложное?

– Я хотела показать тебе вот это.

Она вынула из кармана ПЕЦ, и ее волнение сразу передалось отцу. Эта штучка вернула их в одно и то же лето. Его дочери вдруг стало восемь лет. Она подошла к отцу и тихо, деликатно положила голову ему на плечо. ПЕЦ – это была вся нежность прошлого и все то, что они растеряли с годами, не разом, а постепенно, незаметно. ПЕЦ – это время до

несчастья, время, когда ее слабость сводилась к разбитой коленке. ПЕЦ – это ее мысль об отце, человеке, к которому она в детстве так любила бежать и, прыгнув к нему на шею, всем телом прижавшись к нему, могла думать о будущем с бешеной уверенностью. Оба в изумлении рассматривали ПЕЦ, вобравший в себя все оттенки их жизни, ничтожную, смехотворную, но такую трогательную вещичку.

И тогда Натали заплакала. Заплакала по-настоящему. Слезами страдания, которые всегда сдерживала перед отцом. Сама не зная почему, она никогда не позволяла себе распускаться перед ним. Может, потому, что была единственной дочерью? Может, потому, что ей приходилось играть и роль мальчика? Того, кто не плачет. Но она была ребенком, маленькой девочкой, которая потеряла мужа. И теперь, после стольких лет, ощутив давно выветрившуюся атмосферу ПЕЦ, расплакалась в объятиях отца. Позволила себе отдаться горю в надежде на утешение.

74

Наутро Натали пришла в офис полубольная. В итоге она заночевала у родителей. На рассвете, как раз перед тем как проснулась мать, заехала домой. Как будто вернулись бессонные ночи юности, ночи, когда она могла веселиться до утра, переодеться и отправиться прямо на лекции. Она вновь ощущала этот телесный парадокс: предельная усталость не дает уснуть. Она зашла к Маркусу и с удивлением обнаружила, что у него точно такой же вид, как накануне. Какая-то спокойная сила самотождественности. Эта мысль успокоила ее и даже принесла облегчение.

– Я хотела сказать вам спасибо... за подарок.

– Не за что.

– Можно пригласить вас вечером на бокал вина?

Маркус кивнул и подумал: «Я в нее влюблен, а встретиться всегда предлагает она». А главное, он подумал, что не надо больше бояться, что он был смешон, когда дал задний ход, когда защищался. Никогда нельзя избегать потенциальной боли. И опять он продолжал размышлять и даже отвечать ей, хотя она уже несколько минут как ушла. Он по-прежнему думал, что все это может привести его к страданию, к разочарованию, к самому ужасающему эмоциональному тупику. И все-таки ему хотелось пойти. Хотелось пуститься в неизвестном направлении. Нет никакой трагедии. Он знал, что между островом страдания, островом забвения и еще более далеким островом надежды курсируют катера.

Натали предложила встретиться прямо в кафе. После их вчерашнего бегства лучше было держаться потише. К тому же она не забыла расспросов Хлои. Он согласился, пусть даже в глубине души готов был устроить пресс-конференцию по поводу каждого своего свидания с Натали. Он пришел первым и решил сесть на самом видном месте. В стратегическом пункте, чтобы сцена появления красивой женщины, с которой он встречается, не ускользнула ни от чьего внимания. Это был важный поступок, его никак нельзя было считать пустячным. Он ни в коей мере не был продиктован мужским тщеславием. В нем следовало видеть нечто иное, куда более важное: в этом поступке впервые нашло воплощение приятие им самого себя.

Впервые за очень долгое время он, выходя утром из дому, забыл взять с собой книгу. Натали сказала, что придет сразу, как только сможет, но не исключено, что ожидание слегка затянется. Маркус встал, взял бесплатную газету и погрузился в чтение. И довольно быстро увлекся одной заметкой. В самый разгар погружения в отдел хроники появилась Натали:

– Как дела? Я не помешала?

– Нет, конечно же нет.

– У вас был такой сосредоточенный вид.

– Да, я читал одну заметку... о подпольной торговле моццареллой.

И тут Натали покатила со смеху, залилась тем сумасшедшим хохотом, какой бывает от сильной усталости. Она не могла остановиться. Маркус сообразил, что это, наверно, прозвучало забавно, и тоже засмеялся. Дурь – штука заразная. Он-то просто ответил, без всякой задней мысли. А она теперь умирала со смеху. Для Маркуса это было совершенно безумное зрелище. Как будто перед ним вдруг оказалась рыба с ногами (у каждого свои метафоры). На протяжении многих лет, сотен собраний и совещаний он всегда видел серьезную женщину, мягкую, да, но неизменно серьезную. Конечно, он видел, как она улыбается, ему даже удавалось ее рассмешить, но чтобы настолько – никогда. Так она смеялась первый раз. Для нее тут сошлось все: эта минута была в чистом виде оправданием того, почему ей нравится быть с Маркусом. Мужчина сидит в кафе, встречает вас широчайшей улыбкой и на полном серьезе сообщает, что читает заметку о подпольной торговле моццареллой.

75

Статья из газеты «Метро», озаглавленная «Пресечена подпольная торговля моццареллой»

За два последних дня в ходе операции по пресечению подпольной торговли моццареллой «превосходного качества» в Бондуфле (департамент Эсон) были арестованы пять человек. Как заявил Пьер Шушкофф, майор жандармерии Эври, возглавлявший расследование, «за два года через склад прошло около 60–70 поддонов, то есть примерно 30 тонн»; сыр перепродавался по всему департаменту и даже в Вильжюифе (департамент Валь-де-Марн). Объемы торговли отнюдь не пустяковые: нанесенный ущерб оценивается в 280 000 евро. Расследование, начатое после жалобы, поданной компанией STEF¹⁶ в июне 2008 г., позволило выявить канал распространения; в деле оказались замешаны, в частности, двое управляющих пиццериями, одна из которых, расположенная в Палезо, служила перевалочным пунктом. Остается выяснить, кто руководил этой незаконной торговлей и куда шла выручка от проданной моццареллы.

В. М.

76

По ходу всякого любовного романа алкоголь появляется в двух полярных точках сюжета: когда двое открывают друг друга и нужно рассказать о себе и когда им больше нечего друг другу сказать. Сейчас они находились на первом этапе. Когда не замечают времени, когда переписывают свою историю, в частности, сцену поцелуя. Натали думала, что этот поцелуй был продиктован случайным импульсом. А может, нет? Может, случайности не существует. Может, все это лишь прорыв бессознательного, интуитивное прозрение. Впечатление, что ей будет хорошо с этим человеком. От этой мысли она становилась счастливой, потом серьезной, потом опять счастливой. Бесконечное путешествие из радости в печаль. И теперь это путешествие вело их на улицу. На холод. Натали неважно себя чувствовала. Простыла накануне, разъезжая ночью взад-вперед. Куда они шли? Намечалась долгая прогулка: оба еще не осмеливаются отправиться к другому домой, но, главное, не хотят расставаться. Застревают в ощущении, что еще ничего не решено. А ночью это ощущение еще сильнее.

¹⁶ STEF – компания рефрижераторных грузоперевозок. (Прим. перев.)

- Можно вас поцеловать? – спросил он.
- Не знаю... у меня из носу течет.
- Это не важно. Я готов болеть вместе с вами. Можно вас поцеловать?

Натали так понравилось, что он спрашивает разрешения. В этом тоже была деликатность. Каждый миг, проведенный с ним, был необычным. Могла ли она вообразить, что после всего пережитого снова будет кем-то восхищаться? В этом человеке было что-то уникальное.

Она согласно кивнула головой.

77

Диалог из фильма «Знаменитость» Вуди Аллена, подсказавший Маркусу ответ

Шарлиз Терон. Ты не боишься заразиться? У меня насморк.

Кеннет Брана. От тебя я подцепил бы даже неоперабельный рак.

78

Вечера могут быть невероятными, ночи – незабываемыми, и все равно после них настает самое обычное утро. Натали ждала лифта, чтобы подняться к себе в кабинет. Она терпеть не могла стоять с кем-нибудь бок о бок в этом чуланчике, когда надо улыбаться и обмениваться любезностями, поэтому всегда старалась дожидаться пустого транспорта. Она любила этот подъем к новому дню, эти несколько секунд в клетке, превращающей нас в муравьев в подземном ходе муравейника. Выйдя из лифта, она нос к носу столкнулась с шефом. Не фигурально: они действительно налетели друг на друга.

– Удивительно... я как раз сейчас подумал, что мы редко видимся... и хоп! встречаю тебя. Если б я знал, что обладаю такими способностями, я бы чего-нибудь еще пожелал...

– Очень умно.

– Если серьезно, мне надо с тобой поговорить. Можешь зайти ко мне сейчас?

В последнее время Натали почти забыла о существовании Шарля. Он был как старый номер телефона, как вещь, не имеющая отношения к сегодняшнему дню. Как пневматическая почта. Ей было странно, что она должна снова войти к нему в кабинет. Сколько уже времени она туда не заходила? Она не помнила точно. Прошное начинало деформироваться, растворяться в колебаниях, покрываться пятнами забвения. И это было счастливым доказательством того, что настоящее вступало в свои права. Утром она не пошла, потом все-таки решилась.

79

Примеры телефонных номеров прошлого века

- Одеон 32–40
- Пасси 22–12
- Клиши 12–14.

80

Натали вошла в кабинет Шарля. Она сразу заметила, что ставни открыты не так широко, как обычно: в этом было что-то вроде попытки погрузить это утро в темноту.

– И правда, я действительно давно тут не была, – произнесла она на ходу.
– Да, давно...
– Ты, наверно, с тех пор прочитал целую кучу слов из «Ларусса»...
– А, это... нет. Я прекратил. Надоели мне определения. Вот честно, ты можешь мне сказать, зачем нужно знать значения слов?
– Ты за этим хотел меня видеть?
– Нет... нет... мы же все время пересекаемся... и я просто хотел знать, как у тебя дела... как все идет на данный момент...

Последние слова он произнес, почти заикаясь. Перед этой женщиной его поезд сходил с рельсов. Он не понимал, почему она на него так действует. Конечно, она была красива, конечно, ее манера держаться казалась ему несравненной, но все-таки: неужели этого достаточно? Он был мужчиной, облеченным властью, и рыжие секретарши иногда хихикали у него за спиной. Он мог иметь сколько угодно женщин, мог устраивать приемы в пятизвездочных отелях. Тогда что? Сказать было нечего. Он слепо подчинился тирании первого впечатления. Ничего другого тут быть не могло. Только тот миг, когда он увидел ее лицо на резюме и сказал себе: я хочу провести собеседование сам. И появилась она, юная новобрачная, бледная и неуверенная, а через несколько секунд он предложил ей криспроллы. Может, он влюбился в фотографию? Что может быть изнурительнее, чем когда все чувства подчинены диктату застывшей красоты? Он не сводил с нее глаз. Она не стала садиться. Расхаживала по кабинету, трогала вещи, чему-то улыбалась: воплощение неистовой женственности. В конце концов она обогнула стол и встала у него за спиной:

– Что... что ты делаешь?
– Смотрю на тебя сзади.
– Но зачем?
– Смотрю сзади на твою голову. Потому что чувствую, что у тебя есть задняя мысль.

Только этого еще не хватало: у нее есть чувство юмора. Шарль совсем перестал владеть ситуацией. Она стояла позади него, полная веселого любопытства. Первый раз прошлое казалось ей действительно прошлым. Он был на переднем крае, когда у нее настали черные дни. Он ночи напролет думал, как бы она не покончила с собой, а теперь вот она стояла позади него, живая как никогда, даже чересчур.

– Ладно, сядь, пожалуйста, – спокойно сказал он.
– Хорошо.
– Ты выглядишь счастливой. Тебе это идет.

Натали промолчала. Она очень надеялась, что он пригласил ее не ради того, чтобы снова объясняться в любви. Он продолжал:

– Ты ничего не хочешь мне сказать?
– Нет, ведь это ты хотел меня видеть.
– В твоей группе все хорошо?
– Да, по-моему. Вообще-то ты это знаешь не хуже меня. У тебя есть все цифры.
– А с... Маркусом?

Значит, вот такая была задняя мысль. Он хотел поговорить о Маркусе. Как ей это сразу не пришло в голову?

– Мне сказали, ты часто с ним ужинаешь.
– Кто тебе сказал?
– Здесь все всё знают.
– И что? Это моя частная жизнь. Какое тебе до нее дело?

Натали резко осеклась. Тональность ее лица изменилась. Она смерила взглядом Шарля – жалкого, стерегущего каждое ее слово, выжидающего объяснения, полного отчаянной надежды, что она все опровергнет. Она долго смотрела на него и не знала, что делать. В конце концов решила уйти из его кабинета, не говоря ни слова. Оставив шефа в

неуверенности, в самой настоящей фрустрации. Она не выносила пересудов, разговоров за спиной. Она ненавидела весь этот букет: задние мысли, разговоры за спиной, удары в спину. Особенно ее разозлила фраза «Здесь все всё знают». И теперь, вспоминая их разговор, она могла подтвердить: да, она почувствовала что-то в глазах окружающих. Наверно, кто-нибудь видел их в ресторане или просто что они вместе уходят с работы, – и вот уже вся фирма забурлила. Почему она разозлилась? Она сухо ответила, что это ее частная жизнь. Она прекраснейшим образом могла сказать Шарлю: «Да, этот человек мне нравится». Со всей твердостью. Впрочем, нет, ей не хотелось наклеивать на ситуацию словесный ярлык, а уж о том, чтобы кто-то заставил ее это сделать, и речи быть не могло. По дороге к себе в кабинет она встречала коллег – и убеждалась, что произошла перемена. Сочувствие и симпатию во взглядах постепенно вымывало что-то другое. Но она пока и представить себе не могла, что скоро произойдет.

81

Дата выхода в свет фильма Клода Лелуша «Человек, который мне нравится» с Жан-Полем Бельмондо и Анни Жирардо

3 декабря 1969 г.

82

После ухода Натали Шарль долго сидел неподвижно. Он прекрасно знал, что провалил этот разговор. Он был неловок. А главное, оказался не способен ей сказать, что чувствует на самом деле: «Да, мне есть до этого дело. Ты не захотела встречаться со мной. Потому что больше не хотела быть с мужчиной. Так что да, я имею право знать, что ты чувствуешь. Я имею право знать, что тебе нравится в нем и что не нравится во мне. Ты прекрасно знаешь, как сильно я тебя любил, как мне было тяжело. Поэтому ты должна мне объяснить, это все, о чем я тебя прошу». Примерно это он хотел бы сказать. Но так уж выходит: в наших любовных разговорах мы всегда опаздываем на пять минут.

Сегодня он не мог работать. После того, как они с Натали расставили все точки над «i», после того вечера, когда было столько ничьих в матчах футбольного чемпионата, он смирился. По прихоти чувственного механизма это даже странным образом изменило его жизнь: он возобновил отношения с женой. Несколько недель они постоянно занимались любовью, их тела вновь обретали друг друга. Можно даже сказать, что у них настал бесподобный период. Иногда вновь обрести любовь – куда более сильное ощущение, чем просто ее найти. А потом агония снова медленно пошла своим чередом, словно в насмешку: как они могли подумать, что снова любят друг друга? Это была просто передышка, приступ отчаяния, прикинувшийся лирическим отступлением, ложбинка между двумя горами пафоса.

Шарль чувствовал себя усталым и дряхлым. Ему осточертела Швеция и шведы. Его бесила их привычка всегда сохранять спокойствие. Никогда не кричать по телефону. Их буддистская безмятежность и манера предлагать служащим массаж. Все это благолепие начинало действовать ему на нервы. Ему не хватало средиземноморской истерии, иногда он мечтал вести дела с торговцами коврами. Именно в этот контекст он поместил информацию о частной жизни Натали. С тех пор он постоянно думал об этом человеке, об этом Маркусе. Как он, имея настолько дурацкое имя, сумел обольстить Натали? Ему не хотелось в это верить. По собственному опыту он знал, что ее сердце – вроде миража: стоит приблизиться к этому оазису, и он исчезнет. Но тут другое дело. Она так вскинулась, что, похоже, слухи пошли не зря. О нет, это невозможно. Он этого не перенесет. «Как он смог?» – без конца твердил Шарль. Наверняка этот швед ее околдовал или что-то вроде. Усыпил,

загипнотизировал, заставил выпить любовное зелье. Не иначе. Он ее не узнавал. Да, наверно, как раз это и задело его больше всего: она уже не была его Натали. Что-то в ней стало другим. Настоящее изменение. Так что он видел для себя только один выход: вызвать этого Маркуса и посмотреть, что у него там, внутри. Чтобы понять его секрет.

83

Количество языков, включая шведский, на которых можно прочесть «Изменение» Мишеля Бютора (премия Ренодо, 1957)

20.

84

Маркус был воспитан в представлении, что ни в коем случае нельзя привлекать к себе излишнее внимание. Что, где бы ты ни был, надо вести себя тихо и скромно. Жизнь должна быть ровной, как коридор. Так что, узнав, что его вызывают к директору, он, разумеется, впал в панику. Он мог сколько угодно быть мужчиной, обладать чувством юмора и чувством ответственности, на него можно было положиться, но едва речь заходила о начальстве, он как будто опять становился ребенком. Он весь бурлил, пузыри вопросов всплывали отовсюду: «Зачем он хочет меня видеть? Что я сделал? Может, я плохо провел переговоры по страховкам в деле номер 114? Может, я слишком часто ходил к зубному в последнее время?» Чувство вины осаждало его со всех сторон. И быть может, в этом и состояла настоящая природа его личности. В абсурдном, вечно нависающем над ним ощущении грядущей кары.

Он постучал, как всегда, на свой лад, двумя пальцами. Шарль сказал «войдите».

– Здравствуйте, я пришел... как вы меня...

– Мне сейчас некогда... у меня назначена встреча.

– А, хорошо.

– ...

– Ладно, ухожу. Я зайду попозже.

Шарль отвалил этого служащего – некогда ему было кого-то принимать. Он ждал пресловутого Маркуса, и ему даже в голову не могло прийти, что он только что его видел. Мало того что этот негодяй подцепил сердце Натали, он еще имеет наглость не появляться, когда его вызывают. Что это еще за бунтарь? Это ему с рук не сойдет. За кого он себя принимает? Шарль позвонил секретарше:

– Я просил некоего Маркуса Лунделла зайти ко мне, а его до сих пор нет. Вы можете узнать, в чем дело?

– Вы же сами попросили его уйти.

– Нет, он не приходил.

– Приходил. Я сама видела, как он вышел из вашего кабинета.

У Шарля помутилось в голове: все его тело словно внезапно продуло ветром. Северным ветром, конечно. Он чуть не потерял сознание. Попросил секретаршу вернуть Маркуса. Тот едва успел сесть на свой стул, как ему снова пришлось вставать. Он спросил себя, уж не решил ли шеф поиздеваться над ним. Может, он раздражен на шведских акционеров и вымещает свою злость на служащем шведского происхождения? Маркус не желал бегать взад-вперед, как йо-йо. Если так будет продолжаться, он и в самом деле поддастся на уговоры Жан-Пьера, синдикалиста со второго этажа.

Он снова вошел в кабинет Шарля. Тот сидел с набитым ртом. Жевал криспролл, пытаясь успокоиться. Люди часто пытаются расслабиться с помощью вещей, которые их бесят. Он весь дрожал, ерзал, ронял крошки изо рта. Маркус был изумлен. Как такой человек

может руководить фирмой? Но Шарль был изумлен еще больше. Как такой человек может руководить сердцем Натали? Из двух их изумлений родилась зависшая пауза: никто не мог себе представить, что сейчас произойдет. Маркус не знал, чего ему ждать. А Шарль не знал, что ему сказать. Прежде всего, он был в шоке: «Но как это возможно? Он же противный... какой-то бесформенный... кисель, сразу видно, что кисель... ах нет, это невозможно... еще и смотрит как-то искоса... ах нет, какой кошмар... ну совершенно не для Натали... даже рядом не стояло, нет, нет... это просто отвратительно... и речи быть не может о том, чтобы он по-прежнему вертелся вокруг нее... не может быть и речи... я его отправлю обратно в Швецию... да, точно... небольшой такой перевод по службе... прямо с завтрашнего дня переведу!»

Шарль мог жевать эту жвачку еще долго. Он просто утратил дар речи. Но, в конце концов, он велел ему прийти, значит, надо что-то сказать. Чтобы выиграть время, он предложил:

– Хотите криспролл?

– Нет, благодарю покорно. Я уехал из Швеции, чтобы больше не есть эти хлебцы... Не начинать же мне здесь.

– Ах... ха... очень остроумно... ха... хи!

Шарль зашелся хохотом. У этого придурка есть чувство юмора. Но какой придурок... хуже нет таких вот: рожа депрессивная, и вдруг – юмор... не ждешь ничего похожего, а тут раз – и шутка... Наверняка именно в этом его секрет. Шарль всегда знал, что это его слабое место: он слишком редко смешил женщин в своей жизни. Вспоминая свою жену, он даже начал подозревать за собой способность превращать их в зануд. В самом деле, Лоранс не смеялась уже два года, три месяца и семнадцать дней. Он это помнил, потому что отметил у себя в настольном календаре, почти как отмечают лунные затмения: «Сегодня – смех жены». Все, хватит уже отвлекаться. Надо говорить. Чего он боится, в конце концов? Он тут шеф. Именно он решает, сколько будут стоять талоны в столовую, это вам не шубу в трусы заправлять. Нет, в самом деле, надо взять себя в руки. Но как говорить с этим человеком? Как смотреть ему в лицо? Да, ему противно, что тот мог прикасаться к Натали. Прижиматься губами к ее губам. Какое святотатство, какое кощунство! О, Натали. Он всегда любил Натали, это очевидно. Наши страсти никогда не кончаются. Он думал, что легко сможет ее забыть. Но нет, прежнее чувство лишь впало в зимнюю спячку и теперь пробуждалось опять, причем в самом своем циничном виде.

Он видел и еще одно решение, более радикальное, чем перевод: уволить его. Наверняка тот допустил какую-нибудь ошибку по работе. Всякий может допустить ошибку. Но вообще-то он не всякий. Доказательство: он встречается с Натали. Быть может, это образцовый служащий, один из тех, кто с улыбкой остается на сверхурочные, один из тех, кто никогда не требует повышения зарплаты, – в общем, один из самых тяжелых случаев. Может, этот гений даже не член профсоюза.

– Вы хотели меня видеть? – напомнил о себе Маркус, прерывая долгую череду минут, которые изумленный Шарль просидел в прокрации.

– Да... да... сейчас обдумаю одну вещь и буду целиком в вашем распоряжении.

Нельзя вот так заставлять его ждать. Почему нельзя, можно: он его оставит тут на целый день, просто чтобы посмотреть на его реакцию. Но для него это не проблема. Вот ведь, если подумать, что может быть неудобнее, чем сидеть напротив человека, который с вами не разговаривает. Тем более если этот человек – начальник. Любой другой служащий стал бы проявлять беспокойство, быть может, слегка бы вспотел, сделал какой-нибудь жест, положил ногу на ногу, вытянул ноги... А тут – ничего похожего. Маркус просидел все десять, а может, пятнадцать минут неподвижно. Совершенно стоически. Это просто неслыханно, опять же если подумать. Этот человек, бесспорно, наделен большой духовной силой.

Маркус же в эту минуту был попросту парализован весьма неудобным чувством неуверенности. Он не понимал, что происходит. За долгие годы работы он ни разу не видел шефа, а теперь тот вызывает его и с головой окунает в молчание. Оба они, сами того не зная, являли друг другу образ силы. Шарль должен был заговорить первым, но ничего не подделаешь – его слова были за семью печатями. Он, как загипнотизированный, смотрел Маркусу прямо в глаза. Поначалу он думал избавиться от него, но теперь в нем зрела другая идея. Параллельно с агрессией в нем явно нарождалось какое-то неодолимое влечение. Ему надо не отталкивать его, а увидеть в деле. Он наконец заговорил:

– Простите, что заставил вас ждать. Просто я люблю не спеша взвесить свои слова, когда с кем-то говорю. Особенно когда нужно сообщить то, что я собираюсь вам сказать.

– ...

– Так вот, до меня дошли сведения о том, как вы ведете дело номер 114. Знаете, от меня ничто не ускользнет. Мне все известно. И, должен сказать, я просто счастлив, что вы наш сотрудник. И в Швеции тоже, я им про вас говорил, они гордятся, что их соотечественник добился столь выдающихся результатов.

– Спасибо...

– Нет, это я должен сказать вам спасибо. Чувствуется, что вы – лидер, движущая сила нашей фирмы. Впрочем, мне бы хотелось лично выразить вам благодарность. На мой взгляд, я недостаточно времени уделяю лучшим сотрудникам компании. Я бы с большим удовольствием познакомился с вами поближе. Может, нам сегодня поужинать вместе, а? Как вы к этому отнесетесь, а? А, это было бы неплохо, или как?

– Э-э... Хорошо.

– Вот и замечательно, я так рад! И потом, в жизни есть не только работа... мы сможем поговорить о куче разных вещей. Я считаю, что иногда полезно ломать барьер между начальниками и подчиненными.

– Ну если вам так хочется...

– Вот и договорились, до вечера... Маркус! Хорошего вам дня... и да здравствует работа!

Маркус вышел из кабинета, изумленный, как солнце во время затмения.

85

Количество упаковок криспролов, проданных в 2002 году

22,5 миллиона.

86

Слух облетел всю фирму: у Маркуса и Натали любовная связь. На самом деле: они целовались всего три раза. Фантазм: она беременна. Да, люди несколько преувеличивали. Чтобы рассчитать масштабы сплетни, достаточно узнать выручку кофейных автоматов. Сегодня ей предстояло достичь исторического уровня. Натали в компании знали все, но никто толком не знал, кто такой Маркус. Он был вроде тайного звена в цепи, белой нитки в одежде. Возвращаясь к себе в кабинет, слегка ошарашенный пережитым потрясением, он почувствовал устремленные на него взгляды. Он не понимал почему. Зашел в туалет, проверил складки пиджака, волосы, чистоту зубов, цвет лица. Придаться не к чему, все на месте.

В течение дня внимание к нему нарастало. Многие коллеги под разными предлогами заглядывали к нему. Задавали вопросы, ошибались дверью. Возможно, все это было делом случая. Бывают такие дни, особенно богатые событиями, непонятно почему. Влияние луны – сказала бы его шведская тетушка, знаменитая в Норвегии гадалка на картах. По сути, на

работу у него не оставалось времени: его постоянно отвлекали. Это было уже слишком: он ничего не сделал в тот самый день, когда его поблагодарил шеф. Наверно, ему мешало еще и это. Не так-то легко пережить, когда вас вдруг хвалят, если вы за всю жизнь отроду не были в первых рядах и никто толком не замечал, чем вы занимаетесь. А потом, была еще Натали. По-прежнему жила в нем. Занимала все больше места. Их последнее свидание внушило ему огромное доверие. Жизнь начинала принимать странный оборот, мягко и спокойно удаляясь от страхов и неуверенности.

Натали тоже почувствовала возбуждение вокруг своей особы. Сначала это было лишь смутное ощущение, но потом Хлоя, не любившая ходить вокруг да около, рискнула спросить:

– Можно задать вам вопрос?

– Да.

– Все говорят, что у вас роман с Маркусом. Это правда?

– Я вам уже говорила: это вас не касается.

На этот раз Натали действительно разозлилась. Казалось, все, что ей нравилось в этой девушке, вдруг исчезло. Теперь она не видела в ней ничего, кроме низменного назойливого любопытства. Она и так была шокирована поведением Шарля, а теперь, здравствуйте, и эта туда же. С чего они все так всполошились? Хлоя пролепетала, увязая еще глубже:

– Просто я себе не представляю, как вы...

– Довольно. Можете идти. – Натали повысила голос.

Она инстинктивно почувствовала, что чем больше все будут осуждать Маркуса, тем ближе он ей станет. Что это еще прочнее связывало их в мире, далеком от чужого непонимания. Выходя из кабинета, Хлоя обругала себя душой. Ей так хотелось состоять в особых отношениях с Натали, а она взялась за дело как полная идиотка. Но ведь она и правда в шоке. И имеет право высказаться, разве нет? К тому же она не одинока. В самой мысли об их связи было что-то несуразное. Она не то чтобы не любила Маркуса и даже не считала его противным, просто не могла его себе представить с женщиной. Она всегда смотрела на него как на НЛЮ из мира мужчин. Зато Натали в ее глазах всегда была чем-то вроде идеала женственности. Поэтому их союз сбивал ее с толку и заставлял реагировать непроизвольно. Она прекрасно знала, что вела себя неделикатно, но когда ее со всех сторон стали расспрашивать: «Ну? Ну как? Ты что-нибудь узнала?», она почувствовала, что в ее особом положении есть своя ценность. И что если Натали ее отвергла, то это, быть может, привлечет к ней симпатии других.

87

Предлоги, под которыми служащие фирмы заглядывали к Маркусу

• Я хотел летом съездить с женой в отпуск в Швецию. Ты можешь мне что-нибудь посоветовать?

• У тебя ластика не найдется?

• О, простите. Я ошибся кабинетом.

• Ты все еще сидишь на 114-м?

• У тебя интранет пашет?

• Слушай, что это за бредовая история с твоим соотечественником: умер, так и не узнав, какой успех имела его трилогия!¹⁷

88

¹⁷ Речь идет об авторе культового блокбастера «Миллениум» Стиге Ларссоне (ум. в 2004 г.). (Прим. перев.)

Во второй половине дня Натали и Маркус встретились на крыше, чтобы передохнуть. Это место стало их убежищем, их подпольем. Едва обменявшись взглядами, оба поняли, что происходит что-то необычное. Что они навлекли на себя всеобщее любопытство. Они стали смеяться над этим идиотизмом и крепко обнялись: лучший в мире способ создать тишину. Натали шепнула, что хочет с ним вечером встретиться и даже хотела бы, чтобы вечер настал уже сейчас. Это было прекрасно, нежно, неожиданно сильно. Маркус смущенно объяснил, что вечер у него занят. Жестокое уравнение: ему уже казалась бессмысленной каждая секунда без Натали, но он никак не мог отменить ужин с шефом. Натали удивилась и не решилась спросить, что у него за дело. А главное, с удивлением почувствовала, что внезапно снова оказалась в слабой позиции – в позиции ожидания. Маркус объяснил, что ужинает с Шарлем.

– Сегодня? Он пригласил тебя на ужин?

В этот миг она не знала, смеяться ей или злиться. Шарль не имел права ужинать с членом ее группы, даже не поставив ее в известность. Она сразу поняла, что к работе это не имеет никакого отношения. До сих пор Маркус, в сущности, и не пытался разобраться в мотивах неожиданного поступка патрона. В конце концов, это вполне правдоподобно: он действительно хорошо вел дело номер 114.

– Он тебе сказал, почему хочет с тобой поужинать?

– Э-э... да... он хотел меня поблагодарить...

– Тебе это не кажется странным? Ты можешь себе представить, чтобы он ужинал с каждым подчиненным, которого хочет поблагодарить?

– Знаешь, по-моему, он настолько странный, что мне в нем ничто не кажется странным.

– Это точно. Ты прав.

Натали страшно нравилось, как Маркус воспринимает окружающее. Это могло показаться наивностью – но нет. В нем была какая-то детская мягкость, способность принимать любые ситуации, в том числе самые невероятные. Он подошел и поцеловал ее. Это был их четвертый поцелуй, самый естественный. В начале любовных отношений каждый поцелуй можно чуть ли не анализировать. Все встает на свое особое, отдельное место в памяти, которая медленно сползает в путаницу повторения. Натали решила ничего не говорить про Шарля и его гротескные побуждения. Маркус наверняка сам поймет, что кроется за этим ужином.

89

Маркус заскочил домой переодеться: встреча с шефом была назначена только на 9 вечера. По обыкновению, долго колебался, какой пиджак выбрать. И остановился на самом рабочем. Самом серьезном, чтобы не сказать нудном. В нем он выглядел как гробовщик в отпуске. Когда он снова сел в скоростное метро, там что-то случилось. Пассажиры уже начинали волноваться. Им не хватало информации. Что там – пожар? Попытка самоубийства? Никто толком не знал. Вагон, в котором сидел Маркус, охватила паника, а он думал прежде всего о том, что заставит патрона ждать. Так и получилось. Шарль уже минут десять сидел за столиком перед бокалом красного вина. Он нервничал, и даже сильно нервничал, потому что никто и никогда не заставлял его столько ждать. И уж тем более служащий, о чьем существовании он до сегодняшнего утра вообще не подозревал. Но к его раздражению уже примешивалось другое чувство. То же, что он испытал утром, но на сей раз, возвращаясь, оно стало еще сильнее. Что-то вроде неодолимого влечения. Этот человек и вправду был способен на все. Кто еще осмелился бы опоздать на подобную встречу? Кто еще способен так не уважать власть? Больше возразить было нечего. Этот человек достоин Натали. Неоспоримо. Математически. Химически.

Иногда, опаздывая, мы говорим себе, что бежать бесполезно. Говорим себе, что

полчаса или тридцать пять минут – совершенно одно и то же. Так что лучше чуть-чуть продлить ожидание другого, чем появляться перед ним обливаясь потом. Именно так и решил Маркус. Он не хотел представать перед шефом багровым и запыхавшимся. Он знал: стоит ему чуть-чуть пробежаться, и он уже похож на новорожденного. Так что из метро он вышел в ужасе, что настолько опоздал (и не смог предупредить и извиниться, потому что у него не было номера мобильного шефа), но шагом. Так он и прибыл на ужин – практически на час позже назначенного времени, спокойный, очень спокойный. Черный пиджак подчеркивал эффект от его появления, придавал ему чуть ли не похоронный вид. Почти как в триллерах, где герои всегда молча возникают из сумерек. Шарль за время ожидания почти прикончил бутылку красного вина. И пребывал в романтическом, ностальгическом настроении. Даже не стал слушать оправданий Маркуса по поводу метро. В его появлении воплотилась вся красота и милосердие мира.

И вечер поплыл дальше на борту этого первого триумфального впечатления.

90

Бернар Блие о Пьере Ришаре в «Высоком блондине в черном ботинке»

Он сильный. Он очень сильный.

91

На протяжении всего ужина Маркус не переставал поражаться поведению Шарля. Тот лепетал, лопотал, заикался. Не мог закончить ни одну фразу. Вдруг начинал хохотать, но ни разу не засмеялся вовремя, когда собеседник пытался его насмешить. В нем словно случился сдвиг во времени. В какой-то момент Маркус осмелился спросить:

– Вы хорошо себя чувствуете?

– Хорошо? Я? Знаете, со вчерашнего дня я прекрасно себя чувствую. Особенно сейчас.

Несообразность этого ответа только усилила ощущение Маркуса. Шарль не совсем сошел с ума. Во время редких прозрений он прекрасно сознавал, что слетел с катушек. Но ему не удавалось взять себя в руки. Его замкнуло. Швед, сидящий напротив, устроил короткое замыкание в его жизни, в его системе. Он изо всех сил старался вернуться к реальности. Маркус с его незавидным прошлым был недалеко от мысли, что этот ужин – самый нудный в его жизни. А это что-нибудь да значило. И все-таки он не мог совладать с нарастающим сочувствием, желанием помочь этому блуждавшему в трех соснах человеку.

– Я могу что-нибудь для вас сделать?

– Да, безусловно, Маркус... я подумаю, это очень мило. Правда, вы такой милый... это сразу видно... по тому, как вы на меня смотрите... вы не осуждаете меня... я все понимаю... теперь я все понимаю...

– Что вы понимаете?

– Ну, понимаю про Натали. Чем дольше я на вас смотрю, тем больше понимаю, чего нет во мне самом.

Маркус поставил бокал. Он уже начал подозревать, что все это могло иметь отношение к Натали. Вопреки ожиданию, первым его чувством было облегчение. Первый раз кто-то заговорил с ним о ней. Именно в этот момент Натали стала высвобождаться из сферы фантазма. Она переходила в реальную часть его жизни.

Шарль продолжал:

– Я люблю ее. Вы знаете, что я ее люблю?

– По-моему, прежде всего вы слишком много выпили.

– Ну и что? Опьянение ничего не меняет. Все мое трезвое сознание при мне, оно вполне реально. Трезвое сознание того, чего во мне нет. Глядя на вас, я сознаю, насколько моя

жизнь не удалась... насколько я все время скользил по поверхности, и все эти вечные компромиссы... вам это покажется диким, но я скажу вам то, чего никогда никому не говорил: я хотел быть художником... да-да, знаю, старая песня... но правда, когда я был маленький, то обожал рисовать кораблики... в этом было все мое счастье... у меня была целая коллекция миниатюр с гондолами... я их рисовал часами... старался быть точным в каждой детали... как бы мне хотелось рисовать, как раньше... жить всю жизнь в этом исступленном покое... а вместо этого я весь день напихиваюсь криспроллами... и эти дни уже не кончаются... они похожи друг на друга, как китайцы... и моя сексуальная жизнь... жена... наконец все это... не хочу даже говорить об этом... сейчас я все это ясно сознаю... я вижу вас, и все это сознаю...

Шарль внезапно прервал свой монолог. Маркусу было неловко. Выслушивать излияния незнакомого человека – занятие довольно двусмысленное, и уж тем более когда речь идет о шефе. Ему ничего не оставалось, как попытаться разрядить атмосферу шуткой:

– И все это вы увидели, глядя на меня? Я в самом деле так на вас действую? За такое-то короткое время...

– И к тому же вы обладаете большим чувством юмора. Нет, правда, вы гений. Был Маркс, был Эйнштейн, а теперь есть вы.

Маркус не нашелся, что ответить на этот несколько слишком смелый вывод. К счастью, рядом с ними вырос официант:

– Вы решили, что будете заказывать?

– Да, я возьму мясо, – сказал Шарль. – С кровью.

– А мне рыбу.

– Прекрасно, господа, – отозвался официант, удаляясь.

Не прошел он и пары метров, как Шарль вернул его:

– Пожалуй, мне то же, что ему. Тоже рыбу.

– Прекрасно, я пометил, – отозвался официант, удаляясь снова.

Помолчав, Шарль признался:

– Я решил делать все как вы.

– Делать все как я?

– Да, вроде как вы мой наставник.

– Знаете, чтобы быть как я, не надо делать ничего особенного.

– Я не согласен. Вот, к примеру, ваш пиджак. По-моему, мне стоило бы иметь такой же. Мне надо одеваться как вы. У вас неповторимый стиль. Все так продуманно; видно, что вы все предусмотрели. В том числе и с женщинами. А, с женщинами тоже, а?

– Ну... да, не знаю. Могу вам его одолжить, если хотите.

– Вот! В этом весь вы: сама любезность. Я говорю, что мне нравится ваш пиджак, и вы в ту же секунду предлагаете его мне одолжить. Это так прекрасно. Я теперь понимаю, что слишком редко одалживал пиджаки. Я всю жизнь был невысказанным эгоистом по части пиджаков.

Маркус понял: все, что он ни скажет, заведомо будет гениально. Человек напротив смотрел на него сквозь фильтр восхищения, чтобы не сказать – преклонения. Шарль продолжал расспросы:

– Расскажите еще что-нибудь о себе.

– Честно говоря, я не слишком часто думаю о том, кто я есть.

– Вот! Именно! Моя проблема в том, что я слишком много думаю. Вечно спрашиваю себя, что обо мне думают другие. Мне следовало бы быть большим стоиком.

– Для этого вам следовало родиться в Швеции.

– А! Очень остроумно! Надо будет вам научить меня быть таким же остроумным. Какая меткость! Пью за ваше здоровье! Вам налить?

– Нет, по-моему, я уже достаточно выпил.

– И какой самоконтроль! Ладно, тут я не буду делать как вы. Разрешаю себе отклонение.

Официант принес две тарелки с рыбой и пожелал им приятного аппетита. Они начали есть. Внезапно Шарль поднял голову от тарелки:

– Я в самом деле идиот. Это все смешно.

– Что?

– Я ненавижу рыбу.

– А...

– И даже хуже того.

– Вот как?

– Да, у меня аллергия на рыбу.

– ...

– Все сказано. Я никогда не смогу быть как вы. Я никогда не смогу быть с Натали. И все из-за рыбы.

92

Что надо знать об аллергии на рыбу

Аллергия на рыбу встречается довольно часто. В нашей стране она занимает четвертую позицию в списке самых распространенных аллергий. Перед людьми, подверженными ей, встает вопрос, является ли аллергеном только какой-то один вид рыбы или же несколько. Практически половина пациентов с аллергической реакцией на один вид рыбы имеют ее и на остальные. Им необходимо провести кожные пробы для выявления перекрестных аллергических реакций, а иногда и провокационные пробы (на данный вид пищи), в случае если кожных тестов недостаточно. Встает также вопрос, являются ли некоторые виды более сильными аллергенами, нежели другие. Чтобы это установить, группа ученых провела сравнение кросс-реактивности на девять видов рыб: пикшу (или свежую треску), лосося, мерланга, макрель, тунца, сельдь, зубатку, палтуса и камбалу. Согласно их выводам, лучше всего переносятся тунец и макрель (принадлежащие к семейству скумбриевых); на втором месте идут плоские рыбы – палтус и камбала. Напротив, треска, лосось, мерланг, сельдь и зубатка вызывают выраженную перекрестную реакцию: иначе говоря, если у вас аллергия на одну из них, то возможность аллергии на другие значительно возрастает.

93

После этого рыбного откровения ужин погрузился в мир тишины. Маркус несколько раз пытался вновь завязать разговор, но тщетно. Шарль ничего не ел и только пил. Они были похожи на престарелых супругов, которым больше нечего сказать друг другу. Которые уходят в некую внутреннюю медитацию. Время проходит очень мило (иногда годами).

На улице Маркусу пришлось поддерживать шефа. Шарль не мог вести машину в таком состоянии. Маркусу не терпелось запихнуть его в такси. И как можно быстрее, чтобы крестная мука этого вечера наконец кончилась. Но, как ни прискорбно, на свежем вечернем воздухе Шарль взбодрился. И сделал новый заход:

– Не бросайте меня, Маркус. Я хочу еще с вами поговорить.

– Но вы уже час вообще ничего не говорите. И потом, вы слишком много выпили, вам лучше поехать домой.

– О, да прекратите вы хоть на минуту быть таким серьезным! Честное слово, вы утомительны! Выпьем по последней, и все. Это приказ!

У Маркуса не оставалось выбора.

Они оказались в заведении, где люди определенного возраста сладострастно трутся друг о друга. Это был не совсем дансинг, но что-то вроде. Усевшись на розовую банкетку,

они заказали по травяному чаю. За их спинами красовалась двусмысленная литография, подобие натюрморту, реальная мертвая натура. Шарль, казалось, слегка успокоился. Кривая снова пошла вниз. Его лицо завлакивала огромная усталость. Он думал о том, сколько лет утекло, вспоминал, как Натали вернулась на работу после своей драмы. Образ этой надломленной женщины неотступно преследовал его. Почему какая-нибудь мелочь, какой-нибудь жест накладывают на нас такой отпечаток, делают ничтожные секунды смыслом целой эпохи? В его воспоминаниях лицо Натали затмевало и работу, и семейную жизнь. Он мог написать целую книгу о коленях Натали, но был не в состоянии запомнить любимого певца собственной дочери. Он тогда на время смирился. Понимал, что она не готова жить чем-то другим. Но в глубине души не переставал надеяться. А сегодня все утратило для него интерес: жизнь была нудной. На него давили со всех сторон. Шведы напряглись из-за финансового кризиса. Исландия едва не обанкротилась, и это здорово ослабило уверенность во многих вещах. Еще он чувствовал, как всюду нарастает ненависть к начальству. При ближайшем социальном конфликте его, как и многих руководителей, наверно, уволят. Да еще его жена... Она его не понимала. Они так часто говорили о деньгах, что, бывало, он путал ее со своими кредиторами. Все это смешивалось в пресный мирок, где даже сама женственность превратилась в пережиток, где ни у кого больше не было времени цокать высокими каблуками. Эта вечная тишина предвещала тишину вечности. Поэтому при мысли о том, что Натали с другим мужчиной, почва уходила у него из-под ног...

Он рассказывал все это очень искренне. Маркус понял, что придется говорить о Натали. Одно женское имя – и ночь кажется бесконечной. Но что он мог о ней сказать? Он ее почти не знал. Он мог бы просто признаться: «Вы ошибаетесь... нельзя, собственно, сказать, что мы вместе... пока всего-то и было, что три-четыре поцелуя... я уж не говорю о том, насколько это все странно...», но не произнес ни звука. Ему было трудно говорить о ней, теперь он это понимал. Шеф положил голову ему на плечо, вызывал на откровенность. И тогда Маркус в свой черед попытался рассказать собственную версию жизни с Натали. Собственную экзегезу всех наталийных моментов. Неожиданно для самого себя, он вдруг оказался во власти целой толпы воспоминаний. Мимолетных мгновений, восходящих к давним уже временам, когда никакого поцелуя еще не было в помине.

Была их первая встреча. Именно она проводила с ним собеседование при приеме на работу. Он сразу сказал себе: «Я никогда не смогу работать с такой женщиной». Он показал себя не с лучшей стороны, но Натали получила указание взять шведа. Так что Маркус оказался здесь из-за истории с квотой. Он об этом так никогда и не узнал. Первое впечатление преследовало его долгие месяцы. Сейчас он снова вспоминал, как она тогда убрала волосы за ухо. Это движение заорожило его. Сидя на совещаниях группы, он надеялся, что она повторит тот жест, но нет, такую милость она оказала только раз. Ему вспоминались и другие жесты – как она кладет папки на край стола, как быстро облизывает губы перед тем, как начать пить, как делает вдох между двумя фразами и как иногда вместо «-сь» произносит «-ся», особенно под конец дня, и ее вежливую улыбку, и улыбку-благодарность, и ее шпильки, о да, шпильки, гимн ее лодыжкам. Их офисный палас приводил его в ужас, однажды он даже задался вопросом: «И кто только додумался изобрести палас?» И еще много чего, и еще, и еще. Да, теперь ему вспоминалось все, и Маркус сознавал, что в нем скопился большой запас неодолимого влечения к Натали. Каждый день, проведенный рядом с ней, был огромной, но тайной победой настоящего всевластия сердца.

Сколько времени он говорил о ней? Он не знал. Повернув голову, он обнаружил, что Шарль уснул. Как ребенок засыпает под сказку. Чтобы тот не простудился, Маркус укрыл его своим пиджаком – внимательно и деликатно. Во вновь наступившей тишине он разглядывал человека, олицетворявшего для него власть. Он, так часто чувствовавший, как

его легкие от страха сворачиваются в трубочку, так часто с завистью представлявший себе чужую жизнь, понимал теперь, что был отнюдь не самым несчастным. Что даже его повседневная рутина ему нравилась. Он надеялся быть с Натали, но если ничего не получится, он не погибнет. Маркус мог быть слабонервным, иногда просто слабым, но в нем была какая-то сила. Какая-то устойчивость, внутренний покой. Что-то такое, что не дает поставить свою жизнь под угрозу. Что толку волноваться, когда все кругом абсурдно? – временами говорил он себе, явно начитавшись Чорана. Жизнь может быть прекрасна, когда осознаешь неприятные последствия собственного появления на свет. Зрелище спящего Шарля укрепляло в нем это чувство уверенности, которое вскоре разрастется с новой силой.

Две женщины лет под пятьдесят приблизились к ним с явным намерением завести разговор, но Маркус знаком попросил их не шуметь. Притом что в заведении играла музыка. Наконец Шарль выпрямился, открыл глаза и с удивлением оглядел окружающий розовый кокон. Увидел голову Маркуса, хранившего его сон, обнаружил на себе его пиджак. Улыбнулся, и это мимолетное усилие сразу напомнило, что у него болит голова. Пора было уходить. Уже рассвело. В офис они приехали вместе. Поднялись на лифте и разошлись в разные стороны, пожав друг другу руки.

94

Утром, чуть позже, Маркус направился к кофейному автомату. И тут же заметил, что служащие расступаются перед ним. Он был Моисей, шагающий по Красному морю. Эта метафора может показаться гиперболой. Но надо учитывать, что происходило в офисе. Маркус был сотрудник тихий, скромный, бесцветный, большинство вообще не знало, кто он такой, и тут меньше чем за сутки выяснилось, что он встречается с одной из самых красивых, если не самой красивой женщиной фирмы (подвиг тем более славный, что женщина эта слыла навсегда умершей для обольщения), да еще и ужинал с самим шефом. Кто-то даже видел, как они утром пришли на работу вместе, что придавало сплетням тенденциозность. Для одного человека это было чересчур. Все с ним здоровались, все угощали его бесконечными «Как дела?» и «Как продвигается дело номер 114?». Все вдруг воспылало интересом к этому проклятому делу и вообще к каждому его вздоху. Так что Маркусу в первой половине дня чуть не стало дурно. Слишком резкий поворот, особенно после бессонной ночи. словно он вдруг за несколько минут наверстал долгие годы непопулярности. Разумеется, все это было неспроста. За этим наверняка что-то крылось, какие-то тайны мадридского двора. Говорили, что он агент шведских спецслужб, говорили, что он сын самого крупного акционера, говорили, что он тяжело болен, говорили, что на родине он прославился ролями в порнофильмах, говорили, что его отобрали представлять человечество на Марсе, говорили, что он ближайший друг Натали Портман.

95

Заявление Изабель Аджани в студии новостей Брюно Мазюра 18 января 1987 г. 18

Что для меня самое ужасное, это что я должна приходить сюда и говорить «я не больна», как если бы я говорила «я невиновна в преступлении».

96

¹⁸ Брюно Мазюр – известный французский журналист и телеведущий; речь идет об интервью, которое он брал у И. Аджани в новостной программе на канале TF1 в связи с распространившимися слухами о том, что у актрисы СПИД. (Прим. перев.)

Натали и Маркус встретились за обедом. Он устал, но по-прежнему смотрел вокруг широко открытыми глазами. Она не могла прийти в себя, узнав, что ужин растянулся на всю ночь. Может, с ним всегда все бывает так? Не так, как предусмотрено? Она бы с удовольствием посмеялась. Но то, что она видела вокруг, ей совсем не нравилось. Посреди всего этого ажиотажа она чувствовала себя скованно, напряженно. Он напоминал ей о мелочности людей после похорон Франсуа. О надоедливых изъявлениях сочувствия. Может, это заскок, но ей в этом виделось что-то вроде отголосков коллаборационизма. Наблюдая реакцию некоторых, она говорила себе: «Случись снова война, все бы опять повторилось, точь-в-точь». Может, она и преувеличивала, но скорость, с какой распространился слух, его явно недоброжелательная окраска – все это внушало ей отвращение, в чем-то перекликавшееся с той смутной эпохой.

Она не понимала, почему ее роман с Маркусом вызвал такой интерес. Из-за него? Из-за того, как он выглядит? Неужели все так относятся к не слишком рациональным союзам? Но это же нелепость: что общего между логикой и симпатией? Гнев Натали после их последнего разговора с Хлоей никак не утихал. За кого они все себя принимают? В каждом косом взгляде ей виделась агрессия.

– Мы и поцеловаться толком не успели, а меня уже, по-моему, все ненавидят, – сказала она.

– Зато меня все обожают!

– Очень остроумно.

– Да плюнь на них, и все. Лучше посмотри меню. Вот это действительно важно. Что ты хочешь на первое – эндивий с рокфором или суп дня? Все прочее не имеет значения.

Он был, безусловно, прав. И все-таки она никак не могла расслабиться. Она сама не понимала, почему так бурно реагирует. Наверно, ей нужно было время, чтобы понять: это связано с рождением чувства. Головокружительное ощущение, которое выливалось у нее в агрессивность. Против всех и в первую очередь против Шарля.

– Знаешь, чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что Шарль вел себя просто постыдно.

– По-моему, он просто любит тебя, вот и все.

– Это еще не причина, чтобы паясничать перед тобой.

– Успокойся, это все не важно.

– Не могу успокоиться, не могу...

Натали решительно заявила, что после обеда пойдет к Шарлю и потребует, чтобы он прекратил этот цирк. Маркус предпочел не перечить. Они немного посидели в тишине, а потом Натали нарушила ее:

– Прости, я перенервничала...

– Это не важно. И потом, знаешь, новости так быстро устаревают... через два дня о нас и думать забудут... тут вот взяли новую секретаршу, по-моему, она нравится Бертье... так что сама понимаешь...

– Тоже мне сенсация. Он кидается на все, что движется.

– Это верно. Но тут другое дело. Если помнишь, он только что женился на бухгалтерше... так что намечается небольшой сериал.

– Вообще-то, по-моему, я пропала.

Она произнесла эту фразу внезапно и резко. Без малейшего перехода. Маркус инстинктивно взял кусок хлеба и начал крошить его в руке.

– Что ты делаешь? – спросила Натали.

– Я делаю как Мальчик-с-пальчик. Если ты пропала, надо, чтобы ты нашлась, а значит, по пути тебе надо бросать крошки хлеба. Так ты найдешь дорогу назад.

– Дорогу, которая ведет сюда... к тебе, я так полагаю?

– Да. Если только я не проголодаюсь, поджидая тебя, и не съем все крошки.

Что выбрала Натали на первое во время обеда с Маркусом

Суп дня.¹⁹

Шарль был уже совсем не тот человек, что провел ночь с Маркусом. К обеду он опомнился и теперь жалел о своем поведении. Он до сих пор не мог понять, почему этот очередной швед настолько выбил его из колеи. Конечно, особо веселиться ему было не с чего, его со всех сторон осаждали тревоги, но это еще не повод так реагировать. Тем более перед посторонними. Ему было стыдно. Именно поэтому он теперь будет рвать и метать. Вроде любовника, который, потерпев поражение на сексуальном фронте, впадает в агрессию. Он чувствовал, как в нем вскипает пузырьками бойцовский дух. Он даже начал отжиматься, но ровно в этот момент к нему в кабинет вошла Натали. Он поднялся с пола.

– Могла бы постучать, – сухо заметил он.

Она двинулась к нему, медленно, точно так же, как шла к Маркусу, чтобы его поцеловать. Но на сей раз – чтобы дать пощечину.

– Вот так.

– Но так не пойдет! Я могу тебя уволить за это.

Шарль ошупывал лицо. И, весь дрожа, повторил свою угрозу.

– А я могу подать на тебя в суд за сексуальные домогательства. Хочешь, покажу тебе мейлы, которые ты мне слал?

– Почему ты так со мной разговариваешь? Я всегда уважал твою частную жизнь.

– Ну конечно. Ты в своем репертуаре. Ты просто хотел со мной переспать.

– Честное слово, я тебя не понимаю.

– А я не понимаю, чем ты там занимался с Маркусом.

– Я что, не имею права поужинать с сотрудником?

– Имеешь, а теперь довольно! Хватит! Понял? – крикнула она.

Она испытывала невероятное облегчение, и ей хотелось разбушеваться еще сильнее. Она реагировала слишком бурно. Бросаясь на защиту их с Маркусом территории, она выдала свое смятение. Смятение, которое по-прежнему была не способна определить. Там, где начинается сердце, «Ларусс» кончается. Может, поэтому Шарль и перестал читать определения, когда Натали вернулась на работу. Тут нечего было сказать, тут говорили первобытные реакции.

Она была уже в дверях кабинета, когда Шарль произнес:

– Я пригласил его на ужин, потому что хотел с ним познакомиться... уразуметь, как ты могла выбрать такого уроды, такое ничтожество. Что ты отвергаешь меня, я могу понять, но этого, знаешь ли, не пойму никогда...

– Замолчи!

– И не думай, что я это так оставлю. Я только что переговорил с акционерами. С минуты на минуту твой дорогой Маркус получит крайне лестное предложение. Предложение, отвергать которое – самоубийство. Одно неудобство: это место в Стокгольме. Но с таким окладом, что, думаю, колебаться он будет недолго.

– До чего ж ты пафосный. И что мне мешает уволиться и поехать с ним?

¹⁹ К сожалению, мы не располагаем точными сведениями о том, что это был за суп.

- Ты не можешь так поступить! Я тебе запрещаю!
- Честное слово, ты мне надоел...
- И тем более ты не можешь так поступить с Франсуа!

Натали посмотрела на него в упор. Он хотел сразу извиниться, он знал, что зашел слишком далеко. Но не мог пошевелиться. Она тоже. Последняя фраза парализовала обоих. В конце концов она вышла из кабинета Шарля, медленно, не говоря ни слова. Он остался один, в уверенности, что потерял ее окончательно. Подошел к окну и уставился в пустоту, испытывая неодолимое искушение.

99

Натали села за свой стол и взглянула на календарь. Позвонила Хлое и попросила отменить все назначенные на сегодня встречи.

- Но это невозможно! Вы через час должны вести заседание комиссии!
- Да, знаю, – перебила ее Натали. – Ладно, хорошо, я перезвоню позже.

Она повесила трубку. Что делать? Это было важное совещание, она много времени потратила на его подготовку. Но было совершенно ясно, что после того, что случилось, она не сможет больше работать в фирме. Ей вспомнилось, как она первый раз пришла в это здание. Совсем молоденькой девушкой. Она перебирала в памяти первые рабочие дни, советы Франсуа. Быть может, когда его не стало, именно это пережить было труднее всего. Не стало вдруг их разговоров и споров. Умерли минуты, когда мы говорим о жизни другого, комментируем ее. Она осталась одна на краю пропасти и прекрасно знала, что ее подтачивает слабость. Что она уже три года разыгрывает самую что ни на есть пафосную комедию. Что в глубине души так и не уверена, что ей хочется жить. Она до сих пор испытывала огромное, абсурдное чувство вины, вспоминая то воскресенье, когда погиб муж. Она должна была его удержать, не пускать его на пробежку. Разве не в этом состоит роль женщины? Сделать так, чтобы мужчины перестали бегать. Она должна была его удержать, обнять, целовать, любить. Она должна была отложить книжку, прекратить читать, не позволить ему сломать ей жизнь.

Теперь ее гнев утих. Она еще с минуту смотрела на письменный стол, потом побросала несколько вещей в сумку. Выключила компьютер, задвинула ящики стола и вышла из офиса. Хорошо, что она никого не встретила, что не пришлось ничего говорить. Она должна была уйти молча. Остановила такси, попросила отвезти ее на вокзал Сен-Лазар, купила билет. Когда поезд тронулся, она заплакала.

100

Время отправления и прибытия поезда Париж-Лизьё, на котором уехала Натали

Отправление: 16.33 – Париж (Сен-Лазар)

Прибытие: 18.02 – Лизьё.

101

Исчезновение Натали застопорило механизм всего этажа. Она должна была вести самое важное квартальное совещание. Она ушла, не оставив никаких инструкций, никого не предупредив. Многие ворчали в коридорах, ругали ее за непрофессионализм. За несколько минут доверие к ней упало ниже некуда: сиюминутное взяло верх над репутацией, приобретенной за долгие годы. Поскольку все теперь знали, что у нее связь с Маркусом, все непрерывно бегали к нему: «Ты не знаешь, где она может быть?» Ему пришлось признаться, что не знает. Это почти что означало: «Нет, у меня нет с ней никаких особых отношений.

Она не сообщает мне о своих перемещениях». Так оправдываться было тяжело и больно. На этом этапе он растерял весь престиж, какой успел накопить со вчерашнего дня. Все вдруг как будто вспомнили, что не такая уж он важная птица. И даже недоумевали, как это кто-то мог поверить, хотя бы на миг, что он ближайший друг Натали Портман.

Он несколько раз пытался ей дозвониться. Безуспешно. Она выключила телефон. Он не мог работать. Ходил кругами. Учítывая тесноту его кабинета, круги были невелики. Что делать? Все доверие последних дней испарялось на глазах. Он без конца прокручивал в голове их обед. «Что действительно важно, так это выяснить, что брать на первое», – он помнил, что произнес нечто в этом роде. Как можно так разговаривать? Нечего и голову ломать. Он оказался не на высоте. Ведь она ясно сказала, что пропала, а он, как ворона, взгромоздясь на облако, только и смог, что уронить несколько легковесных фраз. «Мальчик-с-пальчик»! Да на каком свете он живет? Уж точно не на том, где женщины, прежде чем сбежать, оставляют ему адрес. Конечно, все это только из-за него. Женщины всегда от него сбегают. Может статься, она даже уйдет в монастырь. Умчится на поездах и самолетах подальше, чтобы не дышать с ним одним воздухом. Ему было плохо. Плохо оттого, что он вел себя плохо. Любовное чувство рождает самое сильное чувство вины. Мы способны вообразить, что все раны другого нанесены нами. В своем безумии мы даже способны считать себя чуть ли не демиургами, думать, что мы – в самом сердце чужого сердца. Что вся жизнь сводится к сосуду с клапанами. Миром Маркуса был мир Натали. Мир цельный и полный, за который он отвечал целиком и полностью.

Но и просто мир тоже возвращался к нему. Мало-помалу он сумел взять себя в руки. Привести белое и черное в равновесие. Ему вспомнилась вся нежность минут, которые они провели вместе. Нежность вполне реальная, она не могла исчезнуть просто так. Страх потерять Натали помутил его разум. Тревога была его слабостью, той самой слабостью, что могла быть и его обаянием. Слабость на слабость в итоге дает какую-то силу. Он не знал, что делать, не хотел больше работать, не мыслил больше рационально. Ему хотелось сойти с ума, тоже убежать, поймать такси и вскочить в первый попавшийся поезд.

102

И в эту самую минуту его вызвали в отдел кадров. Определенно, все хотели его видеть. Он пошел без малейшего опасения. С его страхом перед властью покончено. С недавних пор все вокруг было одним сплошным аттракционом. Месье Бониван встретил его широкой улыбкой. Маркус тут же подумал: улыбка убийцы. Главное для кадровика – делать вид, будто он заинтересован в карьере каждого сотрудника как в собственной жизни. Маркус убедился, что месье Бониван по праву занимает свое место:

– А, господин Лунделл... очень рад вас видеть. Знаете, я за вами слежу с некоторых пор...

– Неужели? – ответил тот, полагая (вполне справедливо), что этот человек только что узнал о его существовании.

– Конечно... для меня важна карьера каждого... и должен признаться, вы мне по-настоящему нравитесь. Из-за вашей манеры никогда не привлекать к себе лишнего внимания, никогда ничего не требовать. Если бы я был чуть менее добросовестным, знаете, я мог бы и не заметить вашего присутствия в нашей фирме, очень даже просто...

– А...

– Вы – мечта любого работодателя.

– Вы очень любезны. Не могли бы вы мне сообщить, зачем вы хотели меня видеть?

– Ах, вы весь в этом вопросе! Эффективность, эффективность! Не тратить время зря! Если б все были как вы!

– Итак?

– Так вот... не буду ничего от вас скрывать: дирекция предлагает вам пост руководителя группы. Со значительным увеличением оклада, само собой. Вы – один из важных элементов в стратегической перестройке нашей компании... должен сказать, я рад вашему повышению... потому что с какого-то момента активно его поддерживаю.

– Спасибо... даже не знаю, что сказать.

– Ну и, конечно, мы постараемся максимально облегчить все административные шаги, необходимые для вашего переезда.

– Переезда?

– Да. Место в Стокгольме. У вас дома!

– Но о возвращении в Швецию не может быть и речи. Лучше биржа труда, чем Швеция.

– Но...

– Никаких но.

– Не думаю, что у вас есть выбор.

Маркус не дал себе труда ответить и молча вышел из кабинета.

103

Кружок Парадоксов

Кружок Парадоксов образован в конце 2003 г. с целью познакомить с работой НАНОК²⁰ руководителей-кадровиков, не являющихся ее членами. Собрания кружка проводятся раз в месяц в Доме кадров и посвящены обсуждению какого-либо вопроса, волнующего кадровиков, к которым сходятся все конфликты на предприятии. По замыслу организаторов, эти ежемесячные собрания должны проходить в духе интеллигентного разрушения традиций: животрепещущая тема обсуждается в сугубо профессиональном, но нестандартном ключе. Юмор приветствуется, суконный язык – нет!²¹

104

Обычно Маркус ходил по коридорам не спеша. Он всегда относился к перемещениям как к передышке. Вполне мог встать и сказать: «Пойду размять ноги», как другие выходят покурить. Но в эту минуту с беззаботностью было покончено. Он мчался как пушечное ядро. Очень странное зрелище: он несся так, словно ярость толкала его вперед. Он был дизельным авто, у которого прокачали двигатель. В нем вообще что-то прокачали: затронули его чувствительные струны, нервы, ведущие прямо к сердцу.

Он ворвался в кабинет шефа. Шарль смерил взглядом своего подчиненного и инстинктивно схватился за щеку. Маркус застыл посреди комнаты, сдерживая бешенство. Молчание нарушил Шарль:

– Вы знаете, где она?

– Нет, не знаю. Прекратите все меня спрашивать, где Натали. Я не знаю.

– Я только что имел телефонный разговор с клиентами. Они в ярости. Я в себя прийти не могу: как она могла так с нами поступить!

– Я ее прекрасно понимаю.

²⁰ НАНОК – Национальная ассоциация начальников отделов кадров (ANDRH). (Прим. перев.)

²¹ Тема заседания 13 января 2009 г.: «Признание заслуг в кризисной ситуации. Чему отдать предпочтение: индивидуальному или коллективному?» Время заседания: 18.30–20.30; адрес: НАНОК, Париж 75008, ул. Миромениль, 91.

- Чего вы от меня хотите?
- Я хотел вам сказать две вещи.
- Только быстро. У меня нет времени.
- Первая: я отказываюсь от вашего предложения. Это мелко и низко с вашей стороны.

Не знаю, как вы после этого сможете смотреть на себя в зеркало.

- Кто вам сказал, что я на себя смотрю?
- Мне плевать, что вы делаете, а что нет.
- А вторая вещь?
- Я увольняюсь.

Шарля ошеломила быстрота реакции этого человека. Он не колебался ни секунды. Он отвергал его предложение и уходил из фирмы. Как он, Шарль, мог настолько не владеть ситуацией? Вообще-то нет. Может, он этого и хотел? Чтобы они оба сбежали вместе со своим постылым романом. Он по-прежнему смотрел на Маркуса и ничего не мог прочесть на его лице. Потому что на лице Маркуса была та ярость, которая делает черты неподвижными. Стирает всякое внятное выражение. Но вдруг он стал подходить к Шарлю – медленно, с безмерной уверенностью. Слово его влекла неведомая сила. Так, что Шарль испугался, по-настоящему испугался.

- Теперь, когда вы мне больше не начальник... я могу...

Маркус не закончил фразы, за него ее закончил кулак. Первый раз в жизни он кого-то ударил. И пожалел, что не делал этого раньше. Что слишком часто подыскивал слова, чтобы уладить дело.

- Так не пойдет! Вы с ума сошли! – закричал Шарль.

Маркус снова приблизился к нему и замахнулся для второго удара. Шарль в ужасе отшатнулся. Сел на пол в углу кабинета. И долго сидел там в прострации после ухода Маркуса.

105

29 октября 1960 г. в жизни Мухаммеда Али

В Луисвилле он выиграл по очкам свой первый профессиональный бой против Тони Хансакера.

106

На вокзале в Лизьё Натали взяла напрокат машину. Последний раз она сидела за рулем очень давно. И боялась, что утратила навык. Погода мало чему способствовала, начался дождь. Но в ту минуту она ощущала такую огромную усталость, что ее ничто не могло испугать. Она ехала по узким дорогам все быстрее, говоря «здравствуй» грусти. Дождь мешал обзору; временами она почти ничего не видела.

И тут что-то произошло. Какая-то секундная вспышка, прямо так, на шоссе. Она вдруг снова увидела сцену поцелуя с Маркусом. В момент, когда эта картина встала у нее перед глазами, она о нем не думала. Совсем не думала. Видение явилось резко и властно. Она стала вспоминать все минуты, когда они были вместе. Катилась вперед и уже жалела, что уехала, ничего ему не сказав. Она сама не знала, почему не подумала об этом. Просто она так быстро убежала! Первый раз вот взяла и ушла из офиса. Она знала, что не вернется туда никогда, что какая-то часть ее жизни теперь остановилась. Что пора катить вперед. Но она решила остановиться на заправке. Вышла из машины, огляделась. Совсем незнакомое место. Наверно, свернула не на ту дорогу. Темнело, вокруг не было ни души. И этот триптих, классический образ отчаяния, довершал дождь. Она послала смс Маркусу. Просто чтобы сказать, где она. Через две минуты пришло сообщение: «Сажусь в ближайший поезд на

Лизьё. Если ты там, побудь еще». И сразу за ним второе: «Тем более вышли почти стихи».

107

Отрывок из рассказа Ги де Мопассана «Поцелуй»

Знаешь ли ты, откуда проистекает наша истинная власть? Из поцелуя, только из поцелуя! (...) Поцелуй, правда, только предисловие.²²

108

Маркус сошел с поезда. Он тоже уехал, никому ничего не сказав. Они встретятся как два беглеца. На другом конце вокзала он увидел ее, ее неподвижную фигуру. И двинулся к ней, медленно, почти как в кино. Нетрудно представить, какая музыка могла бы звучать в эту минуту. Или тишина. Да, лучше именно тишина. Когда слышно только их дыхание. И можно почти забыть убогие декорации. Сальвадор Дали никогда бы не вдохновился зданием вокзала в Лизьё. Там было пусто и холодно. Маркус заметил афишу музея Терезы из Лизьё.²³ Приближаясь к Натали, он подумал: «Надо же, как странно, я всегда считал, что она Тереза де Лизьё, что это такая фамилия...» Да, он в самом деле об этом думал. А Натали была здесь, совсем рядом. И ее губы, губы ее поцелуя. Но ее лицо было заперто. Ее лицо было вокзалом Лизьё.

Они направились к машине. Натали села за руль, Маркус – на «место смертника». Она нажала на газ. Они так и не произнесли ни слова. Словно подростки, не знающие, что сказать друг другу на первом свидании. Маркус понятия не имел, где они находятся, понятия не имел, куда они едут. Он следовал за Натали, и этого было достаточно. Через какое-то время, чтобы заполнить пустоту, он решил нажать кнопку автомагнитолы. Она была настроена на радио «Ностальжи». И тогда в машине зазвучала «Сбежавшая любовь» Алена Сушона.

– О, это невероятно! – воскликнула Натали.

– Что?

– Да эта песня. С ума сойти. Это моя песня. Ну и... вот.

Маркус благодарно взглянул на автомагнитолу. Эта вещичка помогла ему снова завязать разговор с Натали. А та все говорила, как это странно и невероятно. И что это знак. Какой знак? Этого Маркус знать не мог. Его удивило, что песня так действует на его спутницу. Но он знал, какая странная штука жизнь, знал, что такое ее случайности и совпадения. Все то, что заставляет нас усомниться в ее рациональности. Когда песня кончилась, Натали попросила Маркуса выключить радио. Ей не хотелось отрываться от этой мелодии, которую она всегда так любила. Которую в первый раз услышала в кино, в последней части приключений Антуана Дуанеля.²⁴ Она родилась в то время, и ее ощущение, наверно, трудно было определить, но она чувствовала, что сама родом оттуда. Выросла, словно на ветке, на этой мелодии. Мягкой, легкой, чуть меланхоличной, – в точности как 1978 год. Это была ее песня, это была ее жизнь. И Натали не могла опомниться от этого совпадения.

²² Перевод М. Столярова. (Прим. перев.)

²³ Святая Тереза из Лизьё (Святая Тереза Младенца Иисуса и Святого Лица, Святая Тереза Малая, в миру Тереза Мартен; 1873–1897) – католическая святая, кармелитская монахиня, одна из трех женщин, удостоенных титула Учитель Церкви. (Прим. перев.)

²⁴ То есть в фильме «Сбежавшая любовь» Франсуа Трюффо (1979), последней части автобиографического цикла, начатого фильмом «Четыреста ударов» (1959). (Прим. перев.)

Она остановилась на обочине. Было темно, и Маркус не видел, куда они приехали. Они вышли из машины. Тут он заметил высокие решетчатые ворота – вход на кладбище. Потом оказалось, что они не высокие, а гигантские. Такие решетки делают в тюрьмах. Мертвые, конечно, отбывают пожизненный срок, но трудно себе представить, чтобы они попытались совершить побег. И тогда Натали заговорила:

– Франсуа похоронили здесь. Он родился в этих местах.

– ...

– Он, конечно, ничего мне не говорил. Не думал, что скоро умрет... но я знаю, что он хотел быть здесь... где прошло его детство.

– Понимаю... – еле слышно выдохнул Маркус.

– Знаешь, забавно, но я тоже здесь выросла. Когда мы с Франсуа встретились, мы решили, что это невероятное совпадение. Мы сто раз могли пересечься, когда были подростками, и ни разу не встретились. И нашли друг друга в Париже. Вот так вот... если суждено кого-то встретить...

Натали не закончила фразу. Но фраза эта продолжала звучать в голове Маркуса. О ком она говорила? О Франсуа, конечно. А может, и о нем тоже? Двойной смысл ее слов подчеркивал символичность ситуации. Это было невероятно сильно. Они стояли рядом, бок о бок, в нескольких метрах от могилы Франсуа. В нескольких метрах от прошлого, которое бесконечно не кончалось. Капли дождя падали на лицо Натали, и невозможно было понять, где ее слезы. Но Маркус их видел. Он умел читать слезы. Слезы Натали. Он подошел к ней и крепко обнял, словно хотел охватить руками ее страдание.

109

Продолжение «Сбежавшей любви», песни Алена Сушона, которую Маркус и Натали слушали в машине

Пеленки в кружевах – я не успел обжиться.
Вить гнезда для птенцов, кружиться, как синица,
Квартира, дверь, порог, – я ухожу.
Я снова улетаю к миражу.

Охапки роз, и женских слез, и капли солнца,
Всю жизнь бежать за тем, что в руки не дается, –
За ветром, что однажды мне принес
Из детства запах маминых волос.

Мы, мы проиграли игру.
Ты, ты утираешь слезу.
Мы расстаемся, мы всё понимаем,
Любовь убегает,
Любовь убегает.

110

Они снова куда-то поехали. Маркус удивлялся, как много здесь поворотов. В Швеции все дороги прямые: они ведут к цели, которую видно издалека. Вирази убаякивали его, и он отдался на их волю, не осмеливаясь спросить у Натали, куда они направляются. Разве это так уж важно? Это, конечно, избитая фраза, но он готов был ехать за ней на край света. Она-то сама хотя бы знала, куда катит? Может, ей просто хотелось мчаться в ночи. Ехать и ехать,

чтобы все о ней забыли.

Наконец она затормозила. На сей раз перед низенькой решеткой. Может, это и был сюжет их блужданий? Разные варианты решеток. Она вышла из машины, открыла ворота и села обратно. В сознании Маркуса каждое движение представлялось важным, становилось особенным, отдельным от других, – ибо именно так мы переживаем детали нашей личной мифологии. Машина покатила по узкой дорожке и остановилась перед домом.

– Мы у Мадлен, моей бабушки. Дедушка умер, и она живет одна.

– Ладно. С удовольствием с ней познакомлюсь, – вежливо ответил Маркус.

Натали постучала в дверь, раз, другой, потом погромче. Никакого ответа.

– Она немного глуховата. Лучше обойти вокруг дома. Она наверняка в гостиной и увидит нас в окно.

Обогнуть дом можно было только по тропинке, превратившейся из-за дождя в грязное месиво. Маркус ухватился за Натали. Он почти ничего не видел. Может, она пошла не с той стороны? Между домом и пышными зарослями ежевики практически невозможно было пролезть. Натали поскользнулась и упала, увлекая за собой Маркуса. Теперь они были все грязные и промокшие. Бывали в истории и более славные экспедиции, но эта становилась попросту смешной.

– Лучше доползти на четвереньках, – объявила Натали.

– С тобой не соскучишься, – ответил Маркус.

Обогнув наконец дом, они увидели маленькую старушку. Она сидела у зажженного камина. И ничего не делала. Эта картина по-настоящему поразила Маркуса. Она просто была здесь, она ждала, в каком-то самозабвении. Натали постучала в окно, и на этот раз бабушка услышала. И сразу радостно вспыхнула и бросилась открывать окно.

– О, милая моя... что ты тут делаешь? Какой чудесный сюрприз!

– Я хотела тебя повидать... а для этого надо идти в обход.

– Да, знаю. Мне так жаль, ты уже не первая! Сейчас я вам открою.

– Нет, мы через окно. Так будет лучше.

Они перелезли через подоконник и наконец оказались под крышей.

Натали представила бабушке Маркуса. Та провела рукой по его щеке и обернулась к внучке со словами: «А он милый». Маркус тут же расплылся в широчайшей улыбке, словно подтверждая: да, это правда, я милый. Мадлен продолжала:

– По-моему, я тоже знавала одного Маркуса, когда-то давно. А может, он был Паулус... или Карлус... в общем, что-то, кончающееся на «ус»... я уже толком и не помню...

Настало неловкое молчание. Что она имела в виду под «знавала»? Натали, улыбаясь, всем телом прижалась к бабушке. Глядя на них, Маркус представлял себе Натали маленькой девочкой. Восьмидесятые были здесь, с ними. Помолчав, он спросил:

– А где можно помыть руки?

– А, да. Пошли.

Она взяла его за заляпанную грязью руку и бегом потащила в ванную.

Да, Маркусу она виделась именно девочкой. По тому, как она бежала. По тому, как жила следующей минутой, опережая настоящую. В ней было что-то неистовое. Теперь они стояли рядом, перед двумя раковинами. Намыливая руки и улыбаясь друг другу почти дурацкой улыбкой. Были пузырьки, много пузырьков, но это были не пузырьки ностальгии. И Маркус подумал: это самое прекрасное мытье рук в моей жизни.

Им надо было переодеться. Для Натали все было просто. В ее комнате остались какие-то вещи. Мадлен спросила Маркуса:

– У вас есть с собой, во что переодеться?

– Нет. Мы уехали в чем были.

– Очертя голову?

– Вот именно, очертя голову.

Натали заметила, что оба с великим удовольствием употребили это выражение: «очертя голову». Казалось, их возбуждала сама мысль, что можно просто так, не обдумав все заранее, сорваться с места. Бабушка предложила Маркусу порыться в шкафу ее мужа. Она отвела его в глубь коридора и оставила одного, пусть берет, что захочет. Через несколько минут он появился в костюме наполовину бежевого, наполовину непонятного цвета. Воротник рубашки был настолько широк, что казалось, его шея тонет в море. Несуразное одеяние несколько не ухудшило его настроение. Казалось, он счастлив, что так одет; он даже подумал: на мне все болтается, а мне хорошо. Натали покатила со смеху, хохотала до слез. Слезы смеха струились по щекам, едва просохшим после слез горя. Мадлен подошла к нему, но чувствовалось, что идет она скорее к костюму, чем к человеку. В каждой его складке хранилось воспоминание о целой жизни. С минуту она постояла рядом с гостем, удивленная, неподвижная.

111

У бабушек – может, потому что они пережили войну – всегда найдется чем покормить своих внуков, свалившихся к ним на ночь глядя в компании незнакомого шведа.

– Надеюсь, вы не ужинали. Я сварила суп.

– Правда? А какой? – спросил Маркус.

– Это пятничный суп. Не могу вам объяснить. Нынче пятница, значит, и суп пятничный.

– То есть суп без галстука, – подытожил Маркус.

Натали подошла к нему поближе:

– Бабуль, он иногда говорит странные вещи. Ты только не волнуйся.

– О, знаешь, я-то не волнуюсь уже с сорок пятого года. Так что все в порядке. Давайте садитесь за стол.

Мадлен была полна жизненных сил. Энергия, с которой она накрывала ужин, поистине не вязалась с изначальной картиной: старушка, сидящая у огня. Их приезд вызвал у нее бурную жажду деятельности. Она хлопотала на кухне и ни за что не хотела, чтобы ей помогали. Натали и Маркуса умиляло возбуждение этой мышкы-малышки. Все теперь казалось таким далеким: и Париж, и их фирма, и папки с делами. Время тоже исчезло: утро в офисе превратилось в черно-белое воспоминание. Только название «пятничный суп» позволяло им не совсем оторваться от реального течения дней.

Ужин прошел очень просто. В молчании. У бабушек и дедушек восхищение и счастье от созерцания внуков не обязательно сопровождается длинными тирадами. Они спрашивают, как дела, и очень быстро погружаются в простое удовольствие быть вместе. После ужина Натали помогла бабушке помыть посуду. Она спрашивала себя: как я могла забыть, насколько здесь хорошо? Все ее недавние минуты счастья словно сразу оказались обречены на забвение. Она знала, что теперь у нее хватит сил удержать это, теперешнее счастье.

В гостиной Маркус курил сигару. Он, с трудом выносивший сигареты, хотел сделать приятное Мадлен. «Она обожает, когда мужчины курят сигару после еды. Не пытайся понять. Доставь ей удовольствие, и все», – шепнула Натали, когда старушка принесла Маркусу коробку. Он изъявил горячее желание выкурить сигару с несколько натужным энтузиазмом, но Мадлен ничего не заметила. И теперь Маркус изображал хозяина в нормандском домике. Его поразила одна вещь: у него не заболела голова. Хуже того, ему начинал нравиться вкус сигары. Мужественность обживалась в нем, слегка удивляясь, куда она попала. Его охватило парадоксальное чувство: с эфемерными клубами дыма он словно неистово впитывал жизнь. С этой сигарой он был Маркус Великолепный.

Мадлен радовалась, видя улыбку на губах внучки. Она так плакала после смерти Франсуа: не проходило и дня, чтобы Мадлен не вспоминала об этом. Она в своей жизни пережила много драм, но эта была самой острой. Она знала, что надо идти вперед, что главное в жизни – жить дальше. И такие минуты, как эта, приносили ей величайшее утешение. К тому же, для полноты картины, этот швед внушал ей самую настоящую, инстинктивную симпатию.

– У него хорошее утро.

– Да? И как ты это видишь?

– Я чувствую. Чутьем. Утро у него великолепное.

Натали еще раз поцеловала бабушку. Пора было идти спать. Маркус загасил сигару и сказал Мадлен: «Сон – это путь, ведущий к завтрашнему супу».

Мадлен спала внизу: ей было уже тяжело подниматься по лестницам. Остальные комнаты находились на втором этаже. «Так что она нас не побеспокоит», – сказала Натали, взглянув на Маркуса. Эта фраза могла означать что угодно – и сексуальный намек, и сугубо практическую данность: завтра утром нам можно спокойно поспать. Маркусу не хотелось размышлять. Будет он с ней спать – да или нет? Конечно, ему этого хотелось, но он понял, что надо ни о чем не думать и просто подняться по ступенькам. Наверху его в очередной раз поразила теснота. После дорожки, по которой они ехали на машине, и второй дорожки, по которой они обходили дом, он в третий раз чувствовал, что ему тесно. В этом странном коридоре было несколько дверей – по числу комнат. Натали прошла враз-вперед, не говоря ни слова. На втором этаже электричества не было. Она зажгла две свечи, стоящие на маленьком столике. Ее лицо стало оранжевым, но скорее цвета рассвета, чем заката. Она тоже колебалась, по-настоящему колебалась. Она знала, что решение принимать ей. Посмотрела на огонь, в упор, не жмурясь. И открыла дверь.

112

Шарль закрыл за собой дверь. Он был не в себе и вообще ни в ком, просто отдельно от собственного тела. От полученных днем оплеух болело лицо. Он прекрасно знал, что был жалок и к тому же сильно рисковал: не дай бог в шведских верхах узнают, что он хотел переместить сотрудника из личных соображений. Но вообще-то вряд ли это дело выльется наружу. Он был уверен, что больше их здесь не увидят. В их бегстве был привкус бесповоротности. И именно это задевало его больше всего. Никогда больше не видеть Натали. И во всем виноват он сам. Он вел себя как псих и злился на себя как сумасшедший. Ему просто хотелось на секунду увидеть ее снова, попытаться вымолить прощение, попытаться перестать быть пафосным. Хотелось найти наконец слова, которые он так искал. Жить в мире, где ему оставят еще хоть один шанс быть любимым Натали, в мире беспамятства чувств, где он мог бы снова встретить ее в первый раз.

Он вошел в гостиную. И оказался перед женой, сидящей на диване: вечное, неизменное зрелище. Эта вечерняя сцена была музеем с одной-единственной картиной.

– У тебя все в порядке? – выдохнул он.

– Да, все нормально. А у тебя?

– Ты не волновалась?

– По поводу?

– Ну, сегодня ночью...

– Нет... А что было сегодня ночью?

Лоранс даже не повернула головы. Шарль говорил куда-то ей в шею. И он понял: она даже не заметила, что он вчера не ночевал дома. Что между ним и пустотой не было никакой разницы. Это было головокружительно. Ему захотелось ее ударить: сравнить счет ударов этого дня. Вернуть ей хотя бы одну из полученных оплеух. Но его занесенная рука на миг

повисла в воздухе. Он начал разглядывать жену. Рука по-прежнему висела в воздухе отдельно от него. Внезапно он понял, что больше не может жить без любви, что задыхается в своем иссушенном мире. Никто и никогда не сжимал его в объятиях, никто и никогда не проявлял ни малейшей привязанности к нему. Почему все так вышло? Он забыл о том, что существует нежность. Он был изгоем в мире деликатности.

Его рука медленно опустилась, и он провел ею по волосам жены. Он был взволнован, по-настоящему взволнован, сам толком не понимая, откуда вдруг взялось такое волнение. Он сказал себе, что у жены красивые волосы. Наверное, все дело в этом. Его рука спустилась чуть ниже, коснулась ее шеи. Некоторые сторожевые посты на ее коже еще хранили память о былых поцелуях. Память о его любовном пыле. Ему хотелось превратить затылок жены в точку отсчета и заново покорить все ее тело. Он обошел диван и оказался перед ней. Встал на колени и попытался ее обнять.

- Что ты делаешь? – вяло спросила она.
- Я тебя хочу.
- Прямо сейчас?
- Да, сейчас.
- Ты застал меня врасплох.
- Ну так что ж? Чтобы тебя поцеловать, надо договариваться заранее?
- Нет... глупый.
- А знаешь, что еще хорошо бы сделать?
- Нет, а что?
- Съездить в Венецию. Да, я это устрою в ближайшее время... Съездим на уикенд... вдвоем... нам там будет лучше...
- Ты же знаешь, у меня морская болезнь.
- Ну и что? Не важно... В Венецию летают самолетом.
- Я про гондолы. Жалко, что мы не сможем прокатиться в гондоле. Тебе не кажется?

113

Еще одна мысль еще одного польского философа

Только свечи знают тайну агонии.

114

Натали вошла в комнату, где обычно спала. Она шла при свечах, но прекрасно могла бы двигаться в полной темноте – она знала здесь все закоулки. Маркус шел за ней, положив руки ей на бедра. Это была самая светоносная темнота в его жизни. Он боялся, как бы слишком острое счастье не лишило его всех мужских способностей. Избыток возбуждения нередко парализует. Нет, не надо думать об этом, просто отдаться на волю каждой секунды. Каждый вздох был как целый мир. Натали поставила свечи у изголовья. Они стояли лицом друг к другу в волнующем колыпании теней.

Она положила голову ему на плечо, он погладил ее по волосам. Они могли стоять так вечно. В своем романе они могли спать и на ходу, и стоя, и сидя. Но было так холодно. Холод был, помимо прочего, нежилой: сюда давно никто не заходил. Это место нужно было завоевать заново, добавить в него новые воспоминания. Они улеглись под одеяла. Маркус по-прежнему без усталости ласкал волосы Натали. Он так их любил, он хотел узнать их все, один за одним, узнать их историю и их мысли. Он хотел отправиться в путешествие по ее волосам. Натали было хорошо с этим мужчиной, с его деликатностью, с его нежеланием торопить события. Однако он не терял времени даром. Он уже раздевал ее, и ее сердце

билось с неведомой прежде силой.

Теперь она лежала нагая, прижавшись к нему. Его волнение было настолько сильным, что движения замедлились. Его медлительность уже почти смахивала на отступление. Он страшно боялся быть неосторожным, становился бестолковым. Ей понравились эти минуты, его неловкость, его колебания. Она понимала, что больше всего хотела именно этого: вновь обрести мир мужчин с женщиной, который бы не был знатоком женщин. Чтобы они вместе, заново, писали для себя инструкцию по обращению с нежностью. Мысль, что она будет с ним, заключала в себе какой-то глубокий покой. Возможно, это была гордыня или поверхностность, но ей казалось, что этот человек всегда будет счастлив с ней. У нее было чувство, что их пара будет невероятно прочной. Что с ними никогда ничего не случится. Что их физическое уравнение – это противоядие от смерти. Все это приходило ей в голову урывками, без большой уверенности. Она просто знала, что теперь – пора и что в таких ситуациях решение всегда принимает тело. Теперь он лежал на ней. Она ухватилась за него.

По ее вискам текли слезы. Он поцеловал ее слезы.

И из этих слез родились другие слезы – на этот раз его.

115

Начало седьмой главы «Игры в классики» Хулио Кортасара, книги, которую читала Натали в начале этого романа

Я касаюсь твоих губ, пальцем веду по краешку рта и нарисую его так, словно он вышел из-под моей руки, так, словно твой рот приоткрылся впервые, и мне достаточно зажмуриться, чтобы его не стало, а потом начать все сначала, и я каждый раз заставляю заново родиться твой рот, который я желаю, твой рот, который выбран и нарисован на твоём лице моей рукой, твой рот, один из всех избранный волею высшей свободы, избранный мною, чтобы нарисовать его на твоём лице моей рукой, рот, который волею чистого случая (и я не стараюсь понять, как это произошло) оказался точь-в-точь таким, как и твой рот, что улыбается мне из-под рта, нарисованного моею рукой.²⁵

116

Уже рассвело. Ночи словно и не было. Натали и Маркус то бодрствовали, то дремали, размывая границы между сном и реальностью.

– Давай спустимся в сад, – сказала Натали.

– Сейчас?

– Да, вот увидишь. Когда я была маленькая, я всегда ходила туда по утрам. Там на заре такая странная атмосфера.

Они быстро встали и медленно оделись.²⁶ Не спуская друг с друга глаз, открывая друг друга в холодном свете. Это было просто. Они бесшумно спустились по лестнице, чтобы не разбудить Мадлен. Излишняя предосторожность, потому что, когда у нее ночевали гости, она почти не спала. Но она не стала им мешать. Она знала пристрастие Натали к утреннему покою сада (у каждого свои ритуалы). Каждый раз, приезжая сюда, она в любую погоду, едва открыв глаза, шла туда и садилась на скамейку. Они вышли на улицу. Натали остановилась, стараясь не упустить ни одной подробности. Жизнь могла идти вперед, жизнь могла разорить все, но здесь ничто не менялось: здесь была сфера незыблемого.

²⁵ Перевод Л. Синянской. (Прим. перев.)

²⁶ А может, наоборот.

Они сели. В обоих жило изумленное волшебство, волшебство физического удовольствия. Что-то из волшебных сказок: мгновения, украденные у совершенства. Минуты, которые навеки остаются в памяти в тот самый момент, когда их переживаешь. Секунды для будущей ностальгии. «Мне так хорошо», – шепнула Натали, и Маркус был по-настоящему счастлив. Она встала. Он смотрел, как она ходит между цветами, между деревьями. Она несколько раз медленно прошла туда и обратно, в сладкой рассеянности касаясь рукой всего, до чего могла дотянуться. Здесь она была почти частью природы, близка к ней как никогда. Потом она остановилась. Вплотную к дереву.

– Когда я играла в прятки с кузенами, тот, кто водил, вставал у этого дерева и считал. Это было долго. Мы считали до 117.

– Почему до 117?

– Не знаю! Просто решили, что будет 117, и все.

– Хочешь, поиграем сейчас? – предложил Маркус.

Натали ответила ему улыбкой. Ей так нравилось, что он предложил поиграть. Она уткнулась лицом в дерево, закрыла глаза и начала считать. Маркус пошел искать, где спрятаться. Тщетная надежда: это были владения Натали. Она наверняка знала все лучшие места. Пока он искал, он думал обо всех уголках, где она могла прятаться. Он шел через все возрасты Натали. В семь лет она, наверно, стояла за тем деревом. В двенадцать – точно залезала в этот куст. Подростком она забросила детские игры, проходила мимо ежевичных кустов, надув губы. А в следующее лето на этой скамейке сидела молодая женщина, мечтательная и поэтичная, с романтической надеждой в сердце. Жизнь этой молодой женщины оставила следы повсюду; быть может, она даже занималась любовью за этими цветами? Франсуа бежал за ней, пытаясь сорвать с нее ночную рубашку, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить бабушку с дедушкой... следы бешеной, молчаливой погони через весь сад. А потом он ее поймал. Она пыталась вырваться, но не слишком убедительно. Повернула голову, мечтая о его поцелуях. Они покатались по земле, а потом она оказалась одна. Где он? Может, он где-нибудь спрятался? Его больше здесь нет. Его больше не будет здесь никогда. В этом месте не росла трава. Натали в ярости вырвала ее всю. Здесь она часами лежала ничком, и все попытки бабушки вернуть ее в дом оканчивались ничем. Маркус, шагая по этому месту, топтал ногами ее боль. Шел по слезам ее любви. В поисках убежища он пройдет по всем местам, куда Натали станет ходить уже потом, в будущем. То тут, то там он с волнением представлял себе пожилую женщину, какой она когда-нибудь станет.

Вот так, в сердце всех этих Натали, Маркус нашел, где спрятаться. Он сжался, стараясь сделаться как можно меньше. Странное занятие в день, когда он чувствовал себя большим как никогда. Все его тело пробуждалось, тянулось к необъятному. Затаившись, он стал улыбаться. Он был счастлив ждать ее, ждать, что она его найдет.

117

Натали открыла глаза.

КОНЕЦ

Экранизация

Ксавьер Риго и Марк-Антуан Роберт
представляют

Нежность

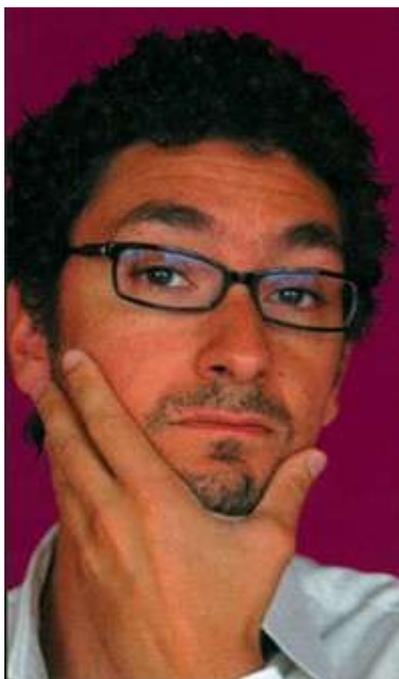
фильм Давида и Стефана Фонкиносов

сценарий Давида Фонкиноса по его роману «Нежность»
в ролях Одри Тоту, Франсуа Дамиенс

О романе

Давид Фонкинос – один из самых блестящих французских писателей нового поколения. Покорив своих соотечественников, он стремительно завоевывает популярность в мире. Его тонкие, остроумные романы уже переведены на полтора десятка языков.

«Нежность» – история любви робкого клерка к очаровательной начальнице – сразу стала бестселлером. Автор перенес книгу на экран, сняв вместе с братом одноименный фильм с Одри Тоту в главной роли.

Фонкиносу удалось невозможное: заставить смеяться и думать над любовным романом. Ситуации и диалоги восхитительны... и деликатны. Читайте и дарите друзьям.

Le Figaro

Виртуозная романтическая игра, сочетающая глубину и легкость. Ноу-хау Давида Фонкиноса.

L'Express

Как всегда у Фонкиноса, пленяют трогательные в своей неловкости персонажи, артистичный стиль писателя и его несерьезная серьезность... Высший пилотаж.

Le Nouvel Observateur

В этом восьмом по счету романе автор с невероятным изяществом передает сбой дыхания и замирание сердца...

Упоительное чтение!

Le Monde

reklama

<http://wmlink.ru/index.php?ref=149687>